

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
Институт рукописей имени ХС Кекелидзе

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
«ЗАРЯ ВОСТОКА»

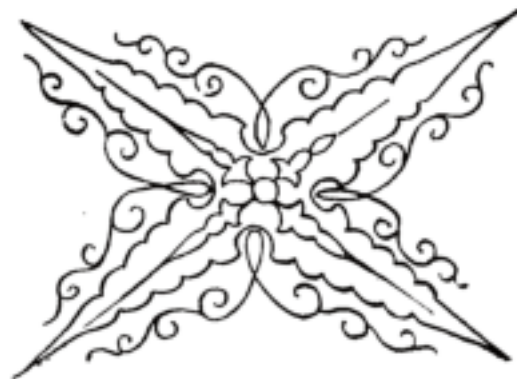

БАЛАВАРИАНИ

МУДРОСТЬ БАЛАВАРА

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ
ПРОФ. И.В. АБУЛАДЗЕ

ТБИЛИСИ 1962

*Перевод с грузинского
Бидзины Абуладзе*

*Иллюстрации, суперобложка, титульные листы,
заставки, концовки, форзац и переплет*

*народного художника Грузии
Ладо Гудиашили*

(121345)

ОТ РЕДАКЦИИ

Из глубины веков до нас дошли многие неувядаемые памятники мировой культуры, по которым можно проследить различные этапы развития человеческой мысли.

В. И. Ленин указывает, что «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры».

Среди созданных в далеком прошлом культурных ценностей, помогающих нам в изучении путей развития человеческого общества, определенное место занимает и роман «Балавариани» («Мудрость Балавара»), относящийся к раннему средневековью и получивший известность во многих странах мира. Это произведение, восходящее своими корнями к индийскому сказанию о Будде, проникало на протяжении столетий далеко на Восток и Запад, Юг и Север, все разрастаясь и меняя свой первоначальный облик.

При переработке этой легенды на грузинском языке получили дальнейшее развитие ее художественные качества, что и сделало «Балавариани» выдающимся произведением древнегрузинской литературы, отличающимся, в сравнении с другими версиями, наибольшей полнотой.

Народы Запада познакомились с «Балавариани» в

начале XI века, когда этот роман впервые появился на греческом языке, а затем был переведен на латинский.

Вопрос о происхождении греческой версии этого романа и еще более древней—грузинской—стал интенсивно разрабатываться в восьмидесятых годах прошлого столетия. В исследовании этой проблемы с самого начала включились выдающиеся русские ориенталисты — арабисты, иранисты и грузиноведы. Русской исторической науке принадлежит честь разработки и освещения основных вопросов, связанных с этим памятником. Еще в то время, когда наука располагала лишь сокращенной редакцией романа («Мудрость Балавара»), русские ученые первыми высказали предположение о том, что грузинская его версия, зависящая от сирийской (впоследствии считали — от арабской) версии, сама явилась источником греческой версии. Эту мысль разделяли и некоторые западноевропейские ориенталисты.

Теперь же, когда среди грузинских рукописей, хранящихся в Иерусалиме, обнаружена полная и самостоятельная по своему значению древнейшая грузинская редакция «Балавариани», естественно, внимание ученых вновь привлечено к нему, и тем более стало необходимым издание как грузинского оригинала, так и русского его перевода. Этот роман, как литературный памятник своей эпохи, может заинтересовать и более широкий круг читателей.

Правда, он теперь для нас имеет, главным образом, историческое значение, но интересен и с точки зрения формы, художественных особенностей и литературных приемов.

Роман «Балавариани» построен преимущественно в форме диалога, изобилующего притчами, сентенциями, афоризмами, остроумными сюжетами.

По определению академика И. Ю. Крачковского, «на протяжении своей многовековой жизни этот памятник везде возбуждает интерес: и в народном творчестве, которое отражало и перерабатывало как весь сюжет, так и отдельные мотивы, и в науке, перед которой он выдвигал ряд заманчивых, хотя и сложных вопросов, и в художественной литературе, где он воспламенял творческий гений искрами, занесенными из далеких стран».

Большой успех романа «Балавариани» был обусловлен, конечно, не наслоениями религиозно-догматических, схоластических рассуждений и назидательной христианской морали, а многочисленными сюжетными притчами, которые, более чем само сказание о пустынноике Балаваре и царевиче Иодасафе, способствовали популярности романа. Именно в этих рассказах и притчах, воспроизводящих человеческую среду и содержащих чисто житейскую мудрость, заключается реалистическая сила романа. На большую трагедийную высоту поднялась в романе его основная коллизия — любовь отца к сыну. Его не может затемнить религиозно-догматическая фразеология, неизбежно сопутствующая памятникам литературы агнографического жанра.

Роману «Балавариани» не чужда фантастика, ибо действительность отражалась в религии искаженно, фантастически, но даже в этой фантастике нетрудно обнаружить черты общественного бытия, социальной жизни.

Как учит марксизм, «...вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности» (Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

Оригинальная форма романа, которая долгое время увлекала мировую художественную литературу, оказала влияние и на грузинскую литературу.

Картина тайного ухода Автандила из Аравии на поиски своего друга Таризла в гениальной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в какой-то степени напоминает эпизод из «Балавариани» — тайный уход Иодасафа из своего царства и поиски им Балавара. А как похоже завещание Автандила на напутствие Иодасафа своему преемнику!

Притчи и рассказы «Балавариани» нашли распространение в грузинском фольклоре, а некоторые из них отражены и в книге Сулхана-Саба Орбелиани «Мудрость вымысла».

«Балавариани» («Повесть о Варлааме и Иоасафе») вышла в XVII веке в России двумя первопечатными изданиями: белорусским, выпущенным в 1637 году, и московским, выпущенным в 1680 году. Московское издание

снабжено иллюстрациями — гравюрами Афанасия Трухменского, выполненными по рисункам выдающегося русского художника, одного из крупнейших представителей реалистических тенденций в русской живописи второй половины XVII века С. Ф. Ушакова (1626—1686). Перевод московского издания был осуществлен с греческого текста. О нем говорится в книге академика А. С. Орлова «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков» (изд. Академии наук СССР, 1934) и в «Истории русской литературы» (том I, 1958, стр. 39 и 331).

В 1947 году в издании Академии наук СССР вышел перевод этого же произведения, выполненный с арабского языка видным русским ученым-арабистом В. Р. Розеном (1849—1908). В предисловии к названному изданию академик И. Ю. Крачковский пишет: «Только через 40 лет после смерти ученого представляется возможность дать читателям русский перевод этого мирового памятника в той форме, в какой он вышел из рук первоклассного специалиста». Автор предисловия отмечает и то, что «появление русского перевода открывает в истории повести о Варлааме и Иоасафе новую страницу — можно надеяться, не последнюю».

Предлагаемый читателям новый перевод выполнен с обнаруженной недавно полной грузинской редакции «Балавариани». Перевод этот, не являясь дословным, имеет целью по возможности точно передать смысл, стиль и колорит грузинского оригинала.

В приложении дан русский перевод сокращенной редакции романа («Мудрость Балавара»), сделанный в 1899 году видным ученым-историком академиком И. А. Джавахишвили. Эта публикация дает возможность сопоставления пространной и сокращенной редакций издаваемого памятника.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ „БАЛАВАРИАНИ“ И ЕГО МЕСТО В СОКРОВИЩНИЦЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возникновение и распространение „Балавариани“

«Балавариани» — так называется по-грузински широко распространенное на Востоке и Западе, весьма популярное произведение раннего средневековья, которое в греческой литературе известно как „Житие Варлаама и Иоасафа“¹. В этом сочинении агнографического жанра описываются подвиги двух главных его героев Варлаама и Иоасафа (по-грузински Балавара и Иодасафа), их усилия в деле обращения страны Индийской в христианство.

Агнографические произведения, повествующие о подвижниках христианской религии на определенном отрезке времени и в конкретных исторических условиях, обычно представляют определенную ценность для изучения истории той или иной страны. Однако, когда мы рассматриваем „Балавариани“ с этой точки зрения, то обнаруживается, что история Индии не знает картин обращения страны в христианство, подобных тем, которые даны в повествовании. Подробное изучение этого романа показывает, что в его основе лежит в переработанном виде одна из версий легендарного жизнеописания Будды² — книги, созданной в самой Индии.

¹ Издано впервые в 1832 г.: Boissonade, *Anecdota Graeca*, t. IV, Paris. Отсюда оно перепечатано у Migne, *Patrologia Graeca*, t. XCVI, 859—1240.

² История русской литературы, т. I (Литература X—XVIII вв.), издание Академии наук СССР, 1958, стр. 39.

Таким образом, прежде чем обрести вид агнографического произведения, в котором не очень считаются с отображением исторической правды, „Балавариани“ пройден большой путь.

Не случайно, что именно определенная версия «Жизнеописания Будды» (Лалита-Вистара), прошедшая через различные культурно-религиозные и социальные аспекты, была избрана для переработки в произведение агнографического жанра¹.

До того, как оформиться в агнографическое произведение, индийская легенда прошла несколько этапов видоизменения. С обнаружением некоторых эпизодов и притч в манихейских рукописных фрагментах Центральной Азии (на персидском и древнетюркском языках) стало несомненным фактом, что сказание о Будде хорошо было известно в Иране². Бесспорно, что в новой среде оно находило новое развитие.

Предполагают, что на последующем этапе, в эпоху возрождения Ирана при Хосрое Ануширване (531—579), это сказание должно было разрабатываться на пехлевийском языке. В доказательство этого, наряду с другими соображениями культурно-исторического порядка, приводят сохранившиеся на арабском языке сведения последующего периода и переводы на другие языки, которые делались, по-видимому, с этой утраченной версии³. Высказывают предположения и о том, что в ту же эпоху (VI—VII вв.) „Балавариани“ с пехлевийской версии был переведен на сирийский язык⁴. На основе некоторых культурно-исторических данных признают возможным и то, что в VII веке в несторианской митрополии Индии была обработана на сирийском языке первая христианская редакция „Балавариани“ с пехлевийской версии жизнеописания Будды⁵.

Вместе с тем утверждают, что на известном этапе „Балавариани“ был переведен с пехлевийского и на арабский язык⁶. Его возникновение относят к периоду первых Аббасидов (VIII—IX вв.), когда вместе с культур-

ным расцветом страны на этом языке возродилась и литература, как переводная, так и оригинальная¹. В подтверждение этого ссылаются на деятеля второй половины X века Абул-Фарадж-Ан-Надима, который в своем „Фихристе“, упоминая произведения индийского литературного происхождения, называет среди них „Книгу о Билаухаре и Будасафе“ и еще отдельно „Книгу Будасафа“². Упомянутые книги, переведенные с пехлевийского на арабский язык, в древних списках еще не найдены. До нас дошла лишь „Книга Билаухара и Будасафа“, впервые литографированная в Бомбее в 1889 году³. По этому изданию, так же как и ранее опубликованному Ф. Хоммелем мусульманско-арабскому дефектному тексту, только и возможно судить о ранней приближенной к первоисточнику арабской версии „Балавариани“. Сохранилась также на арабском языке и другая версия „Балавариани“, которая, как уже выяснено, представляет собой перевод греческой книги жития⁴, относящейся к сравнительно поздней эпохе и созданной в среде говоривших на арабском языке христиан.

Только к XI веку относится дошедший до нас самый ранний список рукописи греческого „Жития Варлаама и Иоасафа“. Списки его сохранились и с последующих веков⁵. В рукописи XIV века дошла до нас латинская версия, переведенная с греческого языка в 1048 году⁶. Существующие на других европейских языках „Книги Варлаама“ все, без исключения, непосредственно греческого или латинского происхождения и переведены с этих языков. С греческого языка переведено также и армянское „Житие Варлаама и Иоасафа“, древнейший список которого относится к 1322 году⁷.

¹ Повесть о Варлааме... с введением академика И. Ю. Крачковского, стр. 9.

² P. Peeters. La première traduction latine de „Barlaam et Joasaph“ et son original grec: *Analecta Bollandiana*, t. XLIX, fasc. III et IV, Bruxelles, 1931, pp. 305—306.

³ Повесть о Варлааме... с введением акад. И. Ю. Крачковского, стр. 16.

⁴ H. Zotenberg. Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabe et éthiopienne, Paris, 1886, pp. 79—83.

⁵ Всего учтено 140 рукописей. См. Fr. Dölger. Der griechische Barlaam-Roman ein Werk des h. Johannes von Damaskos. Ettal, 1953, s. 4—11.

⁶ P. Peeters. La première traduction... pp. 276—281; R. L. Wolf. Barlaam and Joasaph: *Harvard Theological Review*, XXXII, 1939, pp. 131—139.

⁷ Описание духовной жизни Иоасафа, сына царя Индийского, написанное Иоанном-монахом, под редакцией М. Тер-Мовсисяна, Вагаршанат, 1899, XXXIV—XLIX (на армянском яз.).

¹ The Wisdom of Balahvar a Christian Legend of the Buddha by David Marshall Lang, 1957, 13.

² Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе, царевиче индийском. Перевод с арабского В. Р. Розена под редакцией и с введением академика И. Ю. Крачковского, 1947, стр. 7.

³ Там же, стр. 7—8.

⁴ Там же, стр. 8—9.

⁵ К. Кекелидзе. Повесть о Варлааме и Иоасафе в христианской литературе. Этюды из истории древнегрузинской литературы, VI, 1960, стр. 44—46 (на грузинском языке).

⁶ Fr. Hommel. Die älteste arabische Barlaam-Version, Wien, 1887.

2. Главные моменты в научно-критическом изучении повести о Варлааме и Иоасафе. Грузинский «Балавариани»

С самого начала научно-критического изучения греческой «Повести о Варлааме и Иоасафе» (с 1886 года), связанного прежде всего с именем французского ученого Зотенберга, внимание многих исследователей было обращено к грузинской литературе. Это было вызвано в первую очередь тем обстоятельством, что в леммах некоторых греческих списков книга «Балавариани» упоминается как переведенная с грузинского языка на греческий, причем указывается, что перевод ее осуществлен Евфимием Грузином (Ивером). Хотя это сведение не было признано Зотенбергом и другими европейскими исследователями¹ прошлого века достоверным, все же оно сыграло свою роль, возбуждив большой интерес к грузинской средневековой литературе, в частности стимулировав поиски грузинских рукописей «Балавариани».

В изучение проблемы «Балавариани» включилась целая группа русских востоковедов, возглавлявшаяся известным арабистом В. Р. Розеном. Для участия в научных размышлениях В. Р. Розен тогда же пригласил своего ученика Н. Я. Марра, который, разделяя гипотезу учителя, допускающего возможность перевода греческой версии с древнегрузинского текста и, вместе с тем, намечающего истоки грузинской версии «Балавариани» в сирийской, с большим рвением приступил к поиску рукописей «Балавариани». Его усилия вскоре увенчались успехом, он обнаружил и в 1889 году опубликовал одну из рукописей под заглавием «Мудрость Балавара, грузинская версия душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе»². Правда, с ее опубликованием гипотеза В. Р. Розена полностью не подтвердилась, грузинский текст не был принят за подлинник греческой версии, но, с другой стороны, по признанию В. Розена, «возможность проникновения этой знаменитой повести в грузинскую литературу через сирийскую теперь едва ли может быть безусловно отвергнута»³.

¹ E. Kuhn. Barlaam und Joasaph, eine bibliographisch-literargeschichtliche Studie. Abhandlungen der Bayerischen Academie der Wissenschaften... 1896, s. 34.

² Н. Марр. Мудрость Балавара, грузинская версия душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе. Записки восточного отделения (ЗВО) Русского Археологического общества, т. III, 1889, стр. 223—260.

³ В. Р(озен). Рецензия на издание Н. Марра «Житие Петра Ивера». ЗВО, т. X, вып. I—IV, стр. 201 (сирийское происхождение «Жития Петра Ивера» В. Розен считал подтверждением ранее высказанного им суждения, что «Мудрость Балавара» происходит из сирийского. Это предположение, между прочим, сочувственно было принято и Е. Г. Нотштейн, 1890 г.).

Вскоре после обнаружения Н. Я. Марром грузинского списка «Балавариани», в лемме которого оно упоминается как «Мудрость Балавара», были выявлены и другие рукописи. В соответствии с этим впервые в 1895 году историк Е. Такайшвили издал «Мудрость Балавара» отдельной книгой¹. Чтобы сделать роман доступным для более широких научных кругов, его в 1899 году перевели и на русский язык. Перевод этот осуществил И. А. Джавахишвили².

С опубликованием русско-грузинских материалов изучение «Балавариани» постепенно углублялось и расширялось. Наряду с этим не ослаблялись усилия в области выявления новых текстов. Как в Грузии, так и за ее пределами были найдены новые рукописи на грузинском языке, относящиеся к еще более раннему периоду, чем те, которые к тому времени уже были известны. Из найденных в Грузии списков самый ранний, дошедший до нас во фрагментах, по палеографическим данным, относится к XII—XIII векам. Он был издан дважды³. Найдены также полные тексты списков «Мудрости Балавара», относящихся к XVI—XVIII векам. На основании этих списков и было подготовлено в 1937 году второе издание «Мудрости Балавара»⁴.

Списки «Балавариани» были обнаружены и за пределами Грузии, в коллекции грузинских рукописей в Иерусалиме. Один из них (№ 36), относящийся к XIII—XIV векам, описан Н. Я. Марром в 1902 году⁵. Другой список «Балавариани» (№ 140), состоящий из двух частей, был найден Робертом Блэйком и вместе с первым списком (Jer — 36) описан кратко в 1925—1926 годах⁶.

Иерусалимские списки стали вполне доступными только с 1956 года,

¹ Мудрость Балавара, под редакцией Е. Такайшвили. Тб., 1895 (на грузинском языке).

² Мудрость Балавара, перевод И. А. Джавахова, ЗВО, т. XI, стр. 1—48. См. приложение.

³ Балахвар и Иодасаф, грузинский текст... с переводом и предисловием издал А. Хаханов, Москва, 1902. М. Г. Джанашивили. Описание рукописей церковного музея, книга III, Тифлис, 1908, стр. 28—44.

⁴ Мудрость Балавара. Редакция, варианты и словарь Ильи Абуладзе, Тб., 1937 (на грузинском языке).

⁵ Н. Марр. Краткая опись иерусалимских грузинских рукописей. Подготовила к печати Е. Метревели, Тб., 1955 (на грузинском языке).

⁶ Catalogue des manuscrits géorgiens de la bibliothèque patriarcale grecque à Jerusalem par R. Blake: Revue de l'Orient chrétien, 1925—1926.

после чего они, ввиду большого их значения, легли в основу нового, третьего издания на грузинском языке¹.

В чем же заключается особое значение иерусалимских списков „Балавариани“?

До 1956 года, когда речь заходила о грузинском „Балавариани“, всегда имелась в виду „Мудрость Балавара“, полный список которой относится к периоду не ранее XVI—XVII веков. А по иерусалимской рукописи Jer — 36) ученые впервые получили возможность ознакомиться с более ранним (XIII—XIV вв.) и полным текстом „Мудрости Балавара“. Этот текст дает лучшие чтения отдельных мест, к тому же он содержит пропущенное в других списках одно с догматической точки зрения весьма примечательное место. Таковы главные достоинства списка, которые выделяют его из всех остальных.

Но еще более значительным оказался второй иерусалимский список (Jer—140) „Балавариани“. Значение его заключается прежде всего в том, что он представляет собой особую редакцию, которая и по объему (она в два с половиной раза больше „Мудрости Балавара“), и по древности (перенесена во второй половине XI века), и по времени возникновения, как увидим далее, опережает „Мудрость Балавара“.

3. Две древнейшие редакции романа — грузинская и греческая.

Происхождение грузинского „Балавариани“

С тех пор как началось научное изучение „Балавариани“, особенно после того, как стала известна его грузинская версия, одной из важнейших задач стало выяснение взаимосвязи двух древнейших христианских версий — греческого „Жития Варлаама и Иоасафа“ и грузинской „Мудрости Балавара“. Вначале Н. Я. Марр, а затем и хорошо сведущие в этой области исследователи, специалисты по грузинскому языку и литературе — П. Пеетерс, Р. Вольф и другие, несмотря на то, что грузинский текст романа „Мудрость Балавара“ и греческий текст „Жития Варлаама и Иоасафа“ не адекватны друг другу, признали, что источником греческой версии является грузинский памятник и что сообщение, данное в леммах к греческому списку о том, что „Балавара“ с грузинского языка переложил на греческий Евфимий Ивер, нашли совершенно достоверным.

При выяснении характерных признаков грузинской версии „Балавариани“ в ее сопоставлении с греческой, ученые исследователи коснулись

¹ Грузинские редакции повести «Варлаам и Иоасаф», исследованием и словарем снабдил Илья Абуладзе. „Памятники древнегрузинского языка“, 10, Тб., 1957.

и вопроса происхождения самой грузинской версии. В противоположность ранним утверждениям Н. Я. Марра, будто в „Мудрости Балавара“ замечены сириазмы, которые должны свидетельствовать о зависимости грузинской версии от сирийской¹, П. Пеетерс констатировал в „Мудрости Балавара“ арабизмы и счел несомненным происхождение грузинской версии от арабской². Последнюю точку зрения поддерживал также Р. Вольф³.

Таковы были распространенные в науке вплоть до пятидесятых годов нашего века воззрения о сущности и значении грузинской „Мудрости Балавара“. С этого времени начали возникать сомнения и даже развернулась острая критика указанной точки зрения — в частности, признания Евфимия Ивера автором греческой версии, что, естественно, вызвало такую же ревностную защиту последнего взгляда его сторонниками.

В 1953 году известный византист проф. Фр. Дёлгер опубликовал свой труд⁴, в котором он выступает против тех предположений и исторических данных, согласно которым греческая версия „Повести Варлаама“ происходит от грузинской и переложена или метафразирована Евфимием Грузином (Ивером), и утверждает, что эта версия (греческая) в существующем виде принадлежит Иоанну Дамаскину, как это, по его мнению, отмечено в леммах некоторых списков греческой версии.

Утверждения Фр. Дёлгера, его аргументы и ничем не обоснованное сомнение в истинности сведений Георгия Святогорца (Мтацмидели), биографа

¹ Н. Марр. Армяно-грузинские материалы для истории душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе. СПб., 1897, Отд. оттиск из записок восточ. отд. Русского Археологического Общества, т. XI, стр. 59—63.

² P. Peeters. La première traduction... pp. 303—307. Непосредственную зависимость грузинской „Мудрости Балавара“ от арабской версии и возможность более аргументированного объяснения замеченных им сириазмов на арабской почве позднее отметил Н. Марр в своем труде „Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера“, ч. II, Житие св. Варлаама Сирокавказского. К вопросу о „Варлааме и Иоасафе“ (ЗВО, XIII, 101, 102). Впоследствии же, а именно в написанном в 1928 году труде, который полностью был опубликован лишь в 1949 г. (акад. Н. Я. Марр. „Грузинский язык“, Цхинвали, 1949), Н. Марр без колебаний признает „Мудрость Балавара“ происходящей от арабской версии. По этому поводу он пишет: „Это факт, что она (подразумевается „Мудрость Балавара“). — Н. А.) переведена с арабского“ и т. д. (стр. 26).

³ R. L. Wolf. The Apology of Aristides—A Re-examination: Harvard Theological Review, XXX, 1937, pp. 233—247.

⁴ Fr. Dölger. Der griechische Barlaam-Roman ein Werk des h. Johannes von Damaskos. Ettal, 1953.

Евфимия Ивера о том, что Евфимий перевел „Балавара“ с грузинского на греческий, не нашли признания в науке. Многие специалисты отметили противоречивость, тенденциозность, незнание и неосведомленность автора в вопросах грузинского языка и литературы, и критиковали сложившееся у него ошибочное представление о грузинской литературе, берущее свое начало еще от Зотенберга. Не многие разделили мнение Фр. Дёлгера, и почти никто не признал правильность его доводов¹.

В дискуссии с Фр. Дёлгером его противники приводили дополнительные документы и давали новые пояснения в защиту тех воззрений, которые, как мы уже отмечали, сложились к пятидесятым годам. Более того, в ходе дискуссии возникла новая концепция о происхождении грузинской версии „Балавариани“, которая не нашла большой поддержки среди исследователей². Мы имеем в виду мнение академика Академии наук Грузинской ССР Ш. Нуцубидзе, согласно которому грузинский роман „Балавариани“ („Мудрость Балавара“), памятник первой половины VII века, — оригинальное произведение, написанное, как и грузинский „Лимонарь“ Иоанном Мосхи или Месхи (resp. Грузином). По мнению Ш. Нуцубидзе, этот грузинский автор является двуязычным писателем, сочиняющим на грузинском и греческом языках³. Этот взгляд с некоторыми коррективами разделяет и проф. С. Каухчишвили⁴.

¹ Достойный ответ Фр. Дёлгеру дал Д. Ланг: D. M. Lang. St. Euthymius the Georgian and the Barlaam and Joasaph Romance: Bulletin of the School of Oriental and African Studies, XVII, pt. 2, 1955 (то же самое на грузинском языке. „Мнатоби“, 1956, № 3, стр. 155—168). Еще раньше Fr. Halkin (Analecta Bollandiana, t. LXXI, fasc. IV, 1953); после него М. Тархнишвили. Die Anfänge der Schriftstellerische Tätigkeit des hl. Euthymius und der Aufstand von Bardas Skleros: Oriens Christianus, 1954, t. 38, стр. 113—124. Его же: Историко-литературные сведения (на грузинском языке в жур. „Беди Картлиса“, 1954, № 18, стр. 21—26). А затем Ш. Нуцубидзе. Вопросы грузинской литературы и культуры в современной науке Запада (на грузинском яз., журн. „Мнатоби“, 1956, № 3, стр. 144—154). Его же. К происхождению греческого романа „Варлаам и Иоасаф“, Тб., 1956.

² P. Devos. Les origines du „Barlaam et Joasaph“ grec. A propos de la thèse nouvelle de M. Nucubidze: Analecta Bollandiana, t. LXXV, fasc. I—II, Bruxelles, 1957, pp. 83—104.

³ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа „Варлаам и Иоасаф“, Тб., 1956; см. также его: Историю грузинской философии, Тб., 1960.

⁴ С. Каухчишвили. Новый вариант грузинского романа „Мудрость Балавара“ (на грузинском языке. Журнал „Мнатоби“, № 8, 1956, стр. 176—178); также его: Иоанн Мосх — новеллист седьмого века (на грузинском языке, журнал „Цискари“, 1958, № 1, стр. 99—109).

4. Новый список (Jeg — 140) „Балавариани“ и необходимость пересмотра проблемы романа

В 1956 году, когда представилась возможность ознакомиться с иерусалимским собранием грузинских рукописей по микрофильмам, выяснилась суть того списка „Балавариани“, который, еще по описанию Р. Блэйка, вызывал большой интерес потому, что он состоял из двух частей, а также по своему объему казался намного больше „Мудрости Балавара“. Некоторые исследователи, и прежде всех П. Пеетерс, ждали от этой рукописи подтверждения собственных взглядов в вопросе о происхождении грузинского „Балавариани“, а иные были заинтересованы другими моментами. В Грузии впервые новый список „Балавариани“ был обнаружен среди упомянутых микрофильмов автором этих строк. Наряду с подготовкой к изданию этого чрезвычайно интересного списка, оказавшегося самостоятельной редакцией, памятник этот в виде фоторепродукций и рукописных копий был передан в распоряжение заинтересованных исследователей древнегрузинской литературы. Началось оживленное изучение памятника. В связи с появлением нового списка в Грузии появилось немало научных трудов. За границей же этот список, независимо от нас, обнаружил среди микрофильмов и раньше других разобрал профессор Лондонского университета Д. Ланг. Отдельной статьей отозвался на новый список и на появившиеся в связи с ним труды ныне покойный М. Тархнишвили.

С выявлением нового текста „Балавариани“, естественно, возникла необходимость в первую очередь выяснить соотношение „Мудрости Балавара“ с новой редакцией. В результате можно было ждать пересмотра заново вопроса об отношении грузинского романа „Балавариани“ к греческой версии и арабской, связь с которой устанавливалась еще по „Мудрости Балавара“.

В глазах тех специалистов, которые смотрели на «Мудрость Балавара» как на первичную запись индийской повести сказителя¹, вновь выявленный памятник „Балавариани“, как и следовало ожидать, не обрел достойной цены. Зато для тех ученых, которые после тщательной работы нашли, что „Мудрость Балавара“ является сокращенной редакцией вновь выявленного текста, заново встали главные вопросы, касающиеся соотношения пространного „Балавариани“ с другой христианской версией повести (греческой), а также вопрос о происхождении самого грузинского памятника (пространной редакции) „Балавариани“.

¹ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа „Варлаам и Иоасаф“, стр. 84—85.

С обнаружением новой грузинской редакции «Балавариани» проблемы этого романа коснулся выдающийся ученый, историк грузинской литературы, академик Академии наук Грузинской ССР К. С. Кекелидзе, ныне покойный. В своей статье «Повесть о Варлааме и Иоасафе в христианской литературе»¹ в первую очередь он рассматривает один из главных вопросов, а именно: «когда и на каком языке была впервые разработана эта редакция (т. е. христианская редакция.— И. А.) «Балавариани» и как она приобрела тот вид, который по сегодняшний день известен под названием греческой редакции?»²

По мнению К. С. Кекелидзе, первой явилась обработка христианской редакции на сирийском языке. Это могло относиться к тому периоду, когда индийская митрополия восточной несторианской церкви вместе с персидскими национальными митрополиями вступила в борьбу с селевкийским католикосатом за независимость своей церкви. В середине VII века, как известно, встал вопрос о создании нового католикосата, который, в оправдание своего стремления к независимой церкви, нуждался в таком документе, который мог бы подтвердить, что у этой церкви был свой собственный просветитель. Более всего желательно было доказать это соответствующими литературными данными. «Для достижения этой цели, — писал К. С. Кекелидзе, — в первую очередь нужно было рассеять легенду о насаждении христианства в Индии просветителем сирийцев, апостолом Фомой»³. В противоположность этому преданию в середине VII века на почве именно пехлевийской редакции «Жития Будды» был создан роман о Варлааме на сирийском языке, характерной тенденцией которого, как заставляют нас думать грузинские редакции, было «доказать, что просветителем Индии является не апостол Фома, а индийский царевич Иоасаф и его учитель Варлаам»⁴. Эта первая христианская редакция «Повести о Варлааме и Иоасафе», после того как она выполнила свою

¹ К. С. Кекелидзе. Этюды по истории древнегрузинской литературы, VI, 1960 (на грузинском языке).

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же.

О необходимости для индийской христианской церкви найти нового своего просветителя писал еще Н. Я. Марр. См. его «Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера», ч. II — «Житие св. Варлаама Сирокавказского» («К вопросу о Варлааме и Иоасафе»); ЗВО, XIII, стр. 98 и последующие.

роль, была предана забвению и утерялась. Сегодня же наука располагает лишь двумя ее христианскими переработками—грузинской и греческой.

В труде К. С. Кекелидзе рассмотрены также следующие вопросы: а) какова связь двух грузинских редакций; б) как соотносится вновь выявленная грузинская редакция с арабской (нехристианской версией); в) краткая грузинская редакция «Балавариани» и греческая версия и г) связь грузинской пространной редакции «Балавариани» с греческим романом.

Отвечая на вопрос, какова связь существующих двух грузинских редакций, К. Кекелидзе отмечает, что известная до сих пор повесть «Балавариани», которая зовется также «Мудростью Балавара», является сокращенной редакцией, а вновь выявленная редакция — пространной. Сокращенная «в большей своей части свободна от тех длинных и отвлеченных трактатов о христианской морали и религиозных догматах, которыми изобилует пространная редакция». А некоторые отвлеченные рассуждения переданы здесь кратко и сжато. В общей части обе редакции совпадают, а местами одна и та же мысль выражена разными словами или отличается простой перестановкой одних и тех же слов. «В результате сравнения обеих редакций устанавливается, что между ними существует генетическая связь. Мы имеем основание полагать, что редакция А (т. е. сокращенная. — И. А.) является сокращением и переработкой в определенных целях редакции В (т. е. пространной — И. А.)¹. Такое сокращение этого произведения, по мнению исследователя, предпринято с целью обработки его применительно к жанру «патериковой» литературы.

На вопрос, какова связь между грузинской пространной редакцией «Балавариани» и существующей арабской нехристианской редакцией, К. С. Кекелидзе в результате сличения текстов этих двух редакций дал следующий ответ. Грузинская пространная редакция в общем «ведет начало от христианско-арабской редакции, составленной на основе, главным образом, нехристианской арабской редакции, идущей от пехлевийского «Жития Будды». В частности же, вторая часть повести — провал замысла Тедмы (в арабской версии Ал-Бахвана. — И. А.) и переход царя Абенеса на сторону христианства не находят своего соответствия в арабской повести. Автор христианин, видимо, выступая со своей идейной позицией с целью придать повествованию христианский характер, изменил конец арабской версии и переделал его по-своему». А в первой части автор «Балавариани», по мнению К. Кекелидзе, «точно следует за арабской (редакцией), только в этой части арабская редакция более пространна. Христианин автор сделал все необходимое, с христианской точки зрения,

¹ К. Кекелидзе. Повесть о Варлааме... стр. 44—48.

для подбора материала, и с этой целью он опустил многое. В общей части мы имеем полное соответствие как самого повествовательного материала, так и его расположения и последовательности. Что же касается общей догматико-моральной стороны, философских суждений и трактатов вообще, то все это, само собой разумеется, не могло войти в христианский роман целиком, без изменений¹.

О зависимости грузинской пространной редакции от арабской версии, по мнению К. С. Кекелидзе, свидетельствуют, кроме содержания, также лексико-синтаксические арабизмы, которые в свое время были замечены Н. Я. Марром в краткой редакции. По его же наблюдениям, зависимость грузинской версии от арабской вскрывается и путем ономастики, как, например: Балахвар—Билаухар, Иодасаф—Будасаф, грузинско-арабское Ракис в противоположность греческому Арахис, грузинско-арабский Серендиб взамен греческого Сенвар, и Шолайт—Шавилабат.

Как отмечено выше, К. С. Кекелидзе считал, что пространная редакция „Балавариани“ ведет начало от необнаруженной по сей день христианско-арабской редакции романа, которая, по его мнению, могла возникнуть не ранее девятого века, так как произведение, „переведенное во второй половине восьмого века с пехлевийского языка на арабский, не могло быть переработанным в христианский роман ранее девятого века². В связи с этим определено и время создания грузинской пространной редакции „Балавариани“, являющейся, по предположению Кекелидзе, переводом христианско-арабской версии, осуществленной в грузинской колонии в Палестине на рубеже IX—X веков (возникновение же краткой редакции ученый относит к концу X века).

Сравнение грузинских редакций „Балавариани“ с греческой версией, характеризующейся, подобно грузинской пространной редакции, сюжетными арабизмами, точным воспроизведением окончания грузинского романа и сходством собственных имен греческих и грузинских, привело К. С. Кекелидзе к заключению, что в основу греческой редакции положена грузинская редакция „Балавариани“ и, что особенно примечательно, именно пространная, или, как выразился ученый, «вновь найденная редакция».

По утверждению автора исследования, греческая редакция далеко не дословный перевод грузинской редакции, а подлинно метафрастная, переработанная и переработанная редакция со всеми характерными приметами метафрастной агнографии, созданная на основе перевода Евфимия

Афонского, может быть самым родоначальником метафрастного жанра агнографии Симеоном Логофетом (X—XI вв.), прозванным Метафрастом¹.

Таковы, в общих чертах, выводы К. С. Кекелидзе, сделанные им после ознакомления с иерусалимской грузинской редакцией. Сравнение ее с другими версиями „Балавариани“ и, в частности, с греческой версией, дало возможность ученому пересмотреть высказанный им ранее взгляд на принадлежность греческого перевода „Балавариани“ Евфимию Иверу².

При подготовке в 1957 году к изданию недавно обнаруженного списка романа „Балавариани“ (Jer—140) параллельно с текстом ранее известных списков „Балавариани“ (или „Мудрости Балавара“) нам, естественно, пришлось коснуться связанных с ними некоторых историко-литературных проблем. Исследование показало, что один из них, дошедший до нас в виде единственной рукописи второй половины XI века (Jer — 140), представляет собой пространную редакцию, а другие, дошедшие до нас от XII—XVIII веков, дают сокращенную редакцию, полученную путем выборки и некоторого перифраза определенных мест пространной первоначальной редакции. Сокращая текст, автор задался целью передать в сжатой форме главным образом повесть о жизни и деятельности подвижников распространения христианства, выставив на переднем плане события, а не сухие и растянутые рассуждения.

То обстоятельство, что текст сокращенной редакции носит языковые приметы более поздней эпохи, не встречающиеся ранее конца XI столетия, дало нам основание считать периодом его создания конец XI века. А что касается тех отдельных мест „Мудрости Балавара“, которых нет в пространной редакции „Балавариани“, то выясняется, что одни места внесены самим редактором, а другие, возможно, взяты из такого списка пространной редакции, который до нас не дошел. Об этом свидетельствует и то, что единственный дошедший до нас список пространной редакции является переписанным, а не первописанным документом (архетипом).

Точно так же и измененные места сокращенной редакции романа могут быть приписаны редактору, хотя не исключена возможность, что и они вытекают из неизвестного нам списка или варианта „Балавариани“.

5. Основные проблемы „Балавариани“ в зарубежной науке

Ознакомившись с иерусалимской пространной редакцией „Балавариани“, английский ученый Д. М. Ланг, который одним из первых

¹ К. С. Кекелидзе. „Повесть о Варлааме...“, стр. 65 и 71.

² К. Кекелидзе. Из истории Афонской литературной школы: Труды Тбилисского государственного университета, VI, 1936, стр. 146—151.

¹ К. Кекелидзе. Повесть о Варлааме..., стр. 52—53.

² Там же, стр. 55.

среди западных исследователей уделить внимание обнаруженно-му им тексту этого памятника, опубликовал свой новый труд¹, в котором считает Иерусалимский список „Балавариани“ пространной редакцией этого произведения, а „Мудрость Балавара“ — простым сокращением, сделанным для внесения в сборники. При этом, по мнению Д. Ланга, пространная редакция „Балавариани“ является первичной обработкой „Книги Билаухара и Будасафа“, составленной по арабской нехристианской версии в IX веке, что подтверждается и такими признаками, как собственные имена, расположение притч, повествовательная последовательность эпизодов и сходство текстов.

Создание сокращенной редакции не могло быть отделено от появления пространной редакции романа большим промежутком времени, поскольку, как отмечает Ланг, краткий текст „содержит в себе архаизмы, характерные для девятого века“. По его мнению, язык произведения иногда обнаруживает родство с языком грузинского адышского четвероглава. Указывая на это, Д. М. Ланг ссылается на наблюдения М. Тархнишвили.

Д. Ланг сравнивает иерусалимскую редакцию „Балавариани“ также с греческой версией и приходит к заключению, что в греческом романе о „Варлааме“ нет ни одной сколько-нибудь значительной части текста (кроме библейских и патристических цитат и аполгии Аристида), каковой не было бы в грузинской версии. Вместе с тем, исследователь отмечает, что в греческой версии не хватает нескольких притч, имеющих в грузинском романе «Балавариани» (например, притчи «О собаках, падали и путнике», «О лекаре», «О военачальнике и вожделениях его жены»), которые целиком и полностью исходят из арабской версии. В конечном счете Д. Ланг утверждает, что грузинский роман „Балавариани“ (в первую очередь его пространная редакция) занимает промежуточное место между арабской и греческой версиями и что от него всецело происходит греческая версия.

Вопросов, связанных с обеими грузинскими редакциями „Балавариани“, коснулся в своей статье, являющейся как бы откликом на перечисленные нами новые труды, известный филолог, ныне покойный М. Тар-

¹ D. M. Lang. The Life of the Blessed Jodasaph: A New Oriental Christian Version of the Barlaam and Joasaph Romance (Jerusalem, Greek Patriarchal Library: Georgian ms. 140). Reprinted from the BSOAS, 1957, XX.

хнишвили¹. Вопреки нашим утверждениям и точке зрения Д. Ланга, что „Мудрость Балавара“ является лишь сокращенной редакцией пространной редакции романа, обнаруженной в 1956 году среди микрофильмов Иерусалимской коллекции грузинских рукописей, М. Тархнишвили считает обе редакции восходящими к архетипу. По его мнению, „между первым и вторым списками (то есть между пространной и сокращенной редакциями «Балавариани»). — И. А.) не существует никакой прямой и непосредственной связи, и обе они восходят к общему источнику, который древнее IX века“².

Как Д. Ланг, так и М. Тархнишвили признают наличие архаизмов в сокращенной редакции „Балавариани“. Судя по этому признаку, Д. Ланг относит сокращенную редакцию к IX веку, а М. Тархнишвили считает, что первое появление романа на грузинском языке может быть отнесено к эпохе ранее VIII века, т. е. первичная его редакция могла появиться еще до захвата Иберии арабами³.

Грузинская пространная редакция, отдельные места которой, по наблюдениям М. Тархнишвили, встречаются в греческом тексте, приспособлена к утерянному арабскому тексту и, в частности, под влиянием арабской версии, должно быть, сложилась и двойная фигура Балавара, прослеживаемая в грузинских редакциях⁴.

Это соображение М. Тархнишвили основано на анализе текстов „Балавариани“, в частности путем раскрытия характера архаизмов. Следует заметить, что при датировании памятников, когда мы лишены прямых показателей, допустимо использование анализа лексических и синтаксических архаизмов, если при этом нам знакомы подробная история их употребления и развитие содержания. Но поскольку это требование в отношении грузинского языка пока что не осуществлено (из-за отсутствия надлежащих словарей), постольку нельзя избежать в этом деле произвола.

В противоположность такому способу датирования памятников мы считаем более надежным обратиться к другой языковой особенности, в частности, к наличию в рассматриваемых текстах слов иноязычного происхождения. Известно, что с самого начала в грузинской литературе находят отражение греческие, армянские, сирийские и среднеперсидские (пехлеви́йские) слова. Арабские и новоперсидские слова появляются лишь

¹ M. Tarchnischvili. Les deux recensions du „Barlaam“ géorgien: Le Muséon, revue d'études orientales, LXXI, 1—2, Louvain, 1958, pp. 65—86.

² *Ib.*, p. 76.

³ *Ib.*, p. 84.

⁴ *Ib.*, p. 86.

на определенных этапах ее развития: арабские — со времен возникновения взаимоотношений с арабами (что не могло найти свое отражение в литературе ранее VIII века) и новоперсидские — со времен образования этого языка (не раньше IX века). Отсюда явствует, что если в каком-либо древнегрузинском тексте найдутся слова арабского и персидского происхождения (тем более синтаксические особенности этих же языков), то такой текст не может быть отнесен к периоду ранее VIII—IX веков. Основываясь на этом, мы не можем датировать „Балавариани“ (обе редакции) периодом ранее VIII—IX веков.

Такой метод датирования памятников не нов. Им руководствовались видные филологи — Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, П. Пеетерс, Р. Блэйк и другие. И сегодня этот метод остается в силе. На него опирался Н. Я. Марр, когда определял дату возникновения „Мудрости Балавара“. Наличие в тексте романа персидских слов: სუსტი — „сусти“ (слабый), ფლასი — „фласи“ (власяница), ჩანგი — „чанги“ (чанг), პასუხი — „пасухи“ (ответ), ჰაბუკი — „хабуки“ (юноша) и ლაღი — „лаги“ (дерзкий) явилось для ученого препятствием в датировке „Мудрости Балавара“ литературным памятником эпохи ранее IX века¹. Все перечисленные слова, кроме ჩანგი — „чанги“ и ფლასი — „фласи“, имеются и в новой иерусалимской рукописи „Балавариани“. К ним добавляются здесь слова დასტურნი — „дастури“ (надежный, доверенный, визирь), დასტურობა — „дастуроба“ (надежность, доверенность) и იმედი — „имеди“ (надежда), которые также служат подтверждением того, что „Балавариани“, как литературный памятник, не мог сложиться ранее IX века.

М. Тархнишвили счел неправильным наш вывод на том основании, что ჰაბუკი — „хабуки“, სუსტი — „сусти“ и ლაღი — „лаги“ встречаются, мол, и в Библии, а слово პასუხი — „пасухи“ использовано и в таком памятнике, как „Письма Арсения“, переведенном на грузинский язык, по мнению обнародовавшего его Ж. Гарита, ранее IX века². Следует согласиться с М. Тархнишвили, что встречающиеся в ранних списках Библии (десятого и предшествующих веков) персидские слова, в основном, не могут являться новоперсидскими, так как эти списки представляют собой древние переводы. Исходя из этого, ჰაბუკი — „хабуки“ и ლაღი — „лаги“, в противоположность мнению Н. Я. Марра, не могут быть признаны новоперсидскими словами³. Что касается слова სუსტი — „сусти“,

то нельзя не признать его новоперсидским, ссылаясь на словарь Сулхана-Саба Орбелиани. В этом словаре, толкуя слово სუსტი — „сусти“ (слабый), автор ссылается на одно место из Даниила (VIII, 27), с которым лексикограф знаком по гелатскому переводу Библии, выполненному в XI—XII веках, когда именно и возможно было употребление новоперсидских слов. Что же касается того, будто პასუხი — „пасухи“ встречается ранее IX века и поэтому не может быть причислено к новоперсидской лексике, то это неверно, ибо слово პასუხი — „пасухи“ по своей форме принадлежит только новоперсидскому языку и вошло в грузинскую лексику не ранее IX века. А предшествующая среднеперсидская (пехлевийская) форма этого слова — *patсахуан* в памятниках грузинской литературы V—VIII веков отсутствует (она нашла отражение лишь в древнеармянском языке в форме „патасахани“). Поэтому сомнительно, чтобы указанный М. Тархнишвили источник был так древен, как он предполагает.

Два других слова — ჩანგი — „чанги“ и ფლასი — „фласи“ — М. Тархнишвили считал наслоением более поздних времен, возможно, даже позднее XII века. О встречающихся в пространной редакции „Балавариани“ словах დასტურნი — „дастури“ и იმედი — „имеди“ М. Тархнишвили умалчивает. Но как бы ни старался кто-либо принизить значение самого факта наличия этих слов и перенести акцент на стилистические архаизмы в условиях, когда нет возможности точно проследить весь материал, — это не только не приблизит к истине, а, наоборот, отдалит от нее, породив вместе с тем такие предположения, которым трудно будет поверить.

Наличие в том или ином грузинском памятнике подобной иноязычной лексики не может служить основанием для признания его ранним произведением грузинской литературы (V—VIII вв.), а, наоборот, заставляет думать, что такой памятник принадлежит IX—X или последующим векам, но какому именно, нам подскажут уже данные исторической грамматики. По этим данным, пространная редакция „Балавариани“ и признается нами памятником IX—X веков, а сокращенная — памятником конца XI века, если не более позднего времени.

6. Общие выводы из сравнительного анализа двух редакций романа

Утверждение, что пространная редакция „Балавариани“ — первичный литературный памятник, а вторая — ее сокращенный вариант, является общим выводом упомянутых выше исследователей (кроме Тархнишвили). К такому выводу почти одновременно с нами и независимо друг от друга пришли К. С. Кекелидзе и Д. М. Ланг. Общим является также вывод о времени возникновения пространной редакции „Балавариани“ на грузинском языке. Д. Ланг относит ее к IX веку, К. Кекелидзе — к рубежу

¹ Н. Я. Марр. Армяно-грузинские материалы для истории душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе: ЗВО, т. XI, стр. 58—63.

² М. Tarchnischvili. Les deux recensions... pp. 73—74.

³ Потому-то мы слово ჰაბუკი — „хабуки“ в упомянутом выше нашем труде (стр. 033) исключили из списка (ново)персидских слов.

IX—X веков, а мы — к IX или к X веку. Мнения исследователей расходятся лишь в вопросе о времени появления сокращенной редакции. Д. Ланг считает эпохой ее возникновения IX век (утверждая при этом, что ей предшествовала в этом же веке пространная редакция романа); К. Кекелидзе датирует ее концом X века, а мы — концом XI века, если даже не более поздним периодом. М. Тархнишвили, как было отмечено, придерживался иного мнения.

Каковы истоки пространной редакции „Балавариани“? И в этом вопросе исследователи не особенно расходятся. Прямой ответ дают К. Кекелидзе и Д. Ланг. Последний считает пространную редакцию „Балавариани“ первичной христианской грузинской обработкой арабской „Книги Билаухара и Будасафа“. К. Кекелидзе признает ее переводом с еще не обнаруженной христианско-арабской редакции. Нам же кажется правильным предположение Д. Ланга. Если бы вообще существовала христианская редакция романа на арабском языке, то, думаю, не было бы необходимости у христиан, говорящих на арабском языке, переводить впоследствии роман с греческой версии, которая в художественном отношении намного уступает даже арабской нехристианской версии (к которой предположительно восходит происхождение христианской версии), а также грузинской пространной редакции, так или иначе зависимой от арабского источника.

7. Новые моменты, свидетельствующие о связи грузинского «Балавариани» с греческой и арабской версиями романа

Кроме общих соображений, высказанных по вопросу о зависимости пространной редакции „Балавариани“ от арабской версии, и о том, что грузинская редакция является источником греческой, считаем нужным отметить еще некоторые новые моменты, подтверждающие упомянутые взгляды. Прежде всего, это касается проникновения имени индийского царя Абенеса из арабской версии в грузинскую, а затем из грузинской в греческую.

По спискам сокращенной редакции „Балавариани“ и рукописи пространной редакции имя „Абенес“ варьируется: „Небенас“, „Абенесе“, „Абенес“. Недавно было найдено древнегрузинское песнопение, посвященное Иодасафу, которое, по мнению Ц. Джгама, подготовившей его к изданию, сложено раньше известного песнопения, созданного Георгием Мтацмидели (Святогорцем)¹. В новом песнопении индийский царь носит

¹ Ц. Джгама. Новый вариант песнопения об Иодасафе: Известия Института рукописей, III, Тб., 1961, стр. 47 (на грузинском языке).

Е. Метревели. К истории грузинской оригинальной гимнографии в XI веке. Труды Тбилисского Государственного педагогического института им. Пушкина, т. IX, 1952, стр. 183—218 (на грузинском языке).

имя «Абенесер». Сопоставляя все встречаемые в грузинских списках формы этого имени, мы узнаем, что первичным является «Абенесер» (Habenecer). Последний слог этого имени — „сер“ напоминает окончание арабского имени индийского царя „Джанайсар“. Совпадают и остальные части этих слов. Три предыдущие согласные „Н“, „б“ и „п“ не что иное как арабские „дж“, „н“ „й“, которые или ошибочно прочитаны из-за неразборчивости и искаженности диакритических знаков, или же, возможно, подсказаны своеобразным прочтением текста, написанного без диакритических знаков.

Сравнивая грузинскую транскрипцию имени Habenecer с греческой Α'βε'υνηρ („Авенир“), мы еще более убеждаемся в зависимости греческой версии романа от грузинского „Балавариани“.

То, что грузинская версия „Балавариани“ в свою очередь находится в зависимости от арабской, подтверждается еще одним важным моментом другого порядка. Это — присутствие в грузинском тексте одного синтаксического явления, которое характерно только для арабского языка.

Известно, что на арабском языке союз „ва“ („и“, по-грузински „და“) употребляется не только для связи однородных членов предложения и сложносочиненных предложений, а и для подчинения придаточных временных главному предложению. В подобных случаях на современном грузинском языке обычно прибегают к словам ზაშობ („тогда“), ზაშობ როცა („тогда как, в то время как“), როცაღებ („когда“).

Характерно, что упомянутая арабская синтаксическая особенность прослеживается лишь в пространной редакции „Балавариани“ (ср. следующие места грузинского текста по изданию 1957 г. — 81, 20—22, 81, 22—24, 139, 26—38).

Итак, изучение пространной редакции романа „Балавариани“ целиком подтверждает предположение, высказанное в свое время на основе данных сокращенной редакции „Балавариани“ известными исследователями Н. Я. Марром, П. Пеетерсом и Р. Вольфом. У современных исследователей эту мысль особенно подкрепляет и углубляет то обстоятельство, что после выявления новой рукописи „Балавариани“ стало очевидным большое текстуальное сходство рассматриваемого романа как с греческой, так и с арабской версиями.

8. Место «Балавариани» в мировой литературе

Изучение пространной грузинской редакции «Балавариани» приводит нас к выводу, что из нее берет свое начало греческая версия о Варлааме, что она является кимеином (т. е. первичной, не переработанной редакцией), откуда происходит греческий метафраза. Раз это так (а это теперь вне всякого сомнения), то спрашивается, кого же надо признать ав-

тором греческой версии, если не Евфимия Грузина (Ивера), как об этом гласят леммы некоторых греческих списков «Жития Варлаама»? Автор романа о Варлааме, безусловно, является превосходный знаток грузинского и греческого языков. И сейчас, когда найдена новая грузинская редакция «Балавариани», имеющая много точек соприкосновения с греческой, особенно убедительно звучит голос биографа Евфимия Грузина (Ивера) — Георгия Мтацмидели (Святогорца), писавшего, что «отец Евфимий перевел с грузинского языка на греческий „Балавар“ и „Абукура“ и несколько других писаний»¹.

Тот факт, что из грузинской версии «Балавариани» возникла греческая версия, которая способствовала дальнейшему распространению этого весьма примечательного средневекового романа среди многих народов Запада и Востока, говорит о значении того вклада, который внесен грузинской литературой в сокровищницу мировой литературы.

Этот вклад не случаен. Начиная с пятого века новой эры, грузинскому народу удавалось устанавливать и поддерживать живую связь с внешним миром и налаживать тесные культурные взаимоотношения с христианскими Западом и Востоком. Эти связи, возникшие на определенной идеологической основе, способствовали сближению культур различных христианских народов, заимствованию друг у друга отдельных духовных ценностей. Так сложились с древнейших времен литературные взаимоотношения между грузинами, сирийцами, армянами, греками, арабами и другими народами. Постепенное выяснение характера и масштаба культурно-литературных взаимоотношений показывает, что грузинские культурные очаги, где бы они ни возникали, при благоприятных обстоятельствах всегда вели активную деятельность, устанавливая и укрепляя связи с народами, располагающими письменностью. Эти связи по своему характеру были не односторонними, а взаимными.

С установлением связей с народами, творящими на арабском языке, грузинские деятели в Иерусалиме и его окрестностях получили возможность переложить на грузинский язык замечательные памятники христианской литературы, созданные на арабском языке (переводные и оригинальные). Грузинские переводы относятся к разным отраслям знания. Среди них имеются агнографические, аскетические, экзегетические и другие произведения. Одно из агнографических произведений переложено даже в стихах. Это — тот памятник, который, как указывалось выше, по свидетель-

¹ Георгий Мтацмидели. Житие Иоанна и Евфимия. Подготовил к изданию И. А. Джавахишвили. Памятники древнегрузинского языка, 3. Тб., 1946, стр. 15—16.

ству Георгия Мтацмидели (Святогорца), вместе с «Балаваром» перевел с грузинского на греческий язык Евфимий Грузин. Это — «Абукура», настоящее название которого — «Мученичество святого Микаэла, побывавшего в лавре святого отца нашего Саба»¹.

Особенно обширны и плодотворны были взаимоотношения, установленные с греческой литературой эпохи Византийской империи. Не оставалось ни одного значительного памятника творческой мысли, которого не переняла бы грузинская литература. Она всегда следила за развитием литератур, созданных на языках наиболее развитых христианских народов, и не оставляла ни одного значительного события без своевременного отклика на него.

Как выясняется на примере «Балавариани», древняя грузинская литература во взаимоотношениях с восточными христианскими культурными очагами не осталась в стороне от обработки или перевода этого весьма интересного с литературной точки зрения произведения. Нет сомнения, что роман привлек внимание грузинских писателей не только своим сюжетом и содержанием, но и своей художественной формой.

Уже отмечалось и всеми признано, какое большое художественное значение имели притчи, к которым прибегали для лучшего изложения тех или иных сложных морально-догматических положений.

Пространная грузинская редакция «Балавариани» по количеству притч не только не уступает греческому «Варлааму», но даже превосходит его, что бесспорно говорит и о ее высоких художественных достоинствах.

Духовная жизнь и практическая деятельность главного или второстепенного героя романа с исключительной художественной силой воспроизведены в пространной редакции романа «Балавариани». В романе нет необычайных явлений, так же как и «чудес» и «знамений», созданных религиозным мышлением, и этим грузинский роман заметно отличается от греческой версии и отчасти от грузинской краткой редакции «Балавариани».

В греческом «Варлааме», в отличие от «Балавариани», обращает на себя внимание также обилие цитат из священных писаний и сочинений, особенно из произведений Иоанна Дамаскина. Каждая теза, всякое суждение богословского или догматического порядка сопровождаются выдержками или цитатами из библии и других богословско-философских источников. Означенные извлечения столь обильны в греческом романе, что при-

¹ К. Кекелидзе. «Роман Абукура» и его две редакции в древнегрузинской литературе». Этюды из истории древнегрузинской литературы, VI, Тб., 1960, стр. 18—40 (на грузинском языке).

веденные в нем притчи зачастую теряют свой художественно-познавательный характер и тонут в бесконечных абстрактных рассуждениях.

Таковы главные бросающиеся в глаза различия между грузинской и греческой версиями «Балавариани». В художественном отношении греческая версия уступает грузинской. В греческом тексте многословие и обильно цитат из библии и богословских произведений, как это свойственно метафразе, приносит в жертву простоту изложения и художественность, характерные для грузинской пространной редакции.

Проф. И. В. АБУЛАДЗЕ

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Мудрость Балавара». Редакция Е. Такайшвили. Тбилиси, 1895 (на грузинском языке).

«Мудрость Балавара». Перевод с грузинского А. И. Джавахова (Джавахишвили). Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XI, СПб, 1899.

«Балавар и Иодасаф». Грузинский текст с русским переводом и предисловием проф. А. Хаханова (Хаханашвили), Москва, 1902.

«Мудрость Балавара». Редакция И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1937 (на грузинском языке).

«Повесть о Варлааме и Иоасафе». Перевод с арабского акад. В. Р. Розена. Редакция и вступительная статья акад. И. Ю. Крачковского. Издание Академии наук СССР, М.-Л., 1947.

«Мудрость Балавара». Перевод с грузинского. В сборнике трудов акад. И. А. Джавахишвили «Вопросы истории грузинского языка и литературы», Тбилиси, 1956.

Грузинские редакции «Балавариани», с исследованием и словарем И. Абуладзе под редакцией А. Шанидзе. Памятники древнегрузинского языка, т. 10, Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1957.

Н. Я. Марр. «Мудрость Балавара», грузинская версия... Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. III, СПб, 1889, стр. 223—260. Его же. «Армяно-грузинские материалы для истории душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе», т. XI, стр. 49—78.

А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков, Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1934, стр. 69—77.

Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф», Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1956.

К. С. Кекелидзе. Статья о «Повести о Варлааме и Иоасафе» в сборнике трудов автора «Этюды по истории древнегрузинской литературы», Издание Тбилисского государственного университета, 1960, т. VI, стр. 41—71.

БАЛАВАРИАНИ
МУДРОСТЬ БАЛАВАРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИТИЕ ИОДАСАФА, СЫНА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ АБЕНЕСА, ОБРАЩЕННОГО БЛАЖЕННЫМ ОТЦОМ И УЧИТЕЛЕМ БАЛАВАРОМ

1. Был некий царь в стране Индийской, в местности, называемой Шолайт, и звали его Абенес. Он был великим язычником, владел большим царством и неисчислимым множеством войск, наводил страх и ужас на всех и легко одолевал врагов. Был он горд, надменен и красив; прославился глубокой мудростью своей и правосудием; он ненавидел и преследовал служителей Христа, имя его — Абенес. Всеми помыслами он был связан с благами мирскими и был рабом своей собственной страсти и вовсе не в силах был противостоять наслаждениям, растлевающим душу. Не было на свете ничего, что бы ему не досталось, если бы он того пожелал. Одного только ему не хватало — не имел он сына.

2. Между тем в стране его умножились верующие в Христа и подвижники — люди святые, из которых иные совершенно отрешились от мирских забот. И весьма дивились они тому, что царь столь зависим от собственных страстей и следился рабом славословия. И начали они ненавидеть жизнь и все деяния царя. Говорили о затаенных страданиях и соблазнах мира, о конце мирской злобы и о том, что образ мира непостоянен.

И дошли их слова до царя Абебеса, который весьма ожесточился по этому поводу и сказал про себя, что такое их сопротивление может послужить причиной разрушения его царства и растления порядка. По сему он вознегодовал на христиан и навлек беду на людей благочестивых и на всех, кто прислушивался к их словам. И тогда начал он замышлять при помощи дьявола зло против них. И наложил на них тяжелую руку, и стал истязать и мучить их, столкнув с ними людей безумных. И начал он призывать к себе и принимать идолопоклонников с большими почестями, восславлять их идолов и в их присутствии поклоняться им; приносил им жертвы и принимал участие в их праздниках. И взялись все безумцы и невежды вместе с царем служить идолу.

Тогда в стране усилились соблазны идолопоклонства, и большие беды и притеснения постигли все церкви и верующих людей, и никто не был в силах терпеть эти беды, кроме совершенных и истинных исповедников Христа.

3. И справился царь об одном из вельмож, весьма прославленном и преуспевшем в мужестве и мудрости. Оказалось, что тот доблестный муж оставил сей преходящий мир и, последовав за Христом, проводил жизнь вместе со всеми другими отцами, но царь не знал об этом.

Когда доложили царю о содеянном вельможей, он весьма опечалился и приказал привести его. И когда привели, царь увидел его в образе инока, подобного людям веры, в облачении уничиженных. Сердце царя преисполнилось ярости, и начал он бранить его с гневом и сказал:

— О безумец, ты был знаменит и почитаем мною, а сделался посмешищем, наряду с безрассудными; ты низверг славу свою, которую заслужил предо мной и, следуя по пути безумных и падших, погубил величие свое и осмеян и опозорен в народе. И что ты навлек на дом свой и детей своих?!

Отвистил человек божий ему:

— Мне нечего оправдываться перед тобой, ты же обязан уважать самого себя и защитить ум твой от врагов.

Спросил его царь:

— А кто же враг ума моего?

Отвистил ему человек сей:

— Врагом ума твоего является ярость твоя, которая возбуждает и смущает его и сопротивляется добрым делам. Выслушай ныне слово мое и, вникнув, поступи так, как желаешь.

И сказал ему тогда царь:

— Вот отвращаю я от тебя гнев свой: говори, если есть у тебя, что сказать в свое оправданье!

Отвистил ему человек сей:

— Теперь изволь сказать, царь, за что вознегодовал ты на меня, чем согрешил я пред самим собой или пред тобой, как перед царем?

Сказал ему царь:

— Разве не знаешь ты, что, греша против самого себя, ты грешишь и против меня? Ведь на мне лежит обязанность судить заблуждающихся праведным судом, наказывать правосудием моим, принять к сердцу всякую правду народа моего и осудить провинившихся. И если ты наносишь самому себе какой-либо вред, не поправимый ничем, кроме моего правосудия, знаешь ли, на какие испытания ты меня этим обрекаешь? И теперь ты зависишь от меня так, как и другие из народа моего, ибо, если кто тебе сделает зло, я обязан защитить тебя от него, так же как должен защитить от тебя каждого, кому ты причинишь зло; я обязан защитить и самого себя от тебя, а затем дом твой и детей твоих, ибо ты погубил их.

Отвистил ему святой человек:

— Основой судилища являются взаимные словопрения, и никто не принимает слова осуждения без явного доказательства вины, да и никто не утверждает в суде доказательства, кроме судьи. Однако, о царь, при тебе есть двое судей: один заслуживает моего доверия, другой — сомнителен. Если ты посадишь между нами судьей того, кто заслуживает доверия, то он рассудит справедливо, но если посадишь того, кто сомнителен, то не поможет мне правда моя.

Царь спросил:

— Кто же эти двое судей, и который из них заслуживает доверия?

Ответил ему человек сей:
— Заслуживают моего доверия твоя мудрость и рассудок твой, а сомнительными для меня являются ярость и воля твоя.

Сказал тогда царь:
— Вот, отстраняю от тебя гнев мой и волю мою, и да будет судьей между тобою и мной рассудок и правосудие мое, хотя мне и без этого ясно помрачение разума твоего. Теперь же поведай все деяния твои и скажи, кто соблазнил тебя.

Сказал ему человек, возлюбивший Христа:
— Начало дела моего таково: в дни юности я услышал слово одно, и оно, каплей запав в меня, росло изо дня в день, как растет любое растение, пока не завершится его развитие и не даст оно такой плод, какой ты видишь во мне. Слово это — в сердце моем, и во всем, что я делал, оно значило: не разумные считают сущее за не сущее, и не сущее за сущее. Кто не постигнет то сущее, тот не избегнет не сущего. А сущее сие есть другой, грядущий мир, а не сущее — мир сей, которым ты одержим.

И слово это мое сердце хранило всегда, и час от часу я все больше думал о нем. И когда оно меня уличало, то предостерегало душу мою, и очищался разум мой, чтобы помочь душе. И затем вновь возникала воля, чтобы склонить к наслаждениям, и отстраняла от меня то, что я до тех пор познал, пока не сговорились душа и разум. Тогда рассеялись соблазны и узрел я, что мир сей во всех отношениях есть огонь. И показало оно, слово это, все соблазны мира и западни, в которые он завлек всех приверженцев своих.

Тогда я сдержал волю свою, искоренил похоть и заставил разум заняться познанием добра и зла. И тогда спало покрывало печали и рассеялось опьянение от прихотей и открылась срамота мира сего. И видел я будущее, рассматривал преходящее и подвергал исследованию конец, пока не утолил жажду знания. И хотя я не зрел, но знание само являлось мне. Я не спрашивал, — оно само рассказывало мне о страстях своих, которые питало только к близким и друзьям своим. И тогда чистота мира сего показалась мне мутностью, и радость его — горем, и богатство его — нищетой, и возвышение его — низостью, и наслаждение его — покаянием. Нигде я не нашел такого человека, который, имея богатство, не имел бы при том причины для забот. Ибо богатство

его не может быть упорядочено ничем, кроме забот, которые сопутствуют ему.

Это подобно тому, как некий нищий нашел коня. Знаешь ли ты, какие предлежания за этим заботы? Понадобились ему для коня и корм, и снаряжение, и стойло, и тому подобное. Да разве когда-нибудь кончаются желания, следующие одно за другим? И разве мир сей не полон горечи и боли, ибо нет никого, кто возрадовался бы от потомства или имущества, если оно ему досталось. А причины боли и печали сердца — ожидание грядущих зол, болезней, недугов или прихода конца своего. Тогда исчезает сладость страстей: за наслаждениями вмиг наступает горечь, для которой нет выхода. Из этого вывод, что вовсе не следует смешиваться с миром и особенно с теми, которые знакомы с его соблазнами. И тем более следует возненавидеть и избегать эти соблазны. Ими щедро располагает сей мир, — ибо человек ожидает со дня на день и с часу на час ущерба от убавления времени и боится за имущество, потому что его похитит смерть, когда он ее совсем не ждет. И тогда не по воле своей оставит он мир, которым одержим.

Отныне я осуждаю, царь, сей мир и предостерегаю тебя от него, ибо он отбирает то, что дает, и сожалеет о том, что дарит, и затем отпускает обремененным. Он грехами скрадывает одежду, в которой ходит человек, пока не оголит его до срамоты и не навлечет на него позор и поношение; он унижает того, кого превозносит, доколе не сделает его попираемым ногами врагов. Он соблазняет послушных ему, ненавидит любящих его, коварен со своими единомышленниками, повергает того, кто опирается на него, приводит в отчаяние уповавших, омрачает радость веселящихся, и никто из тех, кто его любит, не уходит от него с миром. Ибо он дает слово и приручает безумных. Они исполняют, а он обманывает. Сегодня он уготовляет пищу пирующим, а завтра бросает их самих червям на съедение. Сегодня все служат тому, кто завтра сам служит другим. Сегодня он дает радоваться завистникам над их врагами, а завтра врагам — над ними. Сегодня возводит в цари того, кого завтра делает рабом другого. Того, кто сегодня протирает руку, чтобы раздавать дары, завтра заставляет протягивать ее за милостыней. Сегодня возлагает венец, украшенный драгоценными камнями, на голову того, чьи ланиты завтра зароев в могилу. Сегодня украшает шею ожерельем, а завтра унижает железны-

ми наручниками и цепями. Любимого сегодня друзьями дает завтра ненавистным им. Сегодня собирает хвалителей славословить того, вокруг которого завтра соберет рыдающих и плакальщиц по нем. Сегодня всем желанна близость к тому, с кем завтра все жаждут расстаться, после чего он угождает для него геенну огненную. Он не оплакивает уходящих, не милует остающихся. Нравится ему все, что смеялось, не милует ушедшее, и предпочитает он оставшееся, и сажает злодеев на место добрых, трусов — на место мужественных, неверующих — на место верующих.

Он собирает всех на исходе пути еще до того, как отнять желанное, ибо мирские заботы преходящи: все враждуют и едят друг друга и кусаются, как псы, ибо знают о краткости срока жизни и о том, что она мимолетна. Поэтому одни стараются поспеть раньше другого, ближний насилует ближнего, чтобы похитить что-либо еще до его ухода из мира сего. Они постоянно враждуют и безмерно завидуют друг другу. А тот, кем познаны вечные блага и кто признал их, уповаает на вечность грядущих благ, постижимых святыми. Оттого-то познавшие не враждуют меж собой и не завидуют друг другу и никогда вражда и зависть им в голову не придет, ибо многие жаждут только той обители, которая обещана единокровным сыном божьим именем отца своего.

Это — братья и ближние мои, к которым я приобщился и которые меня призрели. А те, кого я считал своими другом и братом, — злее всяких врагов оказались. Потому и удалился я от них и обрел мир и следую за ним.

Вот образ сего мира не сущего, но если ты желаешь знать образ сущего, я покажу тебе его таким, как сам воспринял, ибо не в силах познать непреходящие дары Христа тот, кто не владеет волей и разумом своим.

И возразил ему царь:

— Пропавший! Ты ничего не узрел и ничего не обрел, кроме гибели души своей, ибо отточил язык свой для совращения народа, и если бы я не дал тебе обета перед тем, как ты заговорил, то приказал бы сейчас же бросить тебя в огонь. Встань и удались из царства моего.

И человек тот ушел не медля туда, в пустыню, к святым отцам.

Взъярился после этого царь на всех христиан, особенно на монахов-пустынников, и сказал:

— Это они — совратители, восставшие против воли моей и моего влечения к удовольствиям и радостям.

И усилил он поэтому преследования всех христиан, умножил прославление идолов и удостоил их служителей высокого почета.

4. Пока царь пребывал в заблуждении, родился у него сын, столь прекрасный, какой еще не рождался во все времена.

Преисполнился царь большой радости, назвал его Иодасафом и сказал: «Его мне даровали идола мои, ибо я прославил их». И еще больше предался ликованию и наслаждениям, губящим душу.

Собрал царь множество звездочетов, чтобы узнать, что предначертано царевичу. Все в один голос сказали, что отрок достигнет такой царской славы и величия, каких еще не достигал никто в стране Индийской.

Но среди мудрецов был один наиболее прозорливый и сведущий. Он сказал:

— Я так думаю, царь! Та слава, которой достигнет это дитя, не от сего мира, и кажется мне, что он будет великим подвижником на пути истины.

Услышав эти слова, царь огорчился, исполнился печали и отрешился от радостей.

Затем он приказал построить для своего отрока город, обособленный от окружающего мира, и младенец был водворен в него. Отец приставил к нему людей верных, чтобы те прислуживали и холили его, а когда мальчик подрос и окреп сознанием, царь приказал удалить тех людей, а новым слугам велел: не смей упоминать при нем ни о смерти и болезнях, ни о жизни вечной, ни о правде, ни о грехе, ни о старости, ни о юности, ни о нищете, ни о богатстве. Приказал царь удалять из города всякого, кого только постигнет какой-либо недуг, чтобы отрок не видел больных. Это сделал царь для того, чтобы не имел царевич никакого повода доискиваться истины и расспрашивать других о вере христианской.

5. После этого царь приказал изгнать из своего царства всех христиан — священнослужителей и верующих. Послал он глашатая, а тот громко взывал: так, мол, говорит царь

Абенес: «Если только найду кого-либо из вас по прошествии трех дней в моем царстве, то предам сожжению». И никого из христиан не осталось в той стране, так что и память о них исчезла.

Был у царя муж некий, советник. Он был знатен и весьма надежен. Был он добрым и добродетельным и у царя самым любимым из всех людей, только некоторые завидовали ему, не мирились с чрезмерным предпочтением его и искали подходящего момента, чтобы навлечь на него зло.

Вышел царь однажды в сопровождении своего советника обозреть окрестности города. Подошли они к одному дереву. Заметил советник лежащего под ним человека. У того болели ноги, и он не в силах был привстать. Спросил его царедворец, что с ним. Тот ответил:

— От зверя случилось со мною это. Однако если ты возьмешь меня с собой, то по воле господина найдешь во мне пользу.

— Я так и поступлю, — ответил царедворец, — если даже не найду в этом пользы. Только скажи, что это за польза, о которой ты говоришь?

Ответил ему больной:

— Я зашиватель слов!

— А как же ты зашиваешь слова? — спросил его царедворец.

На это страждущий ответил:

— Если в словах обнаружатся раны, я зашиваю их, чтобы не было от них вреда.

Царедворец не придавал значения этим словам, но тут же распорядился отвести страждущего и окружить попечением.

Вскоре, однако, приближенные царя устроили тому царедворцу западню, они сказали венценосцу:

— О царь! Известно ли тебе, что любимец твой хочет завладеть твоим царством и унаследовать трон, для чего неустанно совращает народ? Теперь, если ты желаешь узнать истину, скажи ему, что вот, мол, покидаю я свою страну, потому что лжив сей мир, и хочу присоединиться к рабам божьим, которых я рассеял по свету. Тогда ты убедишься в правдивости наших слов. Испытай его таким путем, и ты узнаешь о его вероломстве.

А эти люди знали о чувствительности царедворца к разговорам о вечной жизни. Так коварно вздумали они погубить его.

Ответил им царь:

— Если я не найду вины, о которой вы говорите, то не буду судить его.

И призвал царь любимого своего царедворца и начал испытывать его.

— Ты знаешь, — сказал царь, — как разум мой слился с миром сим и как провел я свои дни. Ныне я вижу, что тружусь тщетно, и боюсь, а вдруг наступит конец мой и останусь я ни с чем. Ныне я хочу позаботиться о вечной жизни больше, чем забочусь о жизни в мире сем, и ничего иного не остается, как пристать к рабам Христа, которым я причинил так много бедствий. Что ты скажешь мне на это, мой преданный советник?

Когда тот услышал слова царя, у него самого проснулось желание приблизиться к Христу, и он прослезился. И сказал царю:

— Живи, царь, живи до скончания века! Хотя вечное трудно уловимо, но все же подобает искать его. А преходящее, хотя оно есть нечто сладкое, лучше отвергнуть, ибо оно есть и нет, и те, которые ему рады, как будто и не рады, те, которые им веселятся, как будто и не веселятся, а тем, которые бедствуют, как будто нечего бедствовать, ибо одно преходящее кратковременно и ничтожно среди вечных. Однако скорбь о боге коротка среди быстротечных и совершенна среди вечных. Отныне направь сердечные помыслы свои, ибо они хороши, так, чтобы оставлением сего преходящего обрести вечное царство.

Тяжко стало царю от этих слов, и исполнился он злобы, но не открылся в этом.

Понял царедворец, что ему расставлена сеть, когда заметил, как изменился в лице царь. И вернулся он к себе домой весьма опечаленный — не знал, откуда западня сия, в которую он попал, и кто изменил отношение царя к нему. И провел всю ночь без сна. Тогда вспомнил он человека — зашивателя слов! Призвал его к себе и сказал:

— Ты когда-то говорил мне, что врачуешь раны слов?

Он ответил:

— Да, верно, говорил! Не нужно ли тебе чего-нибудь?

Тогда царедворец начал рассказывать ему:

— В продолжение стольких лет служил я царю, и никогда еще он не гневался на меня, так как я был предан-

ему. Сегодня же я видел его в таком расположении духа, что не могу быть спокоен за себя.

— Что же произошло между тобой и им? — спросил его тот пострадавший.

— Мне ничего не известно, кроме того, что он сказал одно слово, а я посоветовал ему лучшее. Мне кажется, что он тем словом только испытывал меня. — И передал царедворец подробно весь свой разговор с царем.

Сказал ему пострадавший:

— Неужели это могло ранить твои слова? Однако я исцелю их с помощью всевышнего. Так знай, что царь подозревает тебя во зле и думает, будто ты добиваешься захватить его царство, и не без лукавства внушили ему это слово. Завтра встань, остриги на голове волосы, сними свое одеяние и облачись во вретнище и подойди к царю. Если царь спросит, что это значит, скажи ему: «Вот, я готов к тому, к чему ты вчера призывал, хотя человеку изнеженному легче умереть, чем нести такую жизнь. А я не хочу жить без тебя. Поскольку ты приобщил меня к благам царствия твоего, то и я должен приобщиться к твоей земной скорби, и как до сих пор был обласкан тобой, так отныне мне мучиться вместе с тобой, дабы вместе удостоиться желанного. Ныне не мешкай, царь, ибо сердце подсказало тебе добро».

Поступил царедворец так, как научил его пострадавший. И вышло из сердца царя подозрение на него, и разгневался он на рабов божьих, преисполненных злобы и зависти.

6. Обезжал однажды царь окрестности и увидел двух мужей из христиан, выходящих из города. Он позвал их к себе и сказал:

— Как вы смели до сих пор не убраться из страны моей? Или вы не слышали, что вещал вам мой глашатай?

Они ему ответили:

— Вот мы и уходим из страны твоей!

Спросил их царь:

— А что же вас задерживало до сих пор?

Они в ответ:

— Не было у нас припасов на дорогу, а ведь нам предстоит большой путь.

Сказал тогда царь:

— Кто боится смерти, тот из-за припасов не задерживается.

Возразили царю святые мужи:

— Если бы мы боялись тебя, то поторопились бы уйти отсюда. Но смерть не только не тяжка нам, она желанна, ибо от нее ждем мы успокоения от забот сего мира. А страх, что испытывают любящие сей мир, оглававшие ему предпочтение перед вечной жизнью, нам не ведом; и радость их не является нашей радостью.

Царь им в ответ сказал:

— Что вы говорите? Вы же сказали, что по моему приказу покидаете страну мою? И разве это делаете не из страха перед смертью?

Ответили ему мученики за Христа:

— Не боязнь смерти гонит нас, мы бежим потому, что не хотим споспешествовать твоей злодейской расправе над нами и быть виновниками твоего безбожья, которое ты намерен учинить, но страх перед тобой никогда не проникал в наши сердца.

Тогда царь исполнился большого гнева и приказал сжечь их на костре. И свершились мучения их ради Христа, истинного бога. И издал царь приказ всему народу, что если кто встретит кого-нибудь из христиан, пусть убьет его.

Тогда озлобились все идолопоклонники, усилились их злые дела, и убийствами и злодеяниями они начали походить на своего царя. И множились в стране той случаи уничтожения христиан. Многих священнослужителей и находящихся в пустыне монахов сжигали на кострах.

И с тех пор в стране Индийской повелось сжигать мертвецов-язычников в огне. И в царстве том не осталось ни одного человека, которого можно было бы принять за христианина, кроме тех, кто надежно укрылся в земных расщелинах или кто жертвовал собой за исповедание пресвятой троицы и упование на непогрешимый завет, чтобы удостоиться благодати мученичества за Христа.

Было много и таких, которые тайно придерживались веры Иисуса Христа и не в силах были в этом открыться, подобно другим великомученикам и исповедникам троицы.

Так множество злодеяний свершили и большие страдания причинили идолопоклонники рабам истинного спасителя Иисуса Христа.

7. Между тем сын царя вырос, стал красивым отроком и достиг зрелости. Был он прекрасен внешностью, наделен

твердостью воли и ясностью ума. И позаботился его отец, чтобы у него не было недостатка в образовании, мудрости и учености, которые необходимы царям; чтобы ему ничего не говорили ни о ничтожестве сего мира, ни о смерти, ни о существовании конца жизни людей. И это все царь делал по тому, что боялся, чтобы эти вопросы не послужили отроку поводом для поисков вечного пути и исследования законов веры.

Однако юноша был крайне восприимчив к мудрости, склонен к учености и пытлив во всех предметах и вопросах ума, и подобного ему никогда не было в его роде. Царь думал, и подобно ему никогда не было в его роде. Царь думался делам юноши и не знал, радоваться ли знанию и совершенству сына в науках или скорбеть и печалиться по поводу слов звездочетов, сказанных в день его рождения. Однако юноша уразумел, что он заключен в городе и что отец никого не допускает к нему и не дает ему права выйти куда-нибудь. Размышляя он много по этому поводу. Затем обратился к самому себе:

— Отец старше меня, и он знает все, что мне нужно, и не подобает мне сомневаться в том, что он желает для меня самого лучшего.

Так было до тех пор, пока царевич не обрел совершенства в своей мудрости. Потом же он сказал себе:

— Хотя он и отец, но не было бы неуместно и мне искать для себя лучшего, потому что я уже взрослый и никакого превосходства в нем над собой не нахожу. Не следует мне ждать от него лучшего для себя, а надо самому исследовать то, что мне положено, как это делает всякий.

А отец охотно исполнял волю сына и не старался посещать его во всякое время. И решил юноша осведомиться у самого отца по поводу своих раздумий и затем сказал:

— Заключение мое — дело отца моего. Если спросить его об этом, он не скажет мне истины, зато могу вызвать моими расспросами у него тревогу. Попробую-ка достигнуть цели иным путем.

Среди слуг был один, которого любил царевич больше всех, потому что тот был к нему ласковее других. Через него он замыслил узнать о своем деле. И начал царевич относиться к нему с большой любовью, воздавая ему всякие благи и обещая их и впредь. Воспитатель поверил в это — он знал, что юноша говорит правду. И когда отрок убедился,

что он уже нашел место в сердце того человека, обратился к нему тайно и сказал:

— Я спрашиваю тебя об одном деле. Если ты мне скажешь истину, знай, что ты мой друг и самый любимый из всех людей на свете, и ты обретешь положение около меня; но если ты скроешь от меня истину, то тем положишь предел моей любви к тебе и потеряешь на нынешние и последующие времена питаемую тобой надежду на меня, ожидающего престола.

Воспитатель был весьма уверен в искренности царевича и в том, что тот сохранит в тайне то, что он ему скажет, и согласился.

— Спроси, что угодно, ибо ничего не скроешь от тебя душа моя.

Сказал ему юноша:

— Растолкуй мне, чем вызвано, что я заточен в таком месте, что отчужден от людей, а люди отчуждены от меня?

Воспитатель сказал ему в ответ:

— Я изложу тебе все и дам вникнуть в истину. Звездочеты внушили отцу твоему поступить так, когда он уничтожил и удалил из своей страны благочестивых. Провозвестники сказали ему, что ты призван тверже всех ступить на путь служения богу. Отец твой испугался, как бы ты не склонился к их воле и не прислушался к их словам. И отчуждал тебя от этих людей, чтобы ты не стал причиной принятия народом чуждой веры.

Тогда юноша обратился с вопросом:

— Что это за благочестивые люди, которым отец мой причинил так много зла?

И воспитатель разъяснил ему все дела христиан и подробно дал ему вникнуть во все их добродетели. Но юноша, узнав обо всем, ничего ему не сказал в ответ.

8. А когда пришел отец, он обратился к нему:

— Я хочу у тебя узнать об одном деле, которое меня заставляет сильно скорбеть и тосковать.

Сказал ему отец:

— Спроси, сын мой, что хочешь.

Юноша спросил:

— Скажи мне, отец и господин мой, зачем ты заключил меня в это место и по какой причине запрещаешь людям входить ко мне?

Сказал ему отец в ответ:
— Хочу, сын мой, чтобы ты ничего не видел такого, что озаботит твое сердце, и хочу удалить от тебя всякие страдания, портящие удовольствие.

Юноша возразил ему:
— Знай, царь, что, поступив со мною так, все удовольствия, которые ты мне доставляешь, сам же превращаешь в горечь, даже пища во рту моем теряет вкус; этим ты ввергаешь меня в большое огорчение, ибо душа моя стремится с величайшим желанием ко всему тому, что находится за пределами этих стен. Ныне же я прошу, отец, царской милости твоей, — отпусти меня, выйду и познаю мир и нигде не нарушу заповедей твоих.

Не понравились царю эти слова, впал он в беспокойство и понял, что если укротит волю сына, то тем умножит его скорбь, и горечью станут для него удовольствия. Тогда сказал царь:

— Сын мой, если только ты пожелаешь днем выехать верхом вместе с людьми, да будет воля твоя!

И велел царь сопровождающим юношу водить его только по красивым местам и беречь от всего уродливого, дорогой услаждать его песнопениями и ликованием, чтобы весельем отвлечь его ум от исследования дел мира сего. И делали слуги все согласно приказаниям царя.

И участились выезды юноши за город, куда и как хотел.

Однажды юноша заметил на дороге двух человек, один был изувечен, другой, сопровождаемый поводырем, — слеп. Слуги царевича не позаботились убрать с его дороги страждущих, что им следовало сделать. И когда увидел их юноша, он ужаснулся и обратился к приближенным. Они ответили:

— Это — люди, с которыми приключилось несчастье, как случается со всеми: расслабленность одного от болезни, слепота другого — также от недуга.

Спросил их юноша:

— Разве подобный недуг случается со всеми людьми?

Ему ответили:

— Нет, не со всеми, лишь с некоторыми...

Сказал тогда юноша:

— Можно ли узнать, с кем он случается и с кем нет?

Ему ответили:

— Случается только с некоторыми, иные его избегают, но по выбору этого не бывает.

Спросил их снова юноша:

— Неужели нет никого, кто действительно знал бы, что это с ним не случится?

Ответили:

— Нет никого.

Тогда царевич начал размышлять, и встревожился разум, и изменился цвет лица его, и, отягченный горем, си вернулся домой.

После этого он снова выехал за город и увидел дряхлого, сгорбившегося старика. Лицо старца было черное, а волосы белые и плоть сморщена. Не имел он зубов, что мешало ему говорить ясно, и ходил он, согнувшись до земли. Приблизившись к старцу, юноша снова ужаснулся и начал спрашивать о нем у приближенных. Они отвечали:

— Это — состарившийся с годами человек, у него от долголетия убавились силы, и дальше с каждым днем он будет все больше слабеть.

Спросил юноша:

— Всех ли настигает это?

Ответили:

— Да, всех, кого не постигнет преждевременно смерть.

Спросил юноша:

— А что же после этого будет?

Ответили ему:

— После этого его заберет смерть.

Спросил опять юноша:

— Когда же человек достигает этого предела?

Ответили ему:

— После восьмидесяти лет или же после ста.

Спросил юноша:

— А что такое год?

Они ответили:

— Двенадцать месяцев.

Спросил юноша:

— А что такое месяц?

Ответили ему:

— Тридцать дней.

Спросил их юноша:

— Неужели после этого нет спасения от смерти или подобной старости, и вслед затем от смерти?

Ответили ему:

— Нет никакого исхода.

Сказал юноша тогда:

— Неужели все подвержены тем недугам, которые я заметил у людей, этой изувеченности и слепоте, и никто не может надеяться на избавление, даже если он бесстрашен?

Последовал ответ:

— Так оно и есть, как ты сказал.

Спросил юноша спутников:

— На всей ли земле это так?

Ответили ему:

— Да, так есть на всей земле!

Тогда юноша сказал:

— Не сладка больше жизнь в этом мире после всего того, что я видел. И никто не имеет покоя от мысли о смерти, которая придет рано или поздно. Чем позднее, тем она ближе, и близок день ко дню в месяце. Быстро следует за месяцем месяц, и быстро истекают годы, чтобы исчерпать жизнь человека, если достигнет она своего предела.

И удалился юноша. Так размышлял он, все чаще повторяя про себя эти слова. С тех пор ушел он в горе и думы и ни во что не ставил радости мира сего. И с каждым днем множились его печали. Когда же встречался с отцом, начинал, притворяясь, веселиться и радоваться, боялся, как бы отец не узнал, что составляет предмет его размышлений, как бы не запретил ему вовсе выходить из города. Встречая кого-нибудь, глаголющего разумно, он внимал ему старательно, дабы услышать истинное слово и тем рассеять печаль сердца своего.

И призвал он однажды воспитателя и спросил:

— Не знаешь ли ты здесь человека, который не следует нашей вере?

Тот ему ответил:

— Да! Были тут люди, о которых я тебе сказывал раньше и которых называли христианами и благочестивыми. Они презирали мир сей и его доволствия и искали, как говорили, царствия вечного. И вера их не похожа на нашу веру, да и дела их несхожи с нашими делами. Но царь преисполнился враждой к ним и изгнал их из нашей страны, а многих истребил, предав различным мукам, сжигая в огне, как

о том я уже сообщал тебе. Ныне из них в нашей стране я никого не знаю.

И когда воспитатель рассказал ему о делах тех людей, смутилось сердце юноши, и у него усилилось желание узреть их. И стал он походить на человека, который ищет, не щадя своих сил, что-либо потерянное. И явно выразил он свою ненависть и отвращение к преходящей жизни: ничтожны, мол, наслаждения мира сего для меня. Возненавидел он все пути жизни и любящих сей мир, и повсюду распространилась молва об этом, и кто из праведных слышал, восславлял бога триединого и единосущного.

9. Молва об этом дошла до страны Сарнадиб, до некоего боголюбивого человека, украшенного чином монашеским, исполненного духом святым и всеми мудростями, имя которого было Балавар. Узнал он о царевиче и что тот жаждет приобщиться к вере Иисуса Христа, бога праведного. Прибыл он в столицу Шолайт на лодке и, сняв с себя монашеское одеяние, облачился в одежду купца. И смешался с людьми. И часто стал появляться у дворца царя, пока не изучил людей и не узнал положение каждого перед царем и его сыном.

Узнал он также о том, как относится царевич к воспитателю своему. В один из дней он добился встречи с воспитателем, чтобы наедине поговорить, и сказал ему:

— Я — чужеземец, прибывший издалека. При мне вещь, весьма ценная, — я скрываю ее от людей, и никому, кроме тебя, я не решусь заявить об этом. Я надеюсь на твою доброту и твою сознательность, на то, что ты сохранишь эту тайну от других.

Сказал ему воспитатель:

— Положись на меня, ибо я все силы приложу к тому, чтобы позаботиться о воле твоей, и никому не откроюсь в этом, кроме тех, кого ты назовешь.

Сказал тогда Балавар:

— Вещь эта, которую я имею, лучше красной серы, ибо она возвращает слепым зрение, глухим — слух, немым — дар речи; от нее исцеляются прокаженные, начинают ходить хромяе, немощные становятся сильными; она делает немущих богатыми, исцеляет от всех болезней и приносит победу над врагами, изгоняет бесов из лунатиков и исполняет все желания сердца человеческого.

Сказал ему воспитатель:
Человек! Я не вижу в тебе ничего безрассудного, но твои речи похожи на болтовню чрезмерно речистых. Ты говоришь нечто такое, чего я никогда не слышал. Я не решаюсь уличать тебя во лжи, преклоняясь перед мудростью, которую вижу в тебе. Только скажи мне, что это за вещь? Покажи мне, дай взглянуть на нее! Если она достойна царей, сообщу о ней царевичу. Не подобает же мне хвалить ему что-нибудь сверх меры. А вдруг после того, как сам посмотрит, не найдет ее такой, как я ему опишу.

Сказал ему мудрый Балавар:
— Ты просишь, чтобы я показал тебе эту вещь, а ее никто не может видеть, кроме тех, кто обладает двумя качествами: остротой зрения и безгрешностью плоти. А если увидят ее не имеющие хорошего зрения и пребывающие в грехах, то они потеряют совсем свет очей и лишатся пылкости ума. Я — врач и вижу, что глаза твои нездоровы, и боюсь, чтобы ее блеск не лишил тебя зрения. Но я слышал о безупречном поведении, о непорочности и чистоте жизни царевича. К тому же он еще отрок и имеет острый глаз. И я надеюсь на бога, — он обретет силу узреть эту вещь.

Согласился с ним воспитатель:

— Осознал я все сказанное тобой. Я, действительно, предался грехам, и больше не добиваюсь видеть эту вещь. При этом ты говоришь, что я не островидящий, и мне кажется, ты глаголешь истину, а не ложь.

Сказал ему Балавар:

— Истинную правду говорю тебе, поверь и не страшись сказать об этом царевичу, ибо он знает достоин про то. В твоём перед ним положении не следует утаивать от него эту вещь. А если ты доложишь ему о ней, то обретешь больше почести и славы, чем все твои ближние.

Тогда воспитатель вошел к царевичу и рассказал ему все, что слышал от мудрого Балавара.

Между тем душа юноши давно жаждала видеть человека, от которого можно услышать полезные для души слова. И, когда он внимал словам воспитателя о чудесной той вещи, то почувствовал душой, что в лице Балавара найдет того, кого ждал.

Тогда приказал он провести тайно к нему иноземца с той вещью.

10. И провел воспитатель Балавара, который так нес коробку маленькую, словно в ней лежал какой-то драгоценный камень. Когда предстал Балавар перед царевичем, то приветствовал его с миром и начал молиться за него, как это полагается совершать перед царями. Царевич также почтил его и с радостью осведомился о его самочувствии и приказал воспитателю уступить ему место, а самому удалиться. И когда воспитатель вышел, царевич велел Балавару сесть и сказал:

— Покажи-ка мне ту вещь, что ты принес с собой.

Ответил ему Балавар:

— Мне не следует причинять тебе что-либо плохое по неосторожности, а вещь эта именно такова, как сообщил тебе о ней твой воспитатель. Никто не в силах видеть ее, кроме чистого и непорочного человека с совершенным разумом. А если ее увидит слабоумный, он совсем лишится ума вместе с зрением. Поэтому я хочу испытать тебя на словах, побеседовать с тобой и, если найду, что ты в состоянии узреть ее, покажу тебе, ибо я принес ее только для тебя, а не для кого другого. И я уповаю, что ты уже достиг той меры совершенства, которая необходима, чтобы видеть эту вещь, и постигнешь ее, если господь того пожелает. Ибо дал ты мне, царевич, увидеть себя и принял меня, не изучив, оказал мне почет, какой оказываешь в этих хоромах самим вельможам!

Ответил ему Иодасаф, сын царя:

— Это потому, что я питаю большую надежду на помощь твою и что благодаря тебе сбудутся все желания души моей.

11. Сказал ему Балавар:

— Нет ничего удивительного, что ты со мной так поступил. Был некогда царь верующий, добрый и ищущий правды. И когда он однажды шел, сопровождаемый множеством народа, то увидел двух человек в убогих одеждах, сшитых из найденного на свалке тряпья. Желтый цвет лица этих людей свидетельствовал об их нищете. Но царь узнал их и поспешно сошел с коня, обнял и отнесся к ним с большим почетом. Приближенные вознегодовали в сердцах, что так поступил царь, и сочли это за недоразумение, ибо такого обычая не было у их царей. Однако вельможи не осмелились упрекнуть царя. Они пошли к брату его, который был с ним смел, и, рассказав обо всем, уговорили сказать царю, чтобы он больше так не поступал. Пришел брат к царю и передал то, что

ему сказали вельможи. Когда он кончил свою речь, царь дал ответ, из которого тот не понял — удостоены ли его слова внимания или брат разгневался.

А был в той стране такой обычай: когда царь гневается на кого-либо и желал казнить его, то направлял к дверям опального глашатая, которого все звали глашатаем смерти, чтобы трубил в рог и возвестил о смерти. Заслышав рог, хозяин дома понимал, что должен скоро умереть. И весь народ узнал об этом.

Спустя некоторое время царь приказал глашатаю смерти пойти и затрубить у дверей брата. И пошел глашатай, и затрубил в рог смерти у его дверей. И как только брат царя услышал глашатая, впал в отчаяние и, предчувствуя гибель, оставил завещание. И начали плакать и бить себя по голове его домочадцы. Тогда он одел на себя саван и отправился с женой и детьми во дворец царя. Шли отчаявшиеся с громким плачем и рыданиями, посыпая пеплом голову. Велел царь ввести их, и стал брат плакать и умолять о пощаде. Сказал тогда ему царь:

— Эх ты, жалкий и безумный! Как это мог тебя испугать глашатай брата твоего, затрубивший в рог смерти у дверей твоих? Правда, ты знаешь, что я и мой глашатай сотворены всевышним и мы не в состоянии ни изменить воли его, ни отратить участи своей, но ведь знаешь и то, что ни в чем не повинен перед братом, так за что ты должен заплатить жизнью своей? Как же тебя удивило, что я сошел с коня и поклонился тем, кто являются глашатаями господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, кто напоминают нам о встрече с ним и возвещают слова его евангелия. И при этом я знаю множество моих прегрешений. А теперь да будет понято тобой и теми, кто подговорил тебя, твое неразумие, как это ты уже познал.

И простил царь брата своего, и весьма полезен был этот упрек.

12. Потом царь приказал тайно сделать четыре сундука: два оковать золотом и серебром и насыпать рубинами, карбункулами и разными драгоценными камнями, а два других сундука обмазать смолой и дегтем. И приказал царь положить в окованные золотом сундуки кости трупные и всякую нечисть и гниль, которые мерзки человеку, и запереть их золотыми ключами; а два сундука, обмазанных смолой

и дегтем, наполнить рубинами и самоцветами и всеми благовониями, возбуждающими желания у людей, и перевязать их старой веревкой. Затем приказал царь ввести приближенных своих, осуждавших его за почести, оказанные им святым нищим. И когда вельможи уселись, царь велел внести сундуки и предложил оценить их.

О сундуках, окованных золотом, вельможи сказали:

— Разум наш не в силах постичь их цену, ибо они достойны того, чтобы в них лежала драгоценная кладь, а те два, обмазанные смолой и дегтем, безобразны и, по нашему мнению, ничего не стоят.

Тогда сказал царь:

— Вот какова ваша житейская мудрость и догадливость! Как все люди, вы судите по внешности.

И приказал он открыть два окованных золотом сундука. И содрогнулись все от мерзости того, что в них лежало. Поднялся такой страшный смрад, что все зажали носы.

И сказал тогда царь:

— Это—подобие людей, которые наряжаются в дорогие, шитые золотом одеяния, тогда как нутро их полно безумия, обмана, пакости и нечисти и этого зловония, которое поражает более, чем смрад мира сего.

А затем приказал открыть два других сундука, обмазанных дегтем. И озарился весь чертог блеском драгоценных камней, и надышались все желанным благовонием.

И сказал царь:

— Вот это—подобие тех святых людей, которых я почтил. Вас тогда это удивило — ведь вы видели только убожество их одежды, потому что судите о человеке по внешним признакам, а я видел нутро их разумом своим.

Тогда посрамленные вельможи сказали, что пример этот весьма полезен для них, и убедились они в том, что царь поступил правильно.

И заключил Балавар:

— Это подобие твоего поступка, царевич! И ты тоже оказал мне почет в надежде на радость, которую ты ждешь от меня.

13. Тогда встал царевич с высокого сидалища и решил: «Видимо, это и есть желание души моей, то, что я искал». И, обернувшись к Балавару, сказал:

— Весьма благи слова твои, и ясен их истинный смысл.

Я думаю, что это и есть та вещь, которую ты таишь от меня, ибо она ободряет сердце, просветляет очи и укрепляет разум. И если это так, как я думаю, скажи, что еще имеешь сказать, кроме того, что я слышал. Об этой вещи довольно слов твоих, ибо ты весьма просветил ими мой разум и совлек с сердца моего покрывало скорби. Теперь же дай мне образец доброго, совершенного.

И сказал Балавар:

— Вышел некий сеятель и взял хорошие семена и начал сеять. Одни семена упали на край дороги и тотчас же были склеваны птицами. Другие упали на скалу, покрытую тонким, слегка увлажненным слоем земли; взошли всходы, но, когда корни достигли скалы, — засохли. Всходы же семян, упавших среди терний, были задушены и не смогли подняться. А те семена, которые упали на добрую, очищенную от сорняков почву, пышно взошли и, хотя их было мало, дали много плодов. А сеятель тот — источник мудрости, Христос наш, а те хорошие семена — слова, сказанные святыми его устами, слова истинные.

Семена, упавшие на край дороги и склеванные птицами, это те слова, что попали только в уши, но ускользнули от сердца. А те, что упали на увлажненную почву и взошли, но не привились на скале, — это тот человек, который слушает, услаждается, признает на некоторое время истину слов, но не закрепляет их в своем сознании. Те же семена, которые взошли и могли плодоносить, но были задушены терниями, — это те слова, которые человек воспринимает и, когда собирается претворить в дело, падает, задушенный мирской похотью. Но семена, что взошли и дали обильный плод, — это то, что воспринимает глаз, вбирает в себя сердце. Оно направляет разум, очищает от похоти и оберегает от пороков сердце.

Сказал царевич Балавару:

— Уповаю на Христа — то, что ты посеешь во мне, взойдет и даст обильные плоды. Так дай мне пример того, как мир сей совращает ближних своих.

14. Рассказал Балавар:

— Сей мгновенный мир и все приверженцы его похожи на человека, которого разъяренный слон преследовал и загнал в страшную пропасть. При падении в нее человек тот

ухватился за две ветви, раскинувшиеся над пропастью, наступил что-то и оперся ногами. И когда осмотрелся, увидел двух мышей, одну — белую, другую — черную, которые неустанно грызли корни дерева, протянувшего ему спасительные ветви. Заглянув же в пропасть, человек увидел дракона, который раскрыл пасть и намеревался проглотить его. А на том месте, где человек нашел опору, высовывались из нор головы четырех аспидов. Подняв глаза, он заметил на ветвях немного меда и начал слизывать его. Вкус и сладость меда отвлекли его от мыслей об опасности. Забыл он о ветвях, за которые цеплялся, и об аспидах, и уже не ждал, что они его укусят, и не видел, как догрызали мыши корни дерева, и, более того, забыл о драконе, готовом его проглотить.

Слон тот является теперь знаменем смерти, преследующим сынов Адама, а пропасть — это мир сей, полный всяких зол и губительных козней. А те две ветви — суть дни человеческие. Две мыши, белая и черная, — день и ночь; непрестанно сменяясь, они быстро сокращают жизнь человека. А те четыре аспиды подобны тем четырем веществам, из которых создано тело человека, и когда одно из этих веществ разложится, — уходит жизнь. Дракон тот, что раскрыл пасть и намеревался проглотить человека, — есть образ ада, куда попадают после смерти все любящие сей мир. А тот ничтожный мед изображает мгновенную сладость мирских наслаждений. Этой малой тленной сладостью сей мир обманывает сбившихся с пути людей.

15. И сказал царевич:

— Подобие это истинно, и притча — дивная! И вот ты ожилил душу мою словом твоим. Теперь расскажи мне еще притчу о мире сем тщетном и приверженцах его, о тех, кто соблазнились его любовью и презрели лучшую жизнь.

Продолжал Балавар:

— Мир сей и любящие его похожи на тех, кто облюбовывают тернии, смазанные медом, и уничтожают цветы благоуханные, — такова вражда мира сего; она подобна некоему человеку, который имел трех друзей. Одного он любил больше остальных*. [Другого он также любил, а третьего прези-

* В новой рукописи отсутствует несколько абзацев, которые заменены здесь текстом из сокращенной редакции, заключенным в квадратные скобки. (Ред.)

рал. Однажды того человека настиг гнев царя и его собирались судить; пришел он тогда к своему возлюбленному другу и сказал:

— Ты знаешь, дорогой мой, как я люблю тебя; вот меня поведут на суд, помоги в беде.

И ответил тот:

— Я тебе уже не друг и не знаю тебя; у меня другие друзья, с которыми я буду веселиться. Тебе же дам два одеяния, но и они тебе не на пользу.

И отправился тот человек ко второму другу и сказал:

— Вспомни ныне любовь, которую я питал к тебе; вот поведут меня судить, помоги в моей беде.

Последовал ответ:

— Не до тебя сегодня, ибо достаточно мне своей беды; иди ты своей дорогой, отныне я уже тебе не друг; но все-таки немного провожу тебя, а потом вернусь к своим заботам.

И отправился человек к третьему, которого презирал [и], устыдившись, обратился к нему:

— Не смеют уста мои умолять тебя, но большая нужда привела к тебе, и какую милость ты мне окажешь?

А тот принял его с радостью и сказал:

— Я — твой друг, который не забыл твое малое благодеяние и теперь с лихвой воздаст тебе за него. Не бойся, ибо я буду сопутствовать тебе и утешать тебя в беде, не отдам тебя в руки врагов твоих и не предам. Отныне ободрись и будь весел, ибо будет найден выход из этой беды.

Тогда сказал человек тот:

— Не знаю я, в чем мне раскаяться: в чрезмерной ненависти к истинному другу или в чрезмерной любви моей к лжедрузьям?

Сказал царевич Балавару:

— Притча эта хороша и весьма притягательна, только разъясни мне ее значение.

Ответил ему Балавар:

— Первый друг — это корыстолюбие, которому подвержен человек; из-за любви к наживе он не страшится смерти и ни во что не ставит всякие беды и заботы; в час ухода человека из жизни тот друг не может оказать ему никакой помощи, разве только даст два савана могильных. Тем его и вознаграждает, а сам находит себе других друзей, с которыми проводит время. Второй же друг — жена и дети. К ним

привязан человек всем своим разумом, о них заботится и готов пожертвовать и душу и плоть. И от них нет ему пользы в день смерти, разве что проводят его прах до могилы, после чего возвратятся к своим заботам и больше не вспомнят об ушедшем. Третьим другом, который всячески был презираем, является единство добрых дел — любви, милости, веры, упования, святости и других подобных совершенств, которые в силах сопутствовать и спасти нас в день судный. И малейшее наше благодеяние с избытком возвращается нам. Таков образ мира сего и любящих его.

16. Сказал царевич:

— Я знаю, что ты глаголешь истину, и это так ясно душе моей. Скажи теперь, чем искушает мир сей людей и как можно избавиться от этого искушения.

Ответил ему Балавар:

— Я скажу тебе, царевич, каким способом можно избавиться от искушения. Притча моя — о людях, обитателях некоего города, которые имели обычай приводить иноземца, не сведущего в их делах, и сажать его на год царем в своем городе. Призванный думал в своем невежестве, будто царствование его над жителями сего города незыблемо. И начинал он беспечно предаваться пиршеству и развлечениям, ибо ему была дана на то воля. А он, считая свою власть неизменной до конца жизни, не подозревал о существовавшем обычае. И когда кончался год, врывались к нему горожане, раздевали его и голого выталкивали с позором. Изгнанный за пределы страны, он лишался и пищи, и питья, и одежды, и всего другого. И так веселье и радость сменялись для него покаянием и горем. Таков был обычай горожан.

Но как-то раз, сообразно с обычаем, посадили они царем некоего мудрого мужа. Тот заметил отчужденность свою и, не полагаясь на горожан, стал искать человека, который бы посоветовал, как ему поступить. И нашел некоего достойного доверия человека, знавшего об обычае тех горожан. И сказал ему царь о своей заботе, поделился с ним своими сомнениями. И тогда человек тот дал совет:

— Я скажу тебе, как поступить. Начинай тайно вывозить из казны, которая находится в твоей власти, все, что только можешь: золото и самоцветы, отборные рубины и всякие драгоценности; отправь все это на хранение в ту чужую страну, куда изгоняют они царей своих. Когда ты будешь, соглас-

но их обычаю, изгнан, то вновь обретишь все, что отослал раньше. И ты избежешь того, что случилось с бывшими до тебя царями. И поступил тот царь, как советовал ему муж разумный и мудрый. Когда год истек, бросились на царя горожане и, раздев его, изгнали по своему обычаю. И пришел он в чужой стране все, что отослал заранее. И жил там в довольстве, спокойствии и достатке, и не имел больше страха и зависимости от суетности горожан. А город этот есть сей суетный мир, горожане же — дьяволы, владельцы сего темного мира. Они расставляют перед людьми многие соблазны, и только безумцы думают, будто их веселье не имеет конца. Я уповаю на Христа, чтобы он уподобил меня советнику царя, а тебя — самому царю, мудрому и разумному, который не доверился тем горожанам и не соблазнился властвованием над ними. Отныне и ты приложи усилия, чтобы спастись от страшных ловушек, ибо я указал тебе путь, и не к лицу тебе больше беспечность.

17. Сказал Иодасаф:

— Я уповаю на Христа, сына божия, что буду таким, как ты мыслишь обо мне в своей молитве. Ты воистину показал мне срам и позор мира сего. И теперь я знаю, как преходящи его образы. Я и без того совершенно ни во что не ставил мир сей, а ты своими словами еще больше умножил мою ненависть к нему. Только скажи мне: так ли все люди страны твоей понимают дела мирские, как ты, и так ли глаголят они то, что глаголешь ты?

Ответил Балавар:

— Нет, но я из тех людей, которые приобщились к Христу — богу всего и оставили сей мир приверженцам его. Мы удалились в пустыни и горы, занялись подвижничеством и делом монашеским, которое является подобием жизни ангелов. Но раньше мы жили в царстве отца твоего. Когда он услышал о наших деяниях и сборищах, то встревожился, испугался, ибо подумал, что мы оспариваем у него какое-то мирское дело. Поведал он тем, кого сделал соучастниками своих увеселений и славы, свои думы о нас. И они посоветовали ему изгонять нас, убивать и сжигать в огне. А поступил так отец твой с нами за то, что мы, презирая его, избрали себе величайшего властителя — Иисуса Христа.

Спросил Иодасаф:

— Почему же весь народ стал врагом твоим и худителем ближних твоих?

Ответил Балавар:

Вражда его к нам была такова, как ты слышал, а хулениям не достигь людей, которые глаголят правду и не лгут, молятся и не дремлют, постятся и не насыщаются, пребывают в нужде, но считают ее за благо, и не завидуют тому, что у людей вызывает зависть.

Спросил Иодасаф:

— Чему же они не завидуют?

Ответил Балавар:

— Не завидуют они богатству и тем, кто имеет жену и детей, и никто из них не трясется ни над имуществом, ни над семьей, а ведь вражда людей не что иное, как борьба за довольство, за то, чтоб больше стяжать.

18. Спросил Иодасаф:

— Как же в таких случаях люди сговорились во вражде к вам, если они, занятые своими делами, были разобщены?

Ответил Балавар:

— Искатели мирских благ, хотя они завидуют и враждуют друг с другом, являются врагами и преходящей жизни, а в отношении верующих, которые служат Христу — богу нашему, они уподобляются псам, грызущимся над падалью. И как только они видят человека, путника, то, бросив грызню, забыв, что они враги, все вместе набрасываются на него и помогают друг другу, потому что боятся, что человек посягнет на их падаль. И все это из-за ненасытности и жадности, непонимания, что человеку тому вовсе не нужна их падаль.

Так и приверженцы мира сего, отдавшие предпочтение земному царствию перед небесным, едят друг друга и проливают из-за него кровь и коротают свои дни в исканиях почестей мирских и славы. И зависть, навсегда губящая человека, утвердилась в их сердцах. Когда они видят врагов мира сего, не желающих стать их соучастниками и у которых нет иных забот, кроме как освободиться от мирской жизни, они думают, будто им расставляют соблазны, считая, что верующие в Христа так же лукавы духом, как и они сами. Потому они сговорились враждовать с нами. Так решили они своим скудным умом и убедили отца твоего, будто наши сходы — не что иное, как посягательство на царство его. Отец твой не

уразумел истины и решил, что величю и славе его царствования грозит опасность со стороны тех, кто веруют в спасителя нашего Иисуса Христа, особенно истинных монахов, которые считают мирские удовольствия мерзкими и досадуют, что разум царя одержим наслаждениями сего мира.

19. Прервал Иодасаф Балавара:

— Не продолжай больше эту речь, я расскажи о полезном для души.

Сказал Балавар:

— Когда искусный лекарь видит тело, пораженное тяжелым недугом, и хочет восстановить здоровье, он не начинает с пищи и питья, которые способствуют жизнедеятельности тела. Он знает, что если пища и питье соединятся с одним из четырех веществ, то могут вместо пользы принести вред больному. Лекарь старается настойками и лекарствами, посредством которых по воле божьей удаляются из тела недуги, вылечить его. И когда недуг преодолен, прибегают к пище и питью, и тогда больной ощущает вкус еды и пища укрепляет его, если только бог не желает ему смерти.

20. Спросил Иодасаф:

— Скажи мне, святой отец Балавар, с чего ты начал и как достиг этого предела, или как ты приобщился к жизни монашеской?

Ответил святой Балавар:

— Когда я соединился с сим миром, я узрел, как он перемешал деяния людей и род с родом, и видел я, как люди метались перед наступающим их злом, словно загнанные в пещеры. И узрел я, что их веселье кратковременно, а труд весьма долгов, и тогда покаялся в моем раннем безумии и моих чрезмерных ошибках и, естественно, начал печалиться о правде и совершенствовать свой разум. Открыв глаза на все, я стал осуждать самого себя, чтобы вновь обрести то, что было во мне, и достичь предела святых отцов. И приучал я разум свой каждодневно, пока не обратил его к любви ко Христу и к добрым помыслам. А затем начал вырабатывать волю, и желания свои приблизил к их обычаям, подчинил себе, и заставил себя нести бремя святых законов и терпения во имя радости. И тогда только сошел с меня мрак тьмы и исчез во мне хмель беззаботности. Но однажды осмелился я предаться радости и прихотям и узрел позор тех деяний, от

коих я отдалился. И ясно представилось мне превосходство того, что я избрал и что стало для меня самым насущным. И стал я направлять самого себя, как пастух свое стадо, как настоятели паству, воздавая по заслугам и послушным и непослушным. Так трудился я над собой, то почитая себя за терпение, то обрекая на муки за нетерпеливость, пока не утвердил то, что полюбил, и не удалил от себя то, что возненавидел.

Спросил Иодасаф:

— Сами ли своей мудростью и ученостью нашли вы истину и пришли к деяниям, о которых ты говоришь и которые ты и твои ближние проповедуете, или бог призвал вас, и вы откликнулись?

Ответил Балавар:

— Деяния сии превыше мудрости мира сего. Если бы прекрасное житие монашеское утвердилось земной мудростью, то легок и просторен был бы путь. Если бы житие было творением человеческим, то тогда оно заставило бы полюбить все радости и веселья мира сего. Но оно явно чуждо земному, оно проповедуемо истинным богом, оно разрушает дела, противные богу, и уничтожает причины похотей, не признает веселье и земные наслаждения, а взывает к воле бога нашего Иисуса Христа. И ясно, что это есть веление царя небес и земли... И бог устами апостолов и пророков показал святое правило сие некоторым из людей, и они уверовали и исцелились, ибо через святых апостолов утвердилось это удивительное, подобное ангельскому, житие.

21. Спросил его Иодасаф:

— Что это за мудрость, прославленная своею возвышенностью и совершенством, преисполненная благотворных сил, и почему не все люди стремятся к ней?

И ответил святой Балавар:

— Мудрость эта подобна солнцу, которое озаряет светом людей — и великих и малых — и не отказывает в нем никому, кто бы ни пожелал им воспользоваться, — ни тому, кто жаждет согреться, ни тому, кто хочет прикоснуться к его лучам. А если кто-нибудь не найдет в солнце пользы, то не оно ведь виновато. Так будет и с мудростью у людей до самого воскресения из мертвых, ибо свет этой мудрости озаряет всех, подобно солнцу, и так же легко уловим. Но люди стремятся

превзойти друг друга, извлечь из нее жемчужины, одним из коих цена миллионы, а другим - два кодранта. Но в руках того, кто ищет, обретает и сохраняет эту мудрость, духовную не ради самого названия, а для того, чтобы претворить ее в дело, она действительно оказывается жемчужиной драгоценной. А если кто не найдет большой жемчужины, пусть довольствуется малой, ибо как бы она ни была незначительна, она все же — благо.

Спросил Иодасаф:

— Бывает ли такая мудрость, которую много лет тщетно ищут, а после случайно находят?

Ответил ему на это Балавар:

— Так именно и бывает со многими, ибо мудрость — многообразна: одна проста и близка, другая трудно постижима и далека от нас; иная ясна и зрима, а иная глубоко скрыта. И подобна мудрость источникам: некоторые тихо выбиваются из недр земли, другие поднимаются в человеческий рост или выше копыя; одни выбиваются там, где есть влага, другие — в глубине безводной пустыни. Да и воды бывают разные: иные, журчащие на поверхности, приятны на вкус, другие, прокладывающие себе путь из дальних мест, мутны и к тому же едва текут, а третьи соединяют в себе все лучшие признаки.

22. Спросил Иодасаф:

— Знаешь ли ты кого-либо, кроме своих, кто проповедовал бы отречение от мирской жизни и ее благ?

Ответил Балавар:

— В краю этом — только мы. В других же странах есть люди благочестивые, считающие себя законниками веры, проповедующие на своих языках праведность. Но многие их дела гибнут. Одни слово претворяют в дело, другие делу противопоставляют слово, а большинство введено в заблуждение и делом и словом. И разошлись их дела с нашими.

Иодасаф спросил:

— А как узнать: кто из вас проповедует истину и откуда она пришла и к вам и к ним?

Балавар ответил:

— Всякая истина дается Иисусом Христом, ибо он призывает к ней всех людей. Некоторые услышали глас его и

К странице 25

вняли ему, его правде и прозрениям, и плод совершенной истины, как и следовало, посвятили богу. А те, кто были лишены твердости и терпеливости в стремлении к истине, обременялись, сникали и погибали. Ныне что может быть общего между тем, кто сохраняет, и тем, кто теряет; кто строит и кто разрушает; кто терпит и кто лишен терпения! Ибо никто не произнесет слова веры, если оно не взращено из корней истины. А разобщило нас привнесенное ими, не согласное с истиной, но избранное навеки. Просветили нас своей проповедью пророки и первые апостолы, которые восприняли истину и, став ее поборниками, распространяли ее повсюду. Но когда пророк завершает свою проповедь обличением перед всевышним людских пороков, то никто уже не может оправдаться перед высшим судьей своим неведением. Пророк приносит себя в жертву богу, и оставленный им народ многие годы соблюдает порядки, право и законы его. А после люди снова подняли злую смуту, отвергли молитву, предались похоти; померкла ученость, сузились знания и не осталось никого из верующих, кроме немногих, униженных безумными. И погасла мудрость, и вспыхнуло безумие.

Перевелся тот род, и поднялось другое поколение, которое не слышало ни о какой учености. Распространилось, умножилось безумие; оскудела и угасла наука; подменили слова писаний пророков произвольными, чуждыми словами и сошли с пути праведного. А некоторые, признавая слова писаний, толковали их по-своему; воспринимали сочиненное, но пренебрегали суждениями. Они извлекали из корней слова правды, проповедуемой апостолами. Ныне и мы исповедуем эти писания, но противостоям обману противников наших, ибо они признают изложенное в книгах, но истину доказать не удосуживаются.

23. И закончил Балавар:

— Я полагаю, что отцу твоему не приходилось когда-либо слышать все это, да и никто не беседовал с ним искренне; сам же он не потрудился познать истину.

Спросил Иодасаф Балавара:

— Почему же мудрецы не потрудились разъяснить это за столько времени?

На это Балавар ответил:

— Потому, что знают место и время своим словам. Они не спешили обличать тех, кто своей мягкостью, предан-

ностью и исполнительностью угождал твоему отцу, был со-
гласен с его правосудием и суждениями. Бывает: живет
человек с человеком много лет, крепкая дружба связывает
их, и никакая сила, кроме веры и мудрости, не разобьет их.
И хотя мудрец весьма жалеет друга, он все же не открыва-
ет ему тайны своей мудрости.

Спросил Иодасаф:
— Неужели это возможно?

Ответил Балавар:

— Вот притча о царе, который управлял своим царст-
вом мудро и разумно. Заботился он о благоденствии стра-
ны с огромным старанием и управлял делами мирскими,
как это подобает царю, питающему любовь к своему народу.
Был у него советник добрый и надежный, далекий от вся-
ких злых умыслов. Он всегда давал царю благие и добрые
советы относительно людей; был сведущ в делах веры и мно-
го раз встречался с людьми, отрешившимися от сего мира.
Сам он обладал разумом осторожным и правдивым и смело
выражал мысли перед царем, но не раскрывал ему своей
тайны. И тайно посвящал он себя служению богу. Когда он
видел, что царь поклоняется идолам, возвеличивает их и
справляет их праздник, ему становилось так больно, как
больно отцу за единственного сына, которого душил дьявол.
Много раз хотел он заговорить с царем о вере и советовался
по этому поводу со своими друзьями, но они ему отвечали:

— Ты лучше знаешь склад его ума и, если найдешь
уместным, — поговори с ним, притом остерегайся, ибо не-
усыплен дьявол во зле, и как бы не смутил этот нечистый дух
его разума и не настроил бы его против тебя и ближних
твоих.

И печалился тот муж о царе и искал удобного случая,
чтобы развенчать его веру.

Прошло много дней.

Однажды ночью царь сказал советнику:

— Давай в эту ночь пройдемся по городу, поглядим на
дела людские.

И когда они ходили, натолкнулись на гору мусора.
И заметил царь, что оттуда исходит луч света. Подошел он
вместе с советником ближе и обнаружил человека, который
вырыл в мусоре нечто вроде пещеры. И сидел там тот че-
ловек вместе с женой. Были одеты они в худую одежду, как
нищие. И доносились изнутри звуки песни. Когда посмотре-

ли царь и его советник в щель, то увидели, что мужчина си-
дел за трапезой на помете, а женщина наливала ему в ча-
шу вино, плясала перед ним и восславляла его так, как по-
добает славословить царей: она называла его государем, а
он ее — государыней. Оба восхваляли друг друга, весели-
лись и наслаждались взаимной любовью. Долго взирали на
них царь и советник, дивясь тому, как те радуются своей
жизни. И ушел царь со своим визирем весьма удивленный и
сказал советнику своему:

— Никогда нам, — мне и тебе, — не была так желанна
жизнь, и никогда мы не были ей так рады, как этот нищий,
которого мы видели вместе с его женой на помете. Дума-
ется мне, что все дни свои они проводят в такой радости.

Тогда советник нашел возможным сказать царю такое
слово:

— Не думай, царь, что величие, блеск и слава, которы-
ми мы наслаждаемся, глубоко почитаемы и не ненавистны
тем, кто знает славу царствия вечного, уготованного богом
для любящих его. Как мы видим в них чрезмерное ничто-
жество, так и они, провидя будущие нерукотворные храмы и
ослепительные облачения, считают ничтожными воздвигну-
тые нами хоромы с их золотыми изваяниями, великолепие и
блеск одеяний наших. И наше самолюбование похоже на са-
молюбование тех, кого мы осуждаем и кому удивляемся.

Спросил его царь:

— Знаешь ли ты людей, сведущих в подобных делах?

Ответил советник:

— Есть люди, которые служат богу и которые оставили
сей мир и отвергли мирскую жизнь и находятся сейчас из-
любви к Христу в пустынях, горах и пещерах. Они узрели
вечное и возлюбили его. Они испытали мир сей и нашли его
величие преходящим.

Снова спросил царь советника своего:

— А что же такое это вечное царствие?

Последовал ответ:

— Вечное царствие есть благо, за которым не следует
нищета; оно — радость, за которой не следует печаль; оно —
здоровье, к которому не подступает недуг. Это есть царствие
нескончаемое. Это — мир, лишенный страха; это — жизнь,
за которой нет смерти. Это — нетленный мир, где без труда
и заботы всеми достигается желаемое.

Спросил царь своего советника:

Есть ли достойные пребывания в этом царствии и как можно войти в него?

Сказал советник ему в ответ:

— Ни для кого, кто ищет входа, не закрыты врата христовы.

Осведомился царь:

— А как можно пройти этими вратами?

На это ответил советник:

— Путем служения святой троице, сотворившей всех тварей, путем отрешения от служб иных, кроме служения ей.

Спросил царь:

— Что до сих пор мешало тебе сказать мне об этом пути?

Советник ответил:

— Не неверность тебе удерживала меня до сих пор и не опасение, что ум твой празден, ибо ты совершенен во всем. А удерживал меня страх перед властью твоей!

Сказал на это царь:

— Если все, о чем ты поведал, истинно, то не пренебрегать вечным царствием следовало нам, а приложить все старания и труд в поисках его. Но если оно сомнительно, то и тогда мы должны приложить все усилия, чтобы убедиться в этом. А то, что ты утаил от нас о том царствии, — большое прегрешение передо мной, тем более, что я доверяю тебе.

Спросил советник:

— А как ты велишь сейчас: напоминать ли тебе время от времени и возвещать ли об этом?

Царь ответил:

— Не время от времени, а днем и ночью и каждый час беспрестанно напоминай мне о нем, достойном удивления. Не подобает по небрежности и нерадению губить такое важное приобретение, следует старательно искать его.

И заключил святой Балавар:

— После этого слышали мы, что тот царь и его советник с миром ушли из мира сего.

24. Сказал Иодасаф Балавару:

— В сердце моем нет больше любви к миру сему, и не буду обременять себя выяснением причин. Я решил посвятить себя вечной жизни и теперь пойду по твоим стопам, буду всегда с тобой и терпеливо перенесу все тяготы жизни твоей.

Ответил Балавар:

— Если ты поступишь так, то уподобишься тому богатому человеку, который породнился с бедняком. Это был некий юноша, которому богатый отец сватал прекрасную девушку — дочь богатых родственников своих. Но не пожелал юноша жениться на ней и бежал из родного дома. Во время долгих скитаний повстречал он дочь какого-то бедняка, одетую в рубище. Сидела она на пороге жилища своего за рукоделием и благодарила, восславляла бога.

Спросил ее юноша:

— О девушка, кто ты и за какие блага воздаешь хвалу всевышнему?

Девушка ответила:

— Я дочь старика нищего, и не знаешь разве, что малая доля лекарства может избавить человека от больших недугов? Так и благодарность за малое приносит большое благо.

Позвал тогда юноша отца девушки и, когда тот вышел, обратился к нему:

— Не хочешь ли отдать дочь мне в жены?

Ответил ему старик:

— Не подобает дочери бедняка быть твоей женой, ибо ты сын богача.

Сказал ему юноша:

— Я убедился в мудрости и благоразумии дочери твоей и сочту за счастье иметь ее женой. Дочь богатых родителей была обручена со мной, но я не пожелал на ней жениться. Ныне уважь мою просьбу и, если богу угодно, найдешь во мне благо.

Сказал тогда ему старик:

— Ты желаешь взять мою дочь, но ведь не осмелишься привести ее в дом отца твоего.

Ответил ему юноша:

— Я останусь здесь у вас и возьму на себя тяготы вашей жизни.

А тот старик только прикидывался нищим, — он был очень богат. И вошел юноша в дом старика, снял свое богатое облачение и надел рубище. И начал старик испытывать его и взвешивать его разум. А когда нашел его во всех отношениях мудрым и разумным, то убедился, что не безумство привело его к нищете. Тогда взял старик его за руку, подвел к сокровищнице своей, открыл и показал ему все

свои богатства, и узрел юноша мир невиданной им красоты. И сказал ему старик:

— Сын мой, все это — твое!

Возрадовался юноша извечной радостью и возвеселился.

25. Сказал Иодасаф:

— Клянусь Христом, сыном божьим, что сия притча — обо мне. Я понял сказанное тобой: ты поведал, как старик тот испытал разум юноши, а как сам ты собираешься испытать мой разум?

Ответил Балавар:

— Я хочу, чтобы ты в страхе перед богом следовал воле его во все дни твоей жизни, чтобы отрешился от всяких пороков мира сего, ибо не погубит бог плоды трудов твоих и не ввергнет тебя в сомнение. Крепись, ибо не предстоит тебе испытание превыше сил твоих. Каждодневно помни о боге и совершенствуй разум свой. Овладевай делом, заранее проверив и взвесив его, и не огорчайся, если первое открытие не доставит тебе радостного удовлетворения, и не отбрасывай его, если оно принесет горечь. Рассуди сердцем, чтобы не возникло в тебе сомнения, — благо ли это, и не торопись утверждать первую пришедшую в голову мысль, пока не проверишь ее спокойно и осторожно. И тогда разум твой не склонится к воле мирской и похоти, и не усомнишься ты в добре, и не искусит тебя зло. Ныне я молю за тебя бога — всеильного и всемогущего, единосущного и нескончаемого, страшного и благого, всемогущего и милостивого, невидимого и несказанного, и сына божьего — человеколюбивого, всеведущего, никем не пренебрегающего и всеильного. Ему неведомо бессилие — он обещает и не обманывает, он милует и не обрекает; перед ним трепещет все сущее, и все поклоняют головы перед его божественной силой. Пусть благословит он тебя быть истинным носителем добра, на которого все с благоговением указывали бы; пусть он даст тебе силу возвращать зрение слепым, слух — глухим, обличать невежд, ненавидеть мир сей, любить святое и презирать страсти, пока не дойдешь вместе с нами до мест, обещанных праведными устами Христа, — в царствие невообразимое, неслыханное и невиданное. Ибо велика наша надежда на его милости и велик страх наш перед мучениями. Взоры наши обращены к нему, и головы преклонены перед ним.

Возгорелось сердце Иодасафа при этих словах отца Балавара, и растрогалось оно. Стал он плакать и потом спросил мудреца:

— Сколько тебе лет, святой отец?

Ответил Балавар:

— Двенадцать.

Удивился Иодасаф:

— Как ты говоришь это, когда вижу, что ты старец и, надо полагать, тебе лет шестьдесят.

Разъяснил ему Балавар:

— С тех пор, как я родился, прошло шестьдесят лет, но ты спрашиваешь, сколько я живу? Жизнь ведь — существование, а существование вне веры христовой и деяний его — ничто; этого-то и не было у меня до последних двенадцати лет.

Возразил Иодасаф:

— Значит, ты считаешь мертвым человека, когда тот ест, пьет и ходит?

Балавар ответил:

— Да! Потому что он и скорбностью, и радостью, и бессилием, и бесполезностью своей, неосознанием благ божьих уподобился мертвому, тогда как обладает и здоровьем и силой и, если захочет, может обладать и всеми благами.

Сказал Иодасаф:

— Если ты прежнюю свою жизнь не считаешь жизнью, то и предстоящую смерть не должен считать смертью, — она не должна казаться злом.

Ответил Балавар:

— А разве приход мой к тебе не доказывает, что я жертвую собой, ибо я знаю, какую злобу отец твой питает ко мне. Но я не считаю злом такую смерть, а, наоборот, признаю ее вечной жизнью.

26. Обратился Иодасаф с просьбой к Балавару:

— Расскажи мне притчу о наших родичах и их влечении к идолам.

Ответил Балавар:

— Те, которые веруют в идолов, похожи на некоего человека, который, как говорят наши сказатели басен, поймал соловья и хотел его зарезать, но обрел вдруг соловей дар речи и сказал ему:

— Для чего ты хочешь зарезать меня, человеке? Ведь

сыт мною не будешь! Если ты меня отпустишь, я дам тебе три совета — они будут лучшими из всех приобретенных твоих, если ты будешь их соблюдать.

И убедил соловей человека.
Когда человек отпустил соловья, тот сказал:

— Вот мои советы: не ищи того, чего не достигнешь, не жалеешь об ушедшем и не верь тому, чему не бывает.

Захотел соловей испытать того человека: пошел ли впрок эти советы, и сказал ему:

— Если б ты знал, что за клад выпустил из рук своих! Ведь у меня в зобу жемчужина величиной в страусовое яйцо.

Услыхав слова эти, человек стал раскаиваться в том, что отпустил птичку. И сказал он соловью, намереваясь снова поймать его:

— Приди ко мне в дом, и я позабочусь о тебе и отпущу с почетом.

Ответил ему соловей:

— Эх, ты, безрассудный! Ты поймал и не удержал меня, я дал тебе советы, а ты не запомнил их. Разве они пошли тебе впрок? И вот ты раскаиваешься, что отпустил меня, — жалеешь об утраченном и ищешь того, чего не достигнешь, — поймать меня хочешь, и веришь в невозможное — будто у меня в зобу жемчужина величиной в страусовое яйцо. Разве не видишь, что весь я с яйцо страуса?

И с той поры пошли человеку на пользу эти слова.

Таково и упование людей на идолов. Они сотворили их своими руками и сами же говорят: «они — творцы наши». Они оберегают идолов от похищения и сами утверждают: «они оберегают нас от зла». Все свое достояние тратят на идолов и сами же говорят: «они являются нашими кормильцами». Люди ищут в идолах то, чего нельзя найти, и верят в то, чего у них нет.

Сказал Иодасаф:

— Истинна эта притча об идолах. Они ненавистны мне, и я несколько не уповаю на них. Слова твои еще более усилили мое презрение к ним. Скажи мне теперь, к какой вере ты меня призываешь, или что это за вера, которую ты избрал для самого себя?

Ответил ему Балавар:

— Суть избранной мною веры в том, что она признает единого бога — отца и сына и святого духа — троицу, три-

единое божество, а не множество богов. Только он один — царь, а все, кроме него, — царствие его; только он — творец, а все остальные — твари его; только он один вне времени, а все остальные — подвластны времени; только он один всемогущ, а все остальные — немощны; только он один высок, а все остальные — низкие. Он неусыпен, могучее всех и сделает все, что пожелает, все ему доступно. «Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть». Неизменен он во времени и в пространстве, и все заполнено им; он благой, милостивый и человеколюбивый; он — судья правый. И уготовано им для покорных ему довольство, а для непокорных — муки. Пусть он, прославленный в трех лицах и едином естестве, сделает тебя ищущим воли его, чтобы ты спасся силой его единосущной. Если ты будешь блюсти его заповеди, то познаешь как следует учение его.

27. Спросил Иодасаф:

— А какие дела угодны богу?

Ответил ему Балавар:

— Такова воля божья: чего желаешь самому себе, сделай и ближнему твоему, а чего себе не желаешь, — не делай другому. Соблюдай заповеди Христа и возноси молитвы* [богу и днем и ночью, и да поможет тебе крест в победе над врагами, ибо крестом спасены мы от страданий и смерти.

Спросил Иодасаф Балавара:

— Соблюдением ли заповедей исполняет человек волю божью?

Балавар ответил:

— Воистину так!

Иодасаф снова спросил:

— Почему ты пренебрег благами мирскими?

Балавар ответил:

— Два обстоятельства побуждают нас к тому: во-первых, наивысшие блага земные не сравнимы даже с малыми благами небесными, а если кто проявит усердие, то достигнет наибольшего благоволения. Кроме того, на земле немало зависти между ближними, ибо не равны между собой

* Здесь не хватает нескольких страниц. Они восполнены из сокращенной редакции «Балаваркини» и заключены в квадратные скобки. (Ред.)

дань приносящие и дары воздающие; во-вторых, если мы предадимся земным удовольствиям, то погрузимся в беззаконные деяния, что будет причиной нашей гибели. Если же мы отдалимся от мира сего, то обретем большее спокойствие и мир. Тот, кто приблизит свои стада к нивам, — не будет спокоен сердцем, так как, если он задремлет или проявит невнимательность, — скотина потравит посевы, а тот, кто отдалит стада от посевов, сможет безмятежно уснуть и отдохнуть.

Иодасаф сказал:

— Все, что ты говоришь, — истинно, но продолжай свою речь, чтобы я возымел к миру сему еще больше ненависти и презрения.

Балавар сказал:

— Да будет тебе известно, что вражда с мирским примиряет человека с богом, ибо непродолжительна жизнь наша и рано иссякают дни и ночи. Теперь постарайся по воле своей уйти из мира сего, так как все равно придется нам уйти; и если даже продолжится жизнь наша, то и тогда нам предстоит смерть. И все приобретенное исчезнет; высокие хоромы превратятся в руины, имя человека сотрется в памяти и само тело его истлеет, ибо нагим унесут его из мира сего, ввергнут в темную пещеру и оставят лежать на чужбине, покинутого друзьями, возненавидевшими его, и бесконечно опротивевшего всем: жене, и братьям, и детям.

28. При этих словах Иодасаф прослезился:

— Речь твоя пронзила мне сердце, теперь расскажи о спасении.

Балавар продолжал:

— Царевич, я очень любил этот мир и был увлечен его утехами, а когда присмотрелся, то увидел, что все обращается в прах и никто не остается в нем — ни великий величием своим, ни могучий могуществом своим, ни сильный силой своей, ни мудрый мудростью своей. Я подумал, что и я — один из них, и я тоже уйду, как ушли другие, и меня сменят, как сменили других. И так как я не величайший среди великих, и не могущественнейший среди могущественных, то и со мной должно случиться, что случилось с ними. И понял я, что все собранное развеется, что обретенное исчезнет, кроме страха перед богом и учения его. Они спасают от вечно-

го наказания и не требуют покаяния при кончине. И когда все это я познал, — начал искать для себя лучшее и принудил себя перебороть свою волю, хотя это и было очень трудно. И воздержался я от похоти, и надел узду страха божьего на волю свою, чтобы она не увлекла и не ввергла меня в пучину суетного мира.

И затем услышал я слово божие, внушенное нам священным писанием: «Я сотворил мир сей и всякие образы его преходящими. Ныне возьмите пищу на дорогу, ибо вам предстоит путь в страну чужую. Вы уходите из мира сего и остерегайтесь пользоваться услугами его, ничего не берите от него, кроме того, что хватит до прибытия туда, где мною уготовано вам место вечного пребывания. В том месте две обители: одна полна всяких несказанных благ и радостей, преисполнена любви и милости моей. Она уготована для тех, кто возлюбили меня и поверили голосу апостолов моих и соблюдают заповеди мои. В ней пребудут они нетленно, и над ними не властвовать смерти; там нет страха и забот мира сего. А другая обитель полна мук и страданий, невзгод и горя, стыда и зависти, жестокости и негодования. Она мстит за меня всем ненавидящим меня, не признающим апостолов моих, забывающим заповеди мои и не обратившим уши свои к голосу обличения». И когда услышал я глас божий, то понял, что слова его правдивы и заповеди — истинны. И, взяв пищу, пустился я в путь, чтобы делами добрыми и соблюдением заповедей достигнуть той обители мира и милости. И бегу я от страшного пристанища, уготованного непокорным, хотя и я, и никто из великих мира сего не достигли того, к чему пришел Христос, принявший на себя муки за грехи наши. Много у меня грехов, и очень страшусь я того, что святая дева Мария и все святые не помогут мне.

Спросил Иодасаф:

— Как можно достигнуть тех благ, о которых ты говоришь?

Ответил Балавар:

— Надо оставить мир и всякие мирские заботы и взять с собой только самое необходимое. Остерегайся осуждения, придерживайся учения и не утверждай чего-либо прежде, чем не испытаешь сам, ибо лучше немного правды, очищенной от греха, чем много хороших дел, к которым примешаны грехи. Лучше говорить мало, чем многословно, ибо в мно-

гословии содержится ложь. Мудрец обязан вразумлять и себя, как вразумляет добрый пастырь народ свой, ревностно занимаясь его делами, оберегая его и поощряя покорных. Мудрец также обязан и судить себя по воле всевышнего во всех делах своих, и тогда разумом своим справедливо и в свое время воздаст он себе должное — дар добрый. Если деяние его доброе — пусть вознаградит себя радостью, а если недоброе — накажет покаянием. Ибо умный человек должен постоянно исследовать мысли свои и, совершенствуя знания, воспринимать добро и изгонять зло, порицать себя и проверять мудрость свою разумом своим, чтобы не овладел им дух зазнайства. А зазнайство противно всевышнему, любящему мудрость и смирение, ибо по воле божьей человек мудростью достигает добра, а безумием многие души обрекают себя на гибель. Началом всякой твердости является страх перед господом и следование его заветам, а началом всякого зла — следование за похотями и порабощение воли своей. Если осенят тебя мысли, которые не можешь объяснить твоему разуму, не пытайся вникнуть в них, ибо они волнуют ум и туманят сознание. Будь более спокоен, тогда разум будет способен разобраться, а душа — определить лучшее. И не приступай к делу с унынием, не говори, что, мол, это невозможно или нельзя выискать лучшее в нем.

И знай еще, что один человек не в состоянии охватить все знания. Потому недостойно мудреца пренебрегать малыми знаниями, когда не достиг он большего совершенства в них; так и глаза не выносят всего солнечного света, а малый свет никак не мешает разобраться в деле. Чрезмерно сильный свет, который невозможно выдержать, не приносит пользы зрению. Никто из людей не в состоянии съесть сразу все кушанья и выпить все напитки, которые увидит и захочет. Никто не в силах принять все, кроме небольшой частицы, однако это не мешает познать вкус и удовлетворить душу малой пищей. А наставления и благоволения во много раз важнее и насущнее, чем все это, хотя глаз одного не в состоянии охватить их, а сердце — уместить, разум — воспринять. Это именно то, чего достичь гораздо труднее, чем приведенного в пример в притче о солнце и кушаньях, ибо, как положено богом, знаток превосходит знатока. Однако ничто не препятствует тому, чтобы каждый пользовался только тем, что познал, и малым знанием добивался бы того, чего не знает.

29. Спросил Иодасаф:

— Как поступить такому, как я, чтобы установить самое истинное из всех верований, возникших после раскола?

Балавар ответил:

— Так, чтобы сохранить то, в чем сходятся все секты, верующие в Иисуса Христа, чтобы защитить те дела, в которых у них нет разногласий, а затем выбрать лучшее путем исследования книг и сопоставления примеров, проверки разумом и подтверждения делами, а не путем прозрения и принятия спорного. Ибо тому, кто твердо знает свое дело, где бы он ни находился, более отраднее попасть в среду себе подобных, откуда бы они ни были, чем тому, кто взялся за дело без убежденности и знаний, так как первый из них опирается прочно на истину и отгоняет от себя заблуждения, а второй, взявшись за дело без знания и убежденности, неизбежно заблуждается. Таковы и дела мира сего, ибо совокупность познанных истин превосходит совокупность непознанных. Иной человек или утверждает добро, или отвергает зло, как только познает их, и стремится к богу, сохраняя верность ему во всем скрытом и явном. И когда он поступает так, бог открывает перед ним врата знания и возвещает ему о воле своей, и тогда ему легко расстроить самые изощренные козни дьявола.

Иодасаф спросил:

— А какое человеку проявить усердие, чтобы сохранить чистоту веры?

Балавар ответил:

— Он должен выбросить из своего сердца насильников воли и возбудителей похоти и приблизить к своим удам праведные дела, истинное терпение и верование. И когда сделает он так, то обретет плоды знания, и бог избавит его от горя и сомнений.

Иодасаф спросил:

— Следует ли человеку ждать во всех подобных случаях?

Балавар ответил:

— Безусловно, однако нельзя усомниться в первых познаниях человека, а надо приложить усилия разума, чтобы воспринять их путем наставлений, притч и сопоставлений.

Иодасаф спросил:

— Что ты скажешь, если кто-либо, со всем усердием и

разумом судя о подобном, не сумеет отличить истинное от ложного. Следует ли ему воздержаться и не исследовать больше того, чего требует от ему подобных бог?

Балавар ответил:

— Исследование всяких дел есть благо. Если что-либо из прошедшего человек не познал, он обязан хорошо обдумать и старательно искать до тех пор, пока путем подтверждения истины не рассеется подобное незнание или с течением времени он не познает. Только не следует ему отчаиваться в помощи бога, пусть ждет от него откровения. Но и сам пусть не мешкает в усердном приобретении знаний, ибо, когда человек впервые берется за дело, разум его встречает препятствия. Но достаточно проявить терпеливость, использовать накопленный опыт и еще раз прилежно, с благим упованием исследовать прошедшее, чтобы по воле бога его покинули охватившие сомнения. Только до тех пор подлежат сомнению прошедшие дела, пока не найдешь ключа к знанию и не устранишь ошибок беспутства. И не подобает мудрецу, если он не нашел ключа к одному какому-либо знанию, отчаиваться в познании другого. Не подобает ему из-за незнания одного какого-либо вопроса отказываться от приобретенных знаний, ибо не все, что ищет человек, поддается познанию, и не все то, что познано им, используется, и не всякое незнание вредно. Однако двойные наипрочнейшие ловушки ставит дьявол: первая ловушка — внушение мудрецу, будто у него не хватает мудрости и разума, что нет никакой пользы в знании и что незнание для него не помеха. При этом дьявол указывает на какого-либо мирянина и говорит: «Вот сколько почестей и славы стяжал он без знания. Почему же ты наказываешь себя и предаешься горю? Так пей, кушай и веселись, ибо завтра умрешь, и не поддавайся смерти раньше, чем она сама не достигнет тебя в свое время». Таким острием пронзает дьявол сердце его и создает препятствия в поисках знания, и показывает богатства, чтобы приворожить мудреца похотливыми нравами и возбудить в нем желания. Если этим оружием дьявол не одолеет его и найдет, что тот терпелив, то прибегнет к другому оружию — раскаленной стреле. Когда же убедится, что мудрец изучил все его ловушки, подстроенные с левой стороны, он подберется к его доспехам справа и начнет вести с ним борьбу уже другими, неизвестными средствами. И обрушит на него дьявол дух уныния, дабы заставить его возненави-

деть все, что тот сам совершил, и признать самого себя униженным, поруганным и лишенным рассудка. И проклянет мудрец рассудок свой, возникнет в нем ненависть к ближнему и к учителю, и скажет дьявол ему: «Ты не в силах справиться с этим делом, ты не в состоянии завершить его и нести бремя законов, так зачем же мучаешь себя и трудишься над тем, чего не можешь достигнуть?» Скажет еще дьявол: «Если ты хочешь совершенствоваться в добре и не обманываешь бога, постись сорок дней, надень рубище и, посыпав пеплом голову, пребудь в нескончаемом рыдании». На такие тяжелые испытания толкает он, чтобы человек по его наваждению или потерял охоту и впал в уныние, или чрезмерно вознесся бы, а затем низвергся наземь. Такими бедствиями затуманивает дьявол рассудок, что человек больше не может обстоятельно судить о делах и не выдерживает испытания. Среди людей много раненых и умерщвленных этими стрелами, потому что душа быстро воспринимает противные разуму плоды. Разум и желание противостоят друг другу, и между ними существует исконная борьба: желание — друг души, а разум — ее противник. Желание, взяв на себя от души все трудности и отдав ей все вожелания, не признает ни заботы, ни страха. Разум же, тесня душу и ввергая ее в скорбь, причиняет ей беды; научив жизни, отнимает желания и обличает страсти во имя грядущих радостей и богатства. Разум заставляет раскаиваться за лень и обличает ее в дальнейшем. Душа же следует за желанием быстрее, чем за разумом, а для спасения от множества соблазнов желания есть два выхода. Во-первых, следует воздерживаться от всего бесполезного, а во-вторых, старательно искать ненайденное, рьяно стремиться к достижению даже малейшего блага. Усвой и запомни это и этим вооружись. И господь бог да будет с тобой во всех делах твоих.

30. Сказал Ицдасаф:

— Выслушал я твои слова и восхваления бога. Ныне ты еще более прояснил мой разум, будто открыл мне глаза.

Балавар продолжал:

— Образ бога не выразить словами и разумом не постигнуть, и не исследовать, каков он есть. Не всякий язык способен воздать достойно ему хвалу. Он непостижим для тварей, они могут знать лишь то, что открыто им самим бо-

гом устами пророков. И никто, кроме Иисуса Христа, рожденного от бога раньше веков, не скажет о нем людям. Это его явил бог, ибо недостижим для глаза образ божий. И пророки свидетельствовали об этом и убедили людей знамениями и чудесами в его власти. Эти чудеса и знамения никто, кроме пророков, не может явить с такой силой, ибо они даны богом и все делается по воле его как на небесах и на земле, так и в морях и безднах.

Спросил Иодасаф:

— Что доказывает нам познание бога?

Ответил Балавар:

— Небо и земля и все, что находится между ними, — одушевленные и неодушевленные тела. Если видишь какой-либо сосуд, ты, хотя и не знаешь, кто его сделал, все же уверен, что у него есть создатель; то же и строения. Если даже ты не видишь строителя, все-таки разум убедит, что у них есть строитель. Я же, как только узрел себя, с изумлением познал свое строение, и хотя я не видел сотворившего меня, но знаю, что он меня родил таким, каким хотел, и дал мне такой образ, какой сам пожелал, не спросив об этом меня. И если бы я был творцом, то сделал бы себя самым красивым и статным из всех сотворенных, но он меня родил таким, каким сам пожелал, сделал лучше многих им сотворенных и хуже некоторых иных. Тогда-то я понял, что он, не посчитавшись со мной, возьмет меня из этой жизни. И вижу я предстоящие мне дела, но каким образом, сам того не знаю, и не знаю меру жизни моей и какое зло случится со мною в ней. Вижу я всех людей такими же, как я сам: вижу, что никто не может ни увеличить или снизить своего роста, ни обновить дряхлого тела, ни приставить снова к телу того, что отпало от него. Не смогли этого сделать ни цари властью своей, ни мудрецы мудростью своей, ни искусные мастера искусством своим, ни сильные силой своей.

Мы видим также наступление ночи за днем и дня за ночью и вращение небосвода. Благодаря этому мы познали, что у всех тварей есть творец, который, однако, не подобен им. А если бы он был им подобен, то его, как одного из них, постигло бы то же, что постигает каждого. Все, что мы видим, сотворено, а строение тварей свидетельствует о том, что одни созданы путем совокупления, другие — изображением, иные путем расчленения, а остальные — от меры времени: путем убавления и прибавления, движения и покоя.

Создал творец их из ничего и изобразил без образца. Сказал «Будь!», и стало. А когда захочет того — всем придет конец. Затем снова воскресит в прежнем виде. Веления его острее обоюдоострого меча и быстрее сверкания молнии; скажет: приди, и придут; скажет: исчезни, и исчезнут; скажет: обновись, и обновятся...

31. Спросил Иодасаф:

— Я понял все, что ты сказал о строении тварей, понял, что без творца ничто не сотворено. Ты убедил меня в этом истинными доказательствами и ясными примерами. Но откуда ты познал, что после смерти предстоит воскресение из мертвых и воздаяние за добро и зло?

Балавар ответил:

— По двум признакам можно узнать это: во-первых, жизнь покорных богу в этом мире отлична от жизни непокорных, и, как мы видим, многие из непокорных покидают сей мир в радости, славе и спокойствии, а многие покорные — в нищете, унижении и невзгодах. Из этого можно заключить, что судья правый потому не возвеличил покорных в этом мире, лишил их почета и радостей, что уготовил им непреходящие блага в грядущем царствии, хотя покорность их не была полезной, как непокорность других не была вредной. Во-вторых, это можно познать из проповедей апостолов, ибо они возвещали покорным о вечном воздаянии и предупреждали непокорных о вечных страданиях. И я уверовал в тайную силу апостолов потому, что они творили такие знамения и чудеса, которые не в состоянии творить никто из людей, не будь на то воли божьей.

32. Иодасаф спросил:

— Скажи мне, если апостолы те же люди, созданные из той же материи и в образе человеческом, то как отличить их от людей и откуда ты знаешь, что они глаголят истину?

Балавар ответил:

— Я усматриваю истину их слов в том, что они отделились от мира сего и его обитателей, противостоят их желаниям и призывают покориться правде во всех случаях, — и в гневе и в спокойствии; в нищете и богатстве, в смирении и величии. Они призывали не становиться на путь сильных и правдиво взвешивать дела честных и нечестных, проявлять терпимость к возмездью, отрешиться от желаний и обнару-

жить терпение в невзгодах, нести бремя заповедей и принять на себя справедливую кару, когда она постигнет. Апостолы несут чрезмерные тяготы бремени и ярмо тяжелое и стесняющее. А если бы они были лжесвидетелями бога и обманщиками, то не только не вели бы людей по таким тесным и узким тропам, а наделили бы их большими благами, присутствием природы человека, и показали бы им просторную дощими широкие врата, приятные людям веселье и похоти, а И разрешили бы тогда апостолы людям подкупили бы людей. Не также богатую жизнь и всем этим подкупили бы людей. Не молитвою, постом и терпением в невзгодах, а уравниванием богатых и бедных привели бы в смятение сердца людей. Поэтому-то мы и убедились, что они глаголят истину и дела их свидетельствуют о таких чудесах и знамениях, какие не в силах свершить твари.

Спросил Иодасаф:

— Если кто-либо из людей станет выдавать себя за апостола бога и проповедовать подобное, то как узнать истину ли глаголет он или ложь?

Балавар ответил:

— Его же деяния выявят его тайну, и деяниями же своими он разрушит собственную проповедь. Такие люди учат других терпению, а сами нетерпеливы, учат благодетельности, а сами безумствуют и не в состоянии, как и всякий человек, совершить чудо. Но если умрет какой-либо пророк, то в писаниях его можно найти весть о том, кто грядет вслед за ним.

Иодасаф спросил:

— Если найдется человек, знакомый с первыми писаниями и прошлыми делами, и через них окажется сведущим в грядущем и знающим имена пророков прошедшего и будущего, и присвоит себе грядущее, то в чем будут заключаться его притворство и ложь?

Ответил святой Балавар:

— Слово божье непреодолимо, и свет его неослабеваем, и истина его неугасима, ибо господь посылает пророка не одному роду, а всему народу, и с первого же появления тот известен своей святостью и правдивостью, спокойствием и миролюбием, непорочностью плоти. Он не гневен, не корыстолюбив, не кичлив, не ступает на сомнительный и непристойный путь. Когда бог направляет человека на проповедь, то укрепляет его делом и словом. Если ранее тот занкался,

то теперь получает дар речи и способность вещать благо, обличать и вразумлять и знать, что недостижимо для людей. Всего достигает пророк благостью, и тайны его сами говорят за него. Никто не смеет противостоять ложью истине, даже если ложь еще не познана народом и лжец не уличен в обмане. Нельзя и доказать правду ложью, и не станет ложь причиной и поводом дел благих.

33. И участились посещения Балаваром царевича. Учил и наставлял он Иодасафа, пока появление его во дворце в неурочный час не привело в смятение слуг. Царь приставил слугой и наставником к сыну некоего преданного и надежного человека по имени Задан. И как только узнал Задан о Балаваре, тайно сказал царевичу:

— Тебе, царевич, известно, какое положение я занимаю при царе. Не назначил бы он меня к тебе, если бы не видел во мне верного и надежного слугу. Я очень удивлен поведением того человека, который имеет доступ к тебе во всякое время. Боюсь, как бы он не был из тех, кого ненавидит твой отец и кому запрещает находиться в стране. Если он наставляет тебя на какое-либо благое дело, то позволь сообщить о нем отцу твоему, ибо мы весьма встревожены и много думаем об этом. А если он что-либо тайное говорит тебе и ты не желаешь, чтобы об этом узнал царь, так сделай одно из трех: или впредь прекрати встречи с ним и я скрою, что было до сих пор, или не гневись, и не возводи на нас обвинения, когда мы донесем царю об этом, и приготовься оправдаться перед ним, или же удали нас от себя в гнев и добивайся, чтобы отец твой дал тебе других слуг.

Выслушал царевич Задан и сказал:

— Прежде всего мы с тобой, Задан, сделаем так: я скрою тебя здесь, чтобы ты подслушал наш разговор, а потом я прикажу тебе то, что пожелаю.

Посадил царевич наставника за занавесью перед самым приходом Балавара и затем начал беседовать с мудрецом. Иодасаф спрашивал его о делах мирских, а тот, по своему обыкновению, все возвращался к суетности мира, к вечной славе и сказал:

— Ищущим удовольствия подобало бы избрать вечное и отдать ему предпочтение перед мгновенной, быстротекущей жизнью. И как не понимают пристрастившиеся к благам мира сего, что когда нет прочности, нет ничего. Или как

они не понимают превосходства непреходящих благ над всем быстротечным, незначительным, позорным. Ибо никто не преисполнен любовью к миру, кроме безумного, и никто не собьется с пути вечной жизни, кроме заблуждающегося и бедствующего. А как не бедствовать тому, кто в споре из-за драгоценностей мира сего добывает блага, хотя и не сомневается в том, что они вскоре утекут из его рук. И знают заблуждающиеся, что всякое кратковременное удовольствие быстро изменяется, переходя от новизны к ветхости. И не складывают они свои сокровища навеки там, где эти богатства могли бы остаться нетленными. Ныне же какое мирское дело заслуживает похвалы или какие его ценности остаются нетленными? Или кто из людей, злосчастнее тех, которые ищут богатства и увлечены собиранием сокровищ и которые чем больше богатеют здесь, тем беднее становятся там. А стяжающие здесь почет там познают позор и удаляются от бога.

И так, в этом роде, беседовали Балавар и царевич.

34. И когда Балавар ушел, Иодасафу хотелось узнать, пошли ли впрок Задану слова мудреца. И он сказал ему:

— Слышал ли ты, что говорил мне этот лжец и колдун, как он пытается соблазнить меня, отравить довольствия мира сего и подстрекает против царя?

Ответил ему Задан:

— Не подобает тебе, царевич, лукавить предо мной. Нет ничего недостойного в этой беседе, ибо она чудесна и ясна. Мы и раньше вкушали сладость таких речей и признаем преимущества тех, кто их придерживается. Но с тех пор, как царь проклял и запретил христианство, подобные речи были запрещены, чтобы сердца наши не открылись и не восприняли их слова. И все знают, как вынуждены мы были поспешно оставить все и избрать мимолетную жизнь. А если тебе, царевич, нравится вера христианская и ты избрал ее и решишь на себя ее бремя и лишения подвижников, а вместе с тем и гнев царя, и порываешь с народом, то возрадуйся христову почету на небесах в жизни вечной! А что касается меня, то любовь к миру сему и страх перед отцом твоим заставили меня отвернуться от веры христовой, но я не отрицаю ее превосходства и не буду противодействовать верующим. Теперь прикажи, как мне избежать гнева отца твоего за то, что я скрываю от него все это?

Иодасаф сказал Задану:

— Разве не для твоей же пользы дал я тебе подслушать нашу беседу? Ведь этим я напомнил тебе слова спасения, которые питают разум! Я не сумел придумать лучшего воздаяния за верность и любовь твою, кроме того, как напомнить тебе, для чего ты рожден и что лучше для тебя самого. Но ты ответил мне не так, как я ожидал. А что касается сохранения этого в тайне, то поступай, как хочешь. Не о себе забочусь я и не о том, чтобы отвести гнев царя, а о самом царе забочусь, ибо весьма тяжело это для него и ты не побудишь его причинить зло праведникам. Если ты утаишь правду от царя, то это будет тоже верным служением, ибо ты, не став вестником дурного о сыне, не затмишь его разума, не ввергнешь его в отчаяние и, вместе с тем, не будешь виновен передо мной.

35. Балавар захотел возвратиться к себе и пришел проститься с царевичем. Это сильно опечалило царевича, он не мог перенести разлуки и сказал Балавару:

— Без тебя я не могу жить и не отпущу тебя. Я последую за тобой. Буду пребывать вместе с ближними твоими.

Ответил ему на это Балавар:

— Выслушай, царевич, притчу, которую хочу тебе рассказать. Слышал я, что был некий богатый и знатный муж и имел он отрока. Вырастил и приручил тот отрок детеныша газели и так привязался к нему, что ни одного часа не мог прожить без него. Однако, когда газель подросла, проявилась ее прирожденная дикость и ей захотелось выйти в поле. Однажды она увидела стадо газелей и пристала к нему. Но газели чуждались ее, потому что она выросла в домашних условиях и не походила на них. Вскоре, однако, они принялись друг к другу. С тех пор, время от времени, как только хозяева оставляли газель без присмотра, она выходила к стаду. Привыкло прирученное животное к диким и много раз оставалось с ними. Заметили дома, что газель дичится и подумали, а вдруг она не вернется домой. К тому времени газели, побуждаемые чутьем, переменили пастбище. Прирученная далеко следовала за ними и поздно возвращалась домой. Тогда хозяева забеспокоились и приставили к ней соглядатая, чтобы узнать, что она делает и куда ходит. Вернулся тот человек и сказал, что газель присоединилась к диким сородичам. Поднялись хозяева и пошли по ее следам, и

когда заметили издали, как она подошла к стаду, набросились на диких газелей и многих поубивали. Наконец поймали и свою газель, привели ее домой и так крепко привязали, что больше уже она не могла выходить.

Я боюсь, царевич, что то же самое может случиться со мной и с ближними моими, если ты присоединишься к нам. Как бы не лишились мы радости от тебя и нашей надежды на возрождение веры. Возможно, случится худшее с ближними твоими и ты не сделаешь того, чего желаешь и что можешь скрытно и ловко сделать до того, как найдешь по воле бога свое место. Твоя терпеливость приблизит тебя к богу. Ты сдержишь ярость царя против оставшихся верующих, которые в случае твоего ухода будут обречены на истребление. Мы же бежим не потому, что боимся злодеяний, которые он нам уготовит, или смерти, а потому, что не хотим стать причиной его расправы над нашими ближними. Если я возьму тебя с собой — мы лишимся помощника в борьбе с его беззаконием.

36. Спросил Иодасаф:

— Скажи мне, какой пищей вы питаетесь в пустыне?

Балавар ответил:

— Возвращенными росой земными растениями, которые никого не прельщают и из-за которых никто не вступит с нами в борьбу. А если той пищи не хватит, то кто-нибудь из наших братьев, верующих и пребывающих в сем мире, даст нам ее. При нашей немощи нам не следует отказываться от этой пищи.

Сказал Иодасаф:

— Возьми мои драгоценности, и ты спасешь ближних твоих.

Балавар ответил:

— Как же ты предлагаешь драгоценности ближним моим, когда ты беднее их. Не нищий дарит что-либо богатому, а богатый — нищему. Даже самый бедный из моих ближних богаче тебя. Но я уповаю на то, что ты, если господь того пожелает, разбогатеешь, умножатся твои сокровища, и будешь ты скупиться, и ни на что не расщедришься для кого бы то ни было.

Иодасаф удивился:

— Каким образом наимеднейший из твоих ближних может быть богаче меня, тогда как ты сам говорил об их

желой нищете? Или как я могу скупиться, если умножится мое богатство и если я и сегодня щедр.

Балавар ответил:

— Не о нищете ближних моих я говорил тебе, а о том богатстве, которое, как они в том уверены, принесет им спасение. Уделом своим они удовлетворились и, отрешившись от земных утех, получают большую удовлетворенность и радость, чем сулят им всякие мирские богатства. И ты должен возгореться желанием такой же жизни, ибо богат тот, кто не нуждается в драгоценностях. А те, которые ищут сокровища и богатства, разбогатеют, остаются нищими разумом. Первые превосходят вторых в радости, ибо они не от мира сего. Они накопили на небесах сокровища добрых дел, которых ты еще не обрел; в мире же сем они имеют утешение и радость и надежду на то, что усопшие, следовавшие за словом истины, обретут благо. И ты достигнешь того же, если будет на то воля Христа; и умножится твое достояние, узришь ты братьев своих, к которым стремишься, и возрадуешься ими, как и они возрадуются тобой. И тогда ты не будешь расточать драгоценности, которые обретешь, и достойно ими воспользуешься.

А что касается драгоценностей, которые ты намеревался дать ближним моим и которые могут стать причиной смущения разума, то я послан сюда не для того, чтобы они вновь извели яд мира сего, который одолели силой и упованием на господя нашего Иисуса Христа. Ведь этим я снова оживлю врага, которого они поборол, разбужу похоти, которые они попрали. Нет смысла возвращаться к изжитому и напоминать им о тщетной пышности мира сего. Да не обратятся они в нищих, да не будут обречены на погибель. Разве золото и серебро, карбункулы и жемчуга чем-нибудь отличаются от тех камней, которые лежат в нашей пустыне?

Иодасаф спросил:

— Откуда же у вас такое одеяние?

Святой Балавар ответил:

— Это самая тяжелая ноша среди нош мирских. И потому мы облачаемся в рубища из лохмотьев, а иногда сплетаем себе одеяние из стеблей и листьев растений. Мы довольствуемся одним одеянием на долгое время, а когда обновляем его, думаем, что наступает конец нашим страданиям в мире сем. Если же смерть постигнет нас прежде, чем оно износится, то приблизится ожидаемый день, на который

мы уповаем. Но если одеяние это износится и человек останется жив, то он поступит так, как я сказал раньше, а если и на свалке не найдет лохмотьев и не из чего будет людям в селах ткать одеяния, то он примет все, что пошлет ему бог.

Иодасаф предложил:

— Прими от меня одеяния для ближних твоих и распредели их между ними.

Балавар ответил:

— Это значило бы заботиться о будущем времени, чего делать не следует, ибо в святом евангелии говорится: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем». Ни один из нас не меняет одеяния, разве только тогда, когда нет в нем пользы и оно больше не может прикрывать плоть. И не следует заботиться о том дне, о котором не знаешь, и доживешь ли до него или нет?

37. Иодасаф спросил:

— Откуда же у тебя одеяние, в которое ты облачен?

Балавар ответил:

— Эта одежда — средство получить доступ к тебе, чтобы никто не поразился видом моим в царстве отца твоего. Подобно этому, человек для того, чтобы спасти близкого своего из плена, меняет одежду и внешний вид свой и так проникает в стан врага. Только таким способом он может вырвать пленника из вражеских рук. Так поступил и я, когда услышал, что ты расположен к правде и ищешь истину Иисуса Христа, спасителя, и желаешь слышать глас святого евангелия. И узрел я выгоду души моей и нашел почву благодатную. Таков путь ко всем подобным тебе, возвеличенным и смиренным. Отныне ты прозрел с помощью господина нашего Иисуса Христа. Я избавил тебя от врагов, так как возвестил тебе учение бога и заповеди апостолов и святых отцов. И разъяснил тебе все законы христианские и показал сей мир и все соблазны его, а также рассказал о том, как он приманивает к себе удовольствиями и похотью. Я уберег тебя от ухищрений сего мира и показал его позор, объяснил тебе, что он блудлив и непостоянен в своей любви. Теперь же я вернусь на место моего успокоения, сниму там одеяние чуждое и, облачившись в одежду моих ближних, вновь приму прежний вид. Если бы ты увидел меня в образе и одеянии ближних моих, то, мне кажется, не пожелал бы прийти к ним.

Тогда Иодасаф начал умолять Балавара предстать перед ним в настоящем образе своем. Балавар снял одежду, обнажил иссохшее тело — одну кожу да кости, и казалось, что это кожа человека, умершего от долгого поста, натянута на тонкие палочки тростника. Его наготу прикрывал только привязанный к чреслам кусок власяницы; и еще истлевший кусок с заплатами висел на нем, как обычно на пустынных. Иодасаф сильно растрогался, ибо нашел в этом жалком облачении, напоминающем об облике схимника, величайший пример служения богу. И начал Иодасаф плакать и вздыхать. И сотрясалось при этом все нутро его. И так горячо оплакивал он разлуку с Балаваром, как иные оплакивают своих умерших родственников.

38. И сказал Иодасаф Балавару:

— Раз ты не пожелал увести меня с собой и не принял ни одеяний, ни драгоценностей для ближних твоих, то прими хотя бы одежду для себя.

Балавар ответил:

— Я не согласился, царевич, взять для ближних моих то, что ты мне предлагал, да и сами они не ищут того. Как же мне принять это для себя? Я их уберег от этого, а себя не уберегу? Если бы это было благом, то я предпочел бы его прежде всего для них.

Иодасаф сказал:

— Так прими от меня тогу новую, а свою оставь мне на память о себе.

Балавар ответил:

— Сменю я ветхое на новое, только надеюсь, что не будет между ними той разницы, какая существует между ветхостью и новизной. И то, что ты мне даешь, пусть по степени изношенности будет похоже на это.

Тогда принес Иодасаф поношенную тогу и надел ее на Балавара, а сам взял его одеяние и сказал:

— Знай, что разлука с тобой доставит мне большое огорчение и боль.

39. Балавар сказал:

— О царевич, я раб господина Иисуса Христа, чьи блага во множестве ниспосланы мне. Упование мое на него велико, и страх перед ним неугасим. Я имею веление от него, которое спешу выполнить. Если, исполнив его, я почувствую, что

мне тяжело в час разлуки, то, как ни трудно в этом признаться, я окажусь неверным господу. Я исполнил то, что должен был сделать по своему призванию в отношении тебя, ты воспринял истину, о которой я поведал, и все, что возвестил тебе о верности... Теперь, считая выполненным свой долг перед тобой, я предоставляю тебе самому держать ответ за себя, ибо изложил все законы божьи. Ныне я спешу в другие места в поисках той благодатной почвы, которая должна принять семена.

Итак, я ухожу, и запомни мою заповедь: сохрани веру, которую дал тебе Христос, и приготовься к деяниям, ибо он доверил тебе дело свое и сообщил законы свои. Покорность ему не считай своей большой заслугой. Не самообольщайся и не верь людям, кроме тех, кто достоин доверия. Все подвергай сомнению, продумай желания и отршись от похотей твоих. Заверши жизнь так, чтобы каждый день ты пребывал в покорности богу и спасителю Христу. Готовься к встрече со смертью. Остерегайся того, что может обернуться злом, обмануть тебя и наложить тяжелый отпечаток на твои деяния. Воспользуйся юностью и здоровьем тела своего, посвяти себя труду и подвижничеству, и чтобы никакие болезни и убыль дней твоих не могли лишить тебя благу труда и быть помехой в делах твоих. Точно выполняй заповеди, обрети смирение в труде и сложи голову свою за дело немощных. Остерегайся злого помысла и не отвергай малого блага в ожидании дня величайших воздаяний. Соедини сердце твое с заботами богоугодными и сожалея о всем непристойном, содеянном тобой. Всегда будь добродетельным даже к тем, кто недостойн этого, и не осмеливайся подражать худшему, совершенному многими. Не подобает мудрецам подражать другим, кроме как в благих делах. Опасайся самолюбования и не доверяйся ему, даже если какое-либо из твоих дел тебе нравится. Да будет тебе известно, что самолюбование в свершении добрых дел имеет две стороны: одна помогает обрести благо, а другая ввергает во всякое зло. Благо обретается только тогда, когда человек радуется умножению плодов своих добрых дел. Большой труд его облегчается тем рвением, которое он проявил и с которым берется за новые дела. А тот, кто самолюбованием себе же причиняет зло, подобен человеку, который любит себя своими деяниями и, преувеличивая значение своего разума, предаётся благодусию, говорит: «Хватит с меня того, что я

сделал», и перестает трудиться. Отныне множь свои заботы о самом себе, чтобы познать себя и спастись от страшных соблазнов мира сего, обрести свободу и идти той тесной тропой, которая приведет тебя к вечному упокоению.

40. Вот мои заповеди. Такова моя преданность тебе и богу, поручившему мне заботу о тебе. Я молю всевышнего, чтобы он ниспослал благодать тебе и одарил теми благами, которые уготованы покорным. Да будут отмечены богом жизнь и дела твои, и да обретешь ты власть над волей не для того, чтобы склониться к злу, а для того, чтобы отдалить желания твои от всякого соблазна и хранить себя под сенью креста, который уберезет тебя от козней человеческих и дьявольских. И да будет внушена сердцу твоему ненависть к миру сему, дабы обрел ты жизнь и спасение; да будут дни твои в грядущем царстве мирными и спокойными. И пусть не оставит бог тебя одного с твоими мыслями, пока не приведет вместе с нашими избранныками в великую обитель праведников.

Обратился к нему Иодасаф и сказал:

— Ты меня называешь царевичем, а я не сын царя, а раб и сын раба недоброго. Но бог умножил милости свои ко мне, помог тебе совершить благодеяние, полезное и для души твоей. Ты дал мне познать господу Иисуса Христа, который зачат без семени и рожден девой Марией. Ты открыл мне его святую веру и наставил на путь истинный, сняв с меня пелену скорби и избавив от всех соблазнов смертных. Я обязан воздать тебе за блага твои, но не в силах достойно отблагодарить, и пусть вместо меня воздаст тебе благодарность бог, ибо при нем вся полнота воздаяния. Бог да направит твои благие дела! И если ты останешься со мной, то будешь радостью души моей, а если уйдешь, — пусть ниспошлет бог тебе заботу свою, а недостаточную мою благодарность восполнит Христос.

И встали они, чтобы попрощаться, и, плача, поцеловались. И ушел своей дорогой Балавар, преисполненный радости духовной, что свершилось желание его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИТИЕ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО ОБРАЩЕННОГО СВЯТЫМ ОТЦОМ БАЛАВАРОМ БЛАЖЕННОГО ИОДАСАФА, ОБРАТИВШЕГО ОТЦА СВОЕГО, ЦАРЯ АБЕНЕСА, И НАРОД СТРАНЫ ИНДИЙСКОЙ В СЛУЖИТЕЛЕИ ХРИСТА

41. После этого Иодасаф начал поститься, молиться и тайно служить богу. Когда люди засыпали, он бодрствовал и до самого рассвета, плача и вздыхая, совершал все семь своих молитв.

А наставник Задан, слуга, приставленный царем, ушел от царевича домой опечаленный и сказался больным. Об этом доложили царю, и он весьма огорчился. Назначив на его место доверенного визира, он послал к Задану своего лекаря. Тот, осмотрев Задана, вернулся к царю и сказал:

— Никакой болезни у этого человека я не обнаружил и никаких признаков недомогания не нашел, хотя всесторонне исследовал. Думаю, что сильное исхудание его и чрезмер-

ная слабость являются следствием перенесенного им большого горя.

Выслушав лекаря, царь впал в сомнение и вскоре понял причину недуга Задана. Он решил, что наставник стал царевичу в тягость и тот проявил к нему неприязнь и что по этой причине Задан удалился от него. И царь послал к Задану слугу сказать:

— Я слышал о твоей болезни и обеспокоен. Сегодня же повидая тебя, приготовься к моему приходу.

Как только Задан услышал это, тотчас же встал и, одевшись, отправился к царю. По дороге он встретил идущего к нему венценосца. Царь спросил:

— Почему ты не остался дома до моего прихода, чтобы я мог в полной мере почтить тебя?

Задан ответил:

— О царь! Болезнь моя не от хворости, а от тревоги в сердце. Потому и не хотел, чтобы утруждал ты себя посещением небольшого и чтобы не сочли мне это за непочтение к твоему царскому достоинству.

Царь спросил:

— Чем же ты встревожен?

Задан ответил:

— Великое горе постигло меня, страшное и удручающее обстоятельство приводит меня в трепет.

Сказал царь:

— Пойдем во дворец, чтобы я мог спокойно выслушать тебя.

И как только вошли они в палаты, Задан рассказал царю обо всем, что видел и слышал от подвижника Балавара: как он долго учил царевича и обличал дела мирские, как посвятил его в свои знания и научил ответам, как искусил его в учености, доведя до уровня своего, и как царевич воспринял все это.

42. Тогда преисполнился царь ярости и боли великой. Но снова проявил терпение, ибо надеялся найти средство подчинить сына воле своей. И позвал он самого близкого советника, имя его было — Ракис. Когда царя угнетала печаль или возникал какой-нибудь трудный вопрос, тот утешал его. И теперь царь поведал Ракису свое горе, спросил, как ему поступить.

Ракис дал царю такой совет:

— Прежде всего следует постараться во что бы то ни стало схватить Балавара. И если удастся поймать его, устроим словопрения с ним и покажем царевичу, что он заблуждается, зря хулит блага, данные на радость нам нашими богами, и что совратитель лишает людей удовольствий, без которых этот мир ничего не стоит. И когда это докажем царевичу, он отвернется от соблазнов, и это будет нашей победой. Но если не найдем Балавара, то я приведу к тебе, о царь, одного человека, исповедующего нашу веру, которого никто не знает в этой стране. Его не отличить от Балавара ни обликом, ни цветом лица, ни ростом, ни голосом и ни речью. Он живет в пустыне, и зовут его Накор. Он был учителем моим.

Царь спросил:

— А как это сделать?

Ракис ответил:

— Ночью я незаметно пойду к нему, посвящу его в нашу тайну и научу, что ему делать. Он выйдет на дорогу в одеянии и образе монашеском и на наши расспросы ответит словами противников нашей веры. Когда же мы спросим, как его имя, он назовет себя: «Я — Балавар». И когда мы сядем вместе судить о вере, царевич подумает, что перед ним Балавар, ибо ничто не отличит его от совратителя. Пусть затем Накор начнет хвалить их веру и хулить нашу. Однако, когда спор подойдет к концу, доводы его станут ослабевать и он признается в своих заблуждениях и сочтет себя побежденным. Затем он сам вынудит царевича отказаться от заблуждений, убедит его в том, что возводить жилища и города и наслаждаться мирскими удовольствиями есть благо, а отречение от мира сего — добровольное принятие смерти и гибель человеческого рода от прекращения потомства, ибо если все люди предпочтут оставить мир сей и жить по-монашески, то страна опустошится. Таким путем я надеюсь, о царь, что рассеются все горести твои.

Сказанное Ракисом весьма обрадовало царя, верившего, что его совет поможет осуществить желаемое. И приступили они к поискам Балавара.

43. И послал царь по многим дорогам своих визирей, а сам с советником направился по той, по которой, ему казалось, вероятнее всего настигнуть Балавара. И шли они много дней, но не нашли никого и весьма утомились, и был царь

смущен, и хотел было вернуться обратно. Стал тогда Ракис гадать, закончится ли успешно то, что они задумали, и сказал царю:

— Мои вычисления, царь, показывают, что мы вернемся с победой. Вижу я тех, кого мы должны скоро встретить, уже пойманными. Если твоему царскому величию угодно, остановись здесь, а мне разреши пойти к ним.

Царь послушался и послал его с небольшим отрядом. Спустились сумерки. Ракис увидел толпу идущих по дороге пустынников. Когда приблизился к ним, то узнал, что это — служители бога, отшельники, которые во имя Христа отрешились от мира сего. Впереди них шел один, который нес на себе связанные старой бечевкой кости мертвецов. Балавара, которого знал Ракис, с ними не было.

Ракис спросил их:

— А где же тот, что совратил и погубил царевича?

Человек, нагруженный костями, ответил ему:

— Его нет с нами, да и, пожалуй, не могло быть, он более близок к вам.

Отшельник продолжал:

— Как же, я знаю того, кто совратил царевича: его имя — Ракис. Он — дьявол. Я думаю, что он среди вас.

Ракис возразил:

— Я спрашиваю о Балаваре.

Святой человек ответил:

— Зачем же тогда ты сказал, что он совратил и погубил кого-то? О нем следовало спросить так: где тот, который научил и спас того-то. Это — наш брат и наш ближний, но только мы его давно не видели.

Ракис сказал:

— Тогда скажи, где он? Где его местопребывание?

Святой человек ему ответил:

— Если бы он желал встретиться с вами, то сам отыскал бы вас. Мы же не направим к нему того, кто ему негоден.

Ракис сказал:

— Царь предаст вас за это смертной казни.

Ответил ему человек, возлюбивший Христа:

— Что ты видишь радостного для нас в этом мире, из-за чего нам было бы тяжело принять ради Христа смерть, которой ты пугаешь?

Тогда Ракис погнался вперед того святого вместе с ос-

тальными и привел их к царю. Как только увидел их царь, помрачнел, ибо он думал, что таких людей уже давно нет в его стране.

Потом сказал царь святым людям:

— Если вы взяли на себя эти кости, печальтесь об их владельцах, то сегодня к ним прибавятся и ваши головы и кости.

Святой человек, нагруженный костями, ответил:

— Мы более жалеем и оплакиваем самих себя, чем владельцев этих костей, ибо они пребывают в вечном покое, а мы в мире сем находимся в беспокойстве. Мы взвалили на себя кости мертвецов, чтобы они ежедневно напоминали нам о смерти.

Тогда царь спросил:

— Чем же эти истлевшие кости больше напоминают вам о смерти, чем ваши собственные кости?

На это святой человек ответил:

— Тем, что они, как кости мертвых, говорят больше, чем наши кости — кости живых. А если кости мертвых и живых, как это ты думаешь, равны, то почему ты забыл о смерти, когда и в твоём теле есть кости? Или в чем ты нас обвиняешь? Скажи еще, зачем преследуешь ты святых отцов, оставивших тебе мир сей и ничего не оспаривающих у тебя, и в то же время не преследуешь тех, которые, приобщившись к земным радостям, соперничают с тобой?

Царь сказал:

— Потому, что они, сами пребывая в заблуждениях, многих совращают и удерживают от благ и удовольствий, которые сотворены для людей. Отвергая блага земные, они угрожают стране опустошением. Да послужит мой гнев уроком для них и для народа.

Сказал тот человек:

— Если ты действительно хочешь проучить нас за то, что мы отказались от радостей земных, и хочешь, чтобы все люди жили в неге и роскоши, то почему же не сделал всех людей участниками тех удовольствий, которыми ты наслаждаешься сам, а допускаешь их только к тем, в которых сам не нуждаешься?

Царь ответил:

— Потому, что царь и рабы, военачальники и воины не равны между собой, и каждый должен получать свою меру радостей и почета.

Святой человек возразил:

— Ты опровергаешь свои же слова. Выходит, что ты ищешь довольствия для себя, а не для людей. И если хочешь, я тебе разъясню, почему ты пылаешь в огне зависти и готов причинить зло святым людям, сбросившим с себя светское одеяние. Ты боишься того, что с уходом людей в монахи опустеет страна твоя, а потому хочешь под ярмом рабства держать людей и так сохранить свое царство. Ты хочешь унижить всех, чтобы возвеличить себя; ты держишь их в нищете, лишь бы прибавилось твое богатство. Ты решил им воздавать тебе в мире сем хвалу, как сам того желаешь; ты лишил их воли и сделал прихоти свои посредником между тобой и людьми. Тебе нужны люди, падкие на блага мирские. Так человек обучает соколов или собак, держит их на привязи и заставляет голодать, чтобы затем яростнее натравить на дичь. Как только они поймают дичь, он выхватывает ее у них и снова опутывает их веревками или цепями. И тогда победа ловцов превращается в их раскаяние, а радость — в горе, и вместо ласки и похвалы их ждет унижение и изгнание. Таким образом, ты сделал людей приверженцами мира сего, но не дал им вкусить блага его, ничего не разрешаешь им, кроме того, что в твоих интересах. Видно, что ты стараешься для себя, а не для ближнего, и поэтому хочешь, чтобы мы вернулись к миру сему.

Царь спросил:

— Скажи мне, есть ли кто из ближних твоих, превосходящий тебя?

Святой человек ответил:

— Среди этих нет никого выше меня, но никто из них не ниже меня, ибо все мы одинаковы во Христе. Превосходство бывает только в этом мире между тобой и ближними твоими. Что же касается нас, то никто не превосходит ближнего своего в почете, богатстве и вольности, и никто из нас не бывает ниже ближнего своего в нищете, недостатках и унижении.

Тогда приказал царь отрубить им руки и ноги, выколоть глаза и бросить их на дороге ни живыми, ни мертвыми. А Ракису велел доставить Накора, похожего на Балавара.

44. Вышел Ракис ночью один, нашел Накора и поведал ему о решении царя. Посадил его верхом на коня, и когда они приблизились к царским чертогам, Ракис оставил его,

а сам пошел к царю. Перед этим он научил, что следует делать и как держать себя при встрече на дороге с царем.

Как только рассвело, царь, по обыкновению, вышел вместе со своим советником пройтись по окрестностям города. Во время прогулки они заметили на расстоянии одного ста-дия некоего человека, идущего по дороге. Это был Накор, который, следуя наставлениям Ракиса, обрел новый вид.

Царь осведомился:

— Кто это?

И привели к царю человека с видом пустынного, в монашеском облачении.

Царь спросил:

— Каких дьяволов ты служитель?

Человек ответил:

— Я не слуга дьявола, но если хочешь знать, кто я и откуда, то отвечу.

Царь сказал:

— Мне кажется, что ты Балавар.

А человек ему в ответ:

— Если я тот самый, кого ты назвал, то немалым ты мне обязан.

Царь спросил:

— За какие твои заслуги ты попрекаешь меня, и почему я в долгу перед тобой?

Тот ответил:

— За то, что ты хотел воспитать сына своего для гибели, а я учил его истине, пока не познал он Христа, спасителя и создателя, и не уверовал в то, о чем возвестили нам пророки, апостолы и святые отцы, а также в то, что уготовано богом для ближних своих и для врагов. Сын твой был врагом бога, и я помирил его с ним. Он освоил учение мое и предпочел его всякому безбожию.

Царь выказал перед приближенными радость по поводу поимки мнимого Балавара и сказал ему:

— Я не хочу убивать тебя, пока не потолкую с тобой; если ты обратишься снова в нашу веру, прошу первое заблуждение твое; но если будешь настаивать на своем безрассудстве, то обличу безумие твое перед народом, подвергну посрамлению и предам тебя злой смерти.

И велел царь посадить его на коня, и отправились они в город.

И пошла по стране молва, что царь захватил Балавара, и дошла до царевича. Иодасаф весьма опечалился. Однако был некий знатный муж, который тайно служил госпо-ду Иисусу Христу и знал истину. Имя его было Баракия. Происходил он из царского рода. Ему и раньше приходилось спорить с Накором о вере. Этот человек, проведая о кознях царя и Ракиса, тайно пришел к царевичу ночью и сказал ему:

— Тот, схваченный царем человек, вовсе не Балавар, но так похож на него, что их нельзя отличить друг от друга ни по внешности и цвету лица, ни по голосу и речи. Его зовут Накор. Человек этот безбожник и исповедует веру царя.

Баракия подробно рассказал царевичу о помыслах царя и о том, какое искушение готовят ему на этот раз. Преисполненный великой радости Иодасаф, и отлегла от сердца боль, которую испытывал он, тревожась за Балавара. И укрепился он духом, предвкушая победу над сетями коварства, расставленными перед ним, и строго приказал Баракия ни слова не говорить никому об этом.

45. На другое утро царь пришел к сыну и сказал ему:

— Сын мой! Никто никогда не радовался больше, чем я тебе, и никому не обращалась радость в такую печаль и боль, как мне от тебя, ибо ты заставил меня впасть в отчаяние, подорвал прочность моих устоев, затмил свет очей моих и навлек на меня то, чего я опасался. Я уже перестал дорожить жизнью и не боялся смерти, ибо был уверен, что ты заменишь меня после моей кончины. Но теперь я снова держусь за жизнь и мне тяжело умереть, ибо, повторяю, ты обманула мои надежды, разрушил мои мечты и вверг меня в заботу о себе самом тем, что прислушался к проповедникам лжи и попал в ловушку, которой я боялся и от которой оберегал тебя всеми силами. По своей молодости, по незнанию и неопытности ты вместо того, чтобы унаследовать право на царство, обрел себе гибель. Неужели я не отец, не родитель твой? Ты отвернулся от веры моей и, самодовольный, восстал против воли отца; ты стал сомневаться в вере предков и доверил свою судьбу людям лживым и лукавым, которые тащут тебя за кудри к горю и гибели. Не стыдно ли тебе омрачать мою радость таким поступком?! Ты не пощадил меня, причинил мне жестокую боль и вместе с тем презрел богов и отказался воздать благодарность им за дарованные блага. Ты

унизил отца своего, ибо не воспринял его учения при его жизни, и не заменишь отца после его смерти. Нет ничего удивительного в этом, когда превратности времени дадут торжество дьяволу. Да и то не будет удивительно, если ты вновь подчинишься воле отца твоего.

Иодасаф ответил отцу:

— Царь, ты снял завесу с того, чего я не желал открывать перед тобой, чтобы ты мог насладиться тем, что избрал для себя и полюбил. Хотелось бы мне всем внешним обликом своим казаться тебе таким хорошим, каким мечталось тебе, чтобы в час ухода моего из жизни не оставить сердце твое в гневе на меня. Если бы ты ушел из жизни раньше меня, то ушел бы с надеждой, что я, заменив тебя, не отправил бы душу твою с горем в мир иной. Ничто, кроме твоей безмерной склонности к страстям и неизменности твоих жизненных заповедей, не удерживало меня от желания призвать тебя к служению богу и возвестить о вере Христа. Я не навистна тебе. Потому я решил из почитительности сыновней скрыть от тебя то, чего я неколебимо придерживаюсь, — веру Христа, ибо не хотел причинить тебе боли и страдания до тех пор, пока не наступил час, когда я был бы вынужден открыть истину, которую больше нельзя скрывать, и, отбросив страх и стыд перед тобой, приготовился бы воспротивиться тебе. Мне казалось, что я настолько угождаю тебе, для виду подчиняясь твоим желаниям и слушаясь твоих наставлений о верховой езде, одежде и еде, что ты должен был быть доволен мною. Так воздержись от осуждения моей душевной тайны. Знай, царь, что постижение этой тайны ныне огорчит тебя, а впоследствии оно принесет тебе вящее веселье и вечную радость. Теперь оставь меня в покое, пока я не утратил страха и стыда, и считай, будто я в самом деле исполняю желания твои; чтобы не пришлось мне предать гласности мое сопротивление тебе и во всеуслышание осудить твою веру. И не спрашивай более о сокровенном моем убеждении, которое не будет направлено во вред тебе ни при жизни, ни после смерти.

Выслушав сына, царь начал бранить и поносить его и, угрожая, сказал ему:

— Ты — юноша гордый и самодовольный. Я ограждал тебя от людей и от всего, что могло омрачить славу и лишить тебя неги; я оберегал тебя от ловушек и козней дьяво-

ла; я вырастил тебя в довольстве и насытил глаза и уши твои радостями, скрыв от тебя для твоей же пользы всякую печаль и гнущь. Но тебя сбила с пути твоя дерзость, тебе опостытели веселье и покой, и тянешься ты по своему неразумению к беде и невзгодам. Если бы ты отведал той жизни, которую ищешь, и испытал все бедствия и несчастья, и проникся бы духом уныния, то оценил бы место свое и скорее отказался бы от самой жизни, чем от веселья и покоя. Поэтому правду мне сказали звездочеты о тебе в день твоего рождения, что ты будешь человеком недобрым, несчастным, унылым и изменчивым, не принимающим благ земных. Но я не преминул выбрать для тебя лучшую жизнь, чтобы ты свыкся с ней. Я отстранил от тебя всех искусителей и лукавцев, очистил от них страну мою и заставил людские языки замолкнуть и воздержаться от упоминания слов искушения. Разоблачив зло и ложь коварных соблазнительей, я разрешил изгонять их отовсюду, и воистину, многих с ненавистью уничтожили мои люди. Тогда ополчился на нас дьявол, но, не найдя среди нас, кого легче было бы одолеть, подобрался к тебе и осуществил свой замысел через тебя. Он внушил тебе недобрую мысль и укрепил в ней. Я же, охраняя и оберегая тебя, еще больше приблизил то, чего опасался. Если бы я предоставил тебе соблазны и ты вместе со сладостью испробовал бы горечь, то тогда не был бы не искушен ни в горечи невзгод и ни в сладости удовольствий. А теперь ты потому не искушен в сладостях этой жизни, что не пришлось изведать горечь того, что ищешь.

Обратился к отцу Иодасаф и сказал:

— Не знаю я, о царь, почему ты огорчен: потому ли, что благо я обрел, или потому, что оказал противодействие воле твоей. Если гневаешься за то, что обрел я благо, то мне следует бежать и освободиться от власти твоей. Если же обвиняешь меня в противодействии твоей воле, то, видно, хочешь моей гибели (что согласно с волей твоей) и не хочешь спасения, ибо оно противостоит твоему желанию. В этом проявляется твое безразличие ко мне, а раз это так, то и мне надлежит усомниться в тебе, ибо, о царь, ты не больше горюешь обо мне по поводу тех благ, которые я скорбью обрел, чем я горюю из-за того, что ты лишаешься вечных благ. И я больше имею права болеть и печалиться о тебе, чем ты обо мне. И при чем тут молодость моя, на которую ты указал. О, если б молодость несла ответ за меня в мой судный день!

А что касается тех гневных речей, которые ты излил на меня, то благо, если б я был свободен от всех мерзостей, кроме тех, за которые ты меня бранишь и поносишь! И как бы я был счастлив, если б ты привел в исполнение угрозы свои! Клянусь всевышним, это сделало бы меня одним из тех святых мучеников, которые обрели вечную жизнь тем, что приняли от тебя зло.

Однако какая мне польза, что ты считаешь меня молодым, в то время как я достиг того возраста, когда уже не имею права ссылаться на свою юность? Или какое это горе, что ты мне высказываешь хулу и порицание, которые в моих глазах — самая большая похвала. Или как ты грозишь мне муками, когда я взял на себя муки мира сего, и в этом корень твоего горя?! Что же касается твоего благодеяния, то знай, царь, что именно блага твои преходящие возбудили во мне стремление к непреходящим благам царя небесного. Но если ты заставляешь меня ради тленных благ твоих отвергнуть несказанные радости вечные, то знай, что тленное и нетленное не одинаковы. А свои блага ты или сам отнимешь при первой вспышке гнева, или у тебя и у меня их отнимет течение времени. О радости же вечной господь наш Иисус Христос говорит так: «И радости вашей никто не отнимет у вас». Итак, деяния и образ жизни, которые ты избрал для меня, были бы желанными и прекрасными, если бы они не были преходящими. Если ты уверен в том, что они постоянны, то это очень хорошо, но если ты в этом не уверен, то как же не прощаешь мне отрешение от них и стремление обрести наилучшую жизнь? И как ты можешь удивляться, царь, моему влечению к тем непреходящим благам и в то же время не удивляться своему упоению преходящими утехами мира сего?

А то, что ты, как сам сказал, удалил от меня искусителей, лжецов и чародеев и заставил замолкнуть языки людские, то не это ли считаешь наибольшим благом, оказанным мне тобой? Если бы ты назвал искусителями и лжецами только тех, кого следует, то не отдалил бы от меня священнослужителей Христа, блаженных отцов и наставников и не бросил бы меня, словно в пустынном и безводном месте, среди змей и скорпионов, зверей и дьяволов, без настоятеля и духовного пастыря. Боясь за меня, ты восстал против истинного бога спасителя и истребил его святых праведников и избранных наставников, отрекшихся от сего мира. И оста-

вил ты меня среди подлинных искусителей, соблазнитель и обманщиков. Однако всемогущий бог и отец спасителя моего Иисуса Христа через своего святого духа вразумил меня познать триединое существо его. Ты говоришь об обреченности и злополучии, о переменчивости моей и о том, что я не уверовал в блага сего мира, наскулившего мне. Как не быть мне обреченным, когда обреченность выводит меня из мира сего, а без выхода из него нет мира, утешения и покоя? Злополучие же мое здесь — залог благополучия моего в вечной непреходящей жизни. И как может не опостылеть мне этот мир, когда он опостылел всем любящим его? Или как мне не быть изменчивым к миру и как не отворотиться от него, когда он сам изменчив и по-разному относится к людям и даже на тебя готов навлечь множество коварств? Или как мне довольствоваться его благами, если они не что иное, как зло? Сегодня он одаряет, а завтра отнимает и снова наносит вред. Теперь, царь, подумай как следует о себе. Велико благо всевышнего и великодушие его, посмотри, как бы не пришлось тебе сожалеть. Ты противишься и противостояешь его законам и не хочешь его благодеяний, когда он жаждет обращения всех к истинному покаянию. Потому-то он прощает гордость твою, не дает тебе предаться беспечности и злу и не воздаст тебе кару за то, что ты уничтожил его святых слушателей.

Тогда царь понял, что гнев его может еще больше распалить сына. И побоялся, а вдруг царевич не перенесет его грубости. Он вскочил с места и поспешил в свой чертог, отягченный думами и объятый скорбью, с помраченным разумом.

46. На следующий день царь снова пришел к своему сыну, крепко сжал его в своих объятиях и сказал:

— Нет, дитя мое, кровь от крови и плоть от плоти моей! Не следует тебе все сопоставлять, сомневаться и говорить, будто ты по своей воле оставляешь лучшее, отдаешь предпочтение соблазнам и охотно обретаешь погибель. Положись на испытанную тобой твердость и непоколебимость разума моего. Если ты будешь утверждать, что правила истинной жизни обременительны для меня и потому я увлекся страстями и похотями, то ведь тебе самому, да и всем другим, хорошо известно, как я терпелив и справедлив в законах моей веры. Много раз я опустошал свою казну, чтобы строить храмы и капища для идолов и их жрецов. Много раз отда-

вал им свое имущество и всегда почитал человека из простого рода, когда замечал, что он следует по доброму пути к вере моей. Я подымался с трона моего и шел навстречу, как раб, приветствуя его с пожеланием мира, и стоял перед ним, как стоит раб перед своим властелином. Если я, как это тебе кажется, намеревался искать радостей и наслаждений только для себя, то почему тогда я истребил людей, оставивших мне сей мир и не имевших ни к чему притязаний и не оспаривавших у меня чего-либо? Убийства и истязания не бывают вне ярости и ожесточенности сердца. Именно в пору разгоряченности ввергается сердце в смятение, душа — в страдания и разум — в печаль. И кому из самых жалких людей, впавших в заблуждение, уподобляешь ты своего отца, которого будто бы увлечение страстями и похотями довело до того, что он возвел эти страсти до высоты вероисповедания, растратил свое имущество на тех, кто следовал за ним, и отточил меч против тех, кто оказывал ему сопротивление. Ты знаешь и то, как справедливо мое правосудие, как опекаю я вдов и утешаю сирот, одаряю бедняков и калек и сам несу на себе бремя их немощи, как я распределяю сокровища и драгоценности среди них. Ты знаешь, что каждый раз, встречая нищих и страждущих, сирот и вдов, я не могу пройти мимо них, не исполнив все их желания. И как же ты, сын мой, можешь хулить мою веру и сомневаться во мне? Как ты можешь говорить, что я сбился с пути праведного и избрал для себя недобрый путь? Как ты можешь сомневаться в решениях моих, в правильности испытанных, достойных познания порядков, в моем умении вскрывать тайное и избличать подозрительное. А в то же время ты не подвергаешь сомнению помыслы свои, и преходящее увлечение настолько поработило твой рассудок, что ты даже не посоветовался по этому поводу ни с мудрым наставником, ни с ученым учителем, ни с каким-нибудь преданным, болеющим душой за тебя, умным и опытным человеком. И откуда взялась уверенность в том, что дьявол не воспользовался твоим безрассудством и слабостью. Он возвысил тебя, будто довел до познания бога, но на самом деле наущениями Балавара еще сильнее опутал тебя сетями соблазна. Иначе как назвать ту стезю, на которую, воспользовавшись твоим незнанием, втащил тебя сатана. Как это ты, не справившись ни у правосудия, ни у надежного свидетеля и не познав познание, рассудил, что все, изрекаемое тобой, — истина, а все, что исходит от

меня — ложь. Ты, сын мой, поступил так, как некий из верующих, разум которого был засорен лжеучением, а новшество сбило его с пути и, когда он снова узрел истину, то ложь, укоренившаяся в нем, оказалась сильнее истинной правды. Отныне и ты берегись этого, сын мой, ибо я знаю, что у тебя есть стремление к лучшему, а это — величайшее благо, дарованное богами тебе, а тем самым и нам, тем корням, что дали побеги.

И царь начал рассказывать ему о своей родословной, вспоминать предков, называя их по имени, прославляя их дела.

Выслушав царя, Иодасаф понял, что дьявол расставил перед ним новую западню, и что ему, вне всякого сомнения, предстоит борьба.

Он сказал отцу:

— Царь, нет для меня ничего более желанного, как собрать лучших моих единомышленников, чтобы убедить тебя в истинной вере. Но если у меня не хватит сил для этого, то я обращусь к наилучшему из них, даже если он тебе и не понравится. Я полагаю, что ты мыслишь здраво, хотя на деле и поддаешься соблазну и впадаешь в заблуждения, а болезнь разума твоего еще более обострилась. Как мысли, так и дела твои поражены недугом. Отныне на мне, о царь, лежит обязанность, несмотря ни на что, встретиться с тем, кто привлек тебя к себе своей мудростью. Я должен найти лекарство для его исцеления, ибо на мне лежит забота о нем. Я не хотел бы, царь, чтобы проявленная мною грубость затмила мое почтение к тебе. Знай, что льстец не может быть предан тебе. Ныне ты обуздай свой гнев, и увидишь, что для тебя лучше! Знай, что скоро тебе умирать и ты оставишь все свое мирское величие другим, как это сделали все ушедшие из мира сего. Затем ты снова воскреснешь и будешь судим, и воздастся тебе за слова и дела твои. Никого не осталось в сем мире, кто бы проповедовал добро, учил истине и претворял в жизнь свое учение, кроме тех, кто стали служителями Христа. Они — пустыnnики, исповедующие веру святой троицы, знают о воздаянии каждому радостями и страданиями. Теперь приведи кого хочешь из твоих законников, знатоков твоей веры, и мы поспорим с ним словом правдивым, пока окончательно не выясним, что истина и что — ложь.

Царь внимательно выслушал сына и, удивленный, молчал. Он долго думал о том, сможет ли пойти наперекор сво-

ей воле. А внутренний голос его спорил и напоминал ему об удовольствиях и утехах мирских, к которым он привык, под- сказывал, что и одного дня он не сумеет прожить без привыч- ного. И в то же время казалось унизительным обвинять дру- гих в заблуждениях и одержать над ними победу. Но он по- терял всякую надежду отрешиться от своих убеждений и не мог придумать ничего для себя лучшего, как продолжить служение идолам и восхваление их.

И сказал он своему сыну:
— Сын мой, речь твоя прельстила меня, и я согласен с тобой. Я не склонен откладывать выяснение правильности твоих слов и их спокойное исследование. Если они окажутся правдивыми, то истина станет еще более ясной, а если лож- ными, то скорее выявятся твои заблуждения. Теперь мне хо- чется устроить сход и провести словопрения путем правды, а не насилия. Прикажу глашатаю оповестить всех о том, что я разрешаю христианам — твоим единоверцам — прийти с миром на сход, где открыто перед всем народом свершится справедливый суд над верой. И пусть никто не подумает, будто мы проявили какое-либо насилие, и тогда ни у кого не будет основания сказать: «О, если б я был на том собрании, то произнес бы такую речь, которая принесла бы нам победу и народ, поверив мне, вынес бы свой правильный приговор».

47. Понравилось это предложение Иодасафу, и назначи- ли они день.

В тот день состоялся большой сход. Сошлось много на- роду. Пришли идолопоклонники поспорить с Накором — мни- мым Балаваром, подговоренным Ракисом. А из христиан на этом сходе никого не было, кроме одного, который тайно придерживался веры Иисуса Христа. Имя его — Баракия. Это тот самый человек, который предупредил царевича о подстрекательстве против него, о Накоре, доставленном из пустыни вместо Балавара. И сам же он готов был помочь Балавару, если б тот предстал на этом суде.

Воссел царь на трон, а Иодасаф, не пожелав занять сво- его места, сел на землю.

Обратился царь с речью к жрецам:

— Вот мы — верховные служители той веры, которую мы от вас приняли и которой мы следуем. Потрудитесь ныне до- казать ее правоту, и, если победа достанется вам, благое вы получите от меня воздаяние, соответствующее вашему до-

стоинству и вашей непогрешимости. Но если в ваших словах обнаружится ложь и неправда, то никто не будет призна- более дерзким и греховным передо мною и перед всем наро- дом, чем вы, и никого не постигнет более жестокая кара, чем вас, близко стоящих к идолам. Я даю клятву богам, что если сегодня вы будете уличены во лжи и противники возьмут верх, то я вдребезги разобью корону свою и опрокину трон мой, остригу волосы и присоединюсь к монахам, а до этого сожгу на кострах идолов и истреблю вас — их служителей. разорю ваши дома и полоню детей ваших. И будут висеть на столбах ваши трупы. Но если все кончится вашей победой то минуют вас эти кары.

Обратился к царю Иодасаф:

— Воистину, справедливо рассудил ты, о царь, и никому, кроме тебя, не дано претворить правдивое слово в дело. И я решил взять с тебя пример.

Затем он обратился к Накору, которого выдавали за Ба- лавара:

— Ты знаешь, Балавар, в каком довольстве и в каком ве- селье ты нашел меня и как призвал принять веру твою, убе- див, что сам ты непоколебим в ней. И я пренебрег позором, преодолел страх перед царем, принял на себя тяготы жизни и, утраченный бесконечными муками грешников, внял при- зыву твоему о царствии небесном, которое, как ты мне изо- бразил, является вечным и непреходящим. Ты слышал, что сегодня свершается суд и я предстаю перед ним, приняв на себя всю ответственность за веру нашу. И вот, здесь собра- лось множество наших противников, и нет никого, кто бы мне сочувствовал. Горе, если ты, оторвав меня от мирских удо- вольствий, которые даны людям для полного покоя, свергнул в соблазн. Если ты своим обольщением обрек меня на поги- бель, а теперь будешь признан судом побежденным или до- воды твои окажутся несостоятельными, то тогда я вмиг взы- щу все с твоего сердца и языка, вырву их собственными ру- ками и брошу собакам, которые более терпеливы к обману и поруганию, чем сыны царские. И я даю обет перед богом и ангелами его, и воистину ты не ускользнешь из рук моих.

Услышав эти слова, Накор понял, что попал в ту яму, которую сам вырыл, и увидел нависшую над ним угрозу зла и гибели, и почувствовал, что как бы с двух сторон прибли- жается смерть. Понял, что если вера Балавара, которую он должен принять всем сердцем и разумом, чтобы успокоить

царевича, не поможет, то ему не избежать кары. А царь, подумав, простит его, как причастного к заговору. И, открыв уста свои, Накор стал хулить и поносить идолов и их служителей, а затем славословить веру христианскую, да так, что и сам Балавар не сравнился бы с ним в красноречии и в выборе столь острых слов и обстоятельных возражений. И никто из приносящих жертвы идолам не в состоянии был опровергнуть хоть одно его слово.

А благочестивый Иодасаф радовался в душе. Сияло его лицо, благодарил и восславлял он бога, который устами своих противников укрепил веру свою святую.

Долго продолжался спор Накора со жрецами. Его преуспеяние вызвало гнев у царя, но он не захотел тут же расчитаться с ним, чтобы не показать собравшемуся народу, что царь отклоняется от правды. И подумал царь: «Это зло я сам навлек на себя». И он, распалившись, вступил в спор с Накором. Строгие возражения царя нагнали такого страха на Накора, что тот, испугавшись своего превосходства в споре, стал с некоторой заминкой отвечать царю на его возражения. Это ободрило жрецов. Опасаясь царя, Накор еще более стал поддаваться. А царевич и весь народ с напряжением следили за ходом спора.

Уже наступали сумерки, а еще ни одна сторона не добилась победы. Сын же царя, боясь за судьбу Накора, великодушно простил ему ослабление в сопротивлении царю.

И сказал Иодасаф отцу своему:

— О царь! Ты справедливо начал сегодня это дело. Пусть и конец его будет таким же. Ныне сделай одно из двух: или отпусти со мной моего учителя веры, чтобы мы могли вместе поупражняться в речах и он, набравшись бесстрашия, не лишился бы дара слова истинного, а ты возьми своих учителей и поступай, как тебе угодно, или отдай мне наставников твоих и возьми с собой моего. Но если ты возьмешь с собой и своих и моего, то твои наставники будут пребывать в спокойствии, а мой — в страхе и смятении. Это было бы проявлением с твоей стороны насилия и несправедливости.

Однако царь не пожелал отпустить с царевичем жрецов своих, опасаясь, как бы сын не совратил их своими умными речами. Царь надеялся, что Накор выполнит все, о чем договорились тайно, и отпустил его к сыну.

Ушел царевич в свой дворец и увел с собой Накора. А народ думал, что это и есть Балавар.

Ночью, оставшись наедине с Накором, Иодасаф, сын царя, сказал ему:

— Я знаю, что ты Накор, а не Балавар, но я не выдаю тебя! Радуйся, Накор, ибо сегодня ты совершил много добра и своими возражениями весьма помог святой вере бога. Я же взял тебя с собой для того, чтобы уберечь от зла, которое может причинить тебе царь — отец мой. Теперь мы больше не примем против твоей воли помощи из уст твоих. Положись на рассудок свой и прислушайся к евангелию, и искренне обратись к исповеданию веры Христа, и дождайся его воздаяний и мук, ибо скоро тебе предстоит уйти, как ушли люди до тебя, и не отдавай предпочтения преходящим наслаждениям перед благами непреходящими, дарованными Христом.

Накор ответил:

— Я принимаю, царевич, то, к чему зовешь меня. Я верую в бога и признаю, что от него все исходит и он всем воздает вечное по делам. Я повергнусь ниц перед богом в молитвах за грехи мои, ибо он всемилостив. Я знаю, что ты от всего сердца зовешь меня следовать истине и воле всевышнего. Я и до сих пор знал истину, однако следовал воле своей, и тяжело было мне расстаться с верой отцов и их обычаями. Ты же, о сын царя, радуйся тому, что имеешь от бога почет и добрые воздаяния за то, что следуешь его воле. И я советую тебе почитать отца своего и благоразумно наладить свои отношения с ним, пока бог не укажет тебе дорогу. Тебе известны, царевич, смысл и цель нашего сговора. Знаешь также, как трудно будет мне встретиться с царем, смотреть ему в лицо. Что я скажу ему, ибо совсем не ту надежду возлагал он на меня. Умоляю тебя, царевич, отпусти меня, и я пойду в пустыню к рабам Христа и, немного погодя, вновь вернусь к тебе, если это будет угодно господу.

Разрешил царевич уйти Накору, и простился пустынный с ним, пожелав ему мира, помолился за него и удалился, сожалея о своем заблуждении, преисполненный ныне веры христовой. И жил он среди пустынных, таких же, как сам, по подобию святых монахов. Кто слышал об этом, воздавал Христу славу.

Весть об исчезновении Накора дошло до царя, и он впал в отчаяние, ибо потерял надежду обратить сына своего к ста-

рой вере. Прервав на время словопрения с царевичем, он стал тоносить идолов, явно изменил свое отношение к ним и лишил их жрецов почета. Однако он не решился стать на путь служения богу. А Иодасаф в отношениях с царем проявлял добрую дружбу, как то посоветовал ему Накор, и никогда не упрекал отца за его деяния.

48. Прошло еще несколько дней, и наступил большой праздник идолов. Царь весьма почитал этот праздник. Ныне же жрецы, видя, как царь презирает идолов и их служителей, побоялись, а вдруг он не придет на праздник, не принежет жертвы идолам и совсем отвергнет их. Обратились жрецы за помощью к одному мужу, уединившемуся в пустынях в горах и отрешившемуся от плотской и мирской жизни. Звали его Тедма. Он был идолопоклонником, и царь, а с ним и весь народ, возлагали большую надежду на него, считая даже, что его молитвами даруются земле и дождь и солнце.

И привели Тедма к царю, чтобы тот укрепил в нем веру в идолов, вытравил из его сердца сомнения. Увидев входящего пустынного, одетого в лохмотья, едва прикрывающие чресла, и опирающегося на клюку, царь поспешно встал с трона и, упав перед ним на колени, начал лобызать ему ноги. Затем царь поднялся и стал перед ним, как стоят рабы перед своим господином, пока Тедма не предложил ему сесть. Царь сел.

И когда царь сел, обратился к нему Тедма с такими словами:

— Живи, царь, во идолах! Слышал о твоём большом подвиге в сражении с дьяволами и весьма обрадовался, когда узнал, что тебе досталась победа.

Царь ответил:

— Никакой победы не досталось нам, Тедма. Никогда и нигде мы так не нуждались в доблестных воинах, как сегодня. Скажи, чем ты можешь нам помочь?

Тедма ответил:

— О царь! Прежде всего справь великий праздник и воздай им положенное — принеси жертвы богам, дарующим нам победы, помогающим одолевать врага. Только после этого снова во всеоружии встретимся с противником, терпеливо потрудимся над достижением успеха.

Возразил ему царь:

— Дело наше, Тедма, подобно делу некоего военачаль-

ника, имевшего прекрасную жену. Был он весьма ревнив и боялся, как бы жена не совершила блудливый поступок.

И он сказал ей:

— Я знаю о легкомыслии и слабости женской натуры. У меня есть враг, который преследует и хочет соблазнить тебя. Остерегайся его и будь терпелива, и при этом условимся, когда почувствуешь возбуждение плоти, распусти свои волосы, и я, увидев этот условный знак, дам врагу бой, удовлетворю возникшее в твоём сердце вожелание, и ты спасешься от соблазна.

Так и поступала та женщина. И долго прожили они без соблазнов.

Но однажды враг осадил город. Раздался боевой клич, и вышли все бойцы навстречу неприятелю. Встал также и муж прекрасной жены, надел свои доспехи. Как только жена увидела его снарядившимся, вспылала к нему страстью, ибо он был неотразимо красив. Жена подала ему условленный знак, и он вернулся и оставался с нею, пока не утолил ее страсть. Лишь после этого вышел он навстречу неприятелю, но войска уже возвращались с боя. И начали воины упрекать его:

— Струсил ты и сидел дома, пока не узнал, что мы обратили врага в бегство.

Ответил им муж:

— Как я мог вступить в бой с внешним врагом, когда собственный враг, самый близкий и опасный для меня, сражался со мною дома? И не подобало мне бросить его и вступить в бой с другими. И теперь, победив его, я снова с вами.

Так и мы с тобой, Тедма! Сегодня дело наше так обернулось, что в первую очередь нам следовало бы сразиться с близкими врагами. Если удастся доказать, что идола являются богами, мы принесем им жертвы, а если этого не докажем, то какая нам польза от несуществующих божеств?

Тедма ответил:

— Нет более полезных доспехов и острее меча в борьбе с врагом, чем соблюдение праздников; и нет иной силы, способной приблизить тебя к победе, чем жертвоприношение идолам. Только они помогут тебе в борьбе, только они способны сокрушить твоих врагов.

Царь сказал:

— А мне кажется, что истиной является то, чему мы противостоим, и боюсь, что зря я ее запрещаю. Если ты жела-

ешь, ити и справляй этот праздник. Я же останусь при своих сомнениях, пока не явится мне правда, та сила, которая укрепит меня своими доводами и доказательствами. И если ты рассеешь сомнения в сердце моем, я присоединюсь к тебе в чествовании идолов.

Разгневался Тедма и, бросив клюку, изодрал лохмотья, которыми были прикрыты его чресла, а затем сел на пальцы и, стоя голый перед царем, сказал ему:

— Если ты, о царь, разлюбил царство свое и превращаешься в раба, и от роскоши переходишь к нищенству, от удовольствий — к скорби, и не тешишь больше свою плоть, довольную и пресыщенную, оставляешь все радости и берешь на себя невзгоды, которым ты не сродни и которых не стерпишь, то я более стоек. Я легко брошу свою клюку и лохмотья, но не поддаюсь обману и не усташусь пути подвижничества, так как нет жизни тяжелее и стесненнее моей, которую я терпеливо переношу. Нисколько не нуждается мир сей во мне, и ничего я не имею от него, кроме земли, по которой ползаю, и травы, которой питаюсь. Теперь же, мой властелин, я готов пойти странствовать с тобой, ибо сердце подсказывает тебе добрый замысел.

Выслушав Тедму, царь впал в отчаяние, ибо в словах отшельника проявилась слабость его веры. И все больше подтачивал сердце царя червь сомнения. Решив исповедовать единого бога, он предался думам и размышлениям. И снова восстал в нем дух любви к миру сему и заставил вспомнить минуты и дни веселья и удовольствия, отвергнутые христианской верой. Еще более поддался царь старым привычкам, которые в нем всегда преобладали, и приказал приготовить, как обычно, к празднику идолов.

49. Когда празднества кончились, царь спросил Тедму:

— Какими средствами можно обратить сына моего в нашу веру?

Тедма ответил:

— Прибегни к силе дьявола через женщин, ибо они способны поразить разум человека острее обоюдоострого меча. Слышал я, что одному царю, у которого родился сын, лекари сказали:

— Если этот ребенок раньше десяти лет увидит солнце, то он ослепнет, ибо у него зрачки, как мы замечаем, еще слабые.

Приказал тот царь выдолбить пещеру и вырастить в ней младенца, приставив к нему кормилицу.

Когда царевичу минуло десять лет, царь приказал вывести его из пещеры. Он велел также поставить перед царевичем, не видевшим со дня рождения ни одной твари, по одному одушевленному и неодушевленному предмету, чтобы, когда отрок спросит, что это такое, слуги тут же объяснили. Впервые он должен был увидеть и наряженных по велению царя женщин. Так и было сделано.

Отрок подробно осведомился о каждой твари. Спросил он и о женщинах. Ему ответили:

— Это — чертовки, которые волнуют мужчин на их же погибель.

Полюбились отроку эти чертовки. Вечером отец спросил:

— Что более всего понравилось тебе, сынок?

Тот ответил:

— Красивее этих чертовок я ничего не видел, и нет ничего более желанного, чем они.

И тебе, о царь, в твоём горе никто так не поможет, как наряженные женщины. Сведи с ними сына своего в любое время дня и ночи, а дьявол через них сделает свое, — закончил Тедма.

Царь приказал удалить всех мужчин из хором царевича и заменить их самыми красивыми и совершенными во всех отношениях девушками, отобранными среди всех женщин его царства. И заполнились чертоги царевича веселым и звонким девичьим гомоном. Эта западня доставила царевичу большие страдания, и никогда так не смущался его разум, как теперь.

Велено было девушкам плясать и приводить в волнение царевича и днем и ночью. Они наряжались и были обольстительными, готовыми разбудить в нем желания. Они усердно выполняли приказ царя. То появлялись перед Иодасафом в мужском образе, то надевали доспехи и прохаживались перед ним, то принимали облик охотников, то преобразались в музыкантов, играющих на арфах, свирелях, цимбалах, и разнообразными мелодиями и песнями досаждали ему. Иной раз врывались к нему в чертог обнаженные и улещали его, уговаривали пойти с ними на охоту или прогуляться в садах наслаждений. Когда царевич выезжал из дворца, они толпой сопровождали его — скакали вокруг на конях, пели, играли,

в исступлении ластились к нему. Девушки всячески склоняли его к отступничеству и успешнее мужчины разрушали веру.

Среди девушек была одна — плененная царица, которую когда-то привезли царю Абенесу. Она была красивее и умнее всех остальных. Царевич полюбил ее за совершенную красоту, мудрость и красноречие. Он часто беседовал с ней о вере, говорил о превратностях мира сего, напоминал ей о боге, обличал поклонников и служителей идолов. Дошла до царя весть, что царевич любит эту девушку, и сильно обрадовался Абенес, надеясь, что она обольстит его сына.

Однажды девушка сказала Иодасафу:

— Если ты, царевич, желаешь, чтобы я приняла то, к чему ты меня призываешь, то дай мне хоть один год насладиться тобой. Я обещаю тебе перед богом твоим, что признаю веру твою, и до смерти мы оба будем верными рабами всевышнего.

Иодасаф ответил ей:

— А если я умру раньше этого срока, что тогда мне будет утешением?

Женщина ответила:

— Если тебя постигнет смерть, ты будешь вознагражден моим обращением в истинную веру и не будешь повинен в исполнении воли моей, ибо сам говоришь, что — брак есть свят.

Иодасаф ответил:

— Да, это так, но тогда я не буду иметь благодати того терпения, которым святые заглушили в себе огонь плотский. Кроме того, я боюсь, чтобы вождение не заслонило мне всего остального, чтобы страсть не овладела мной и не ввергла в ад, чтобы не оказался я врагом бога и другом дьявола.

Возразила женщина:

— Соединись со мной хоть на один месяц или на одну ночь, и я исполню все приказания твои и последую воле твоей. Разве столь малое желание мое сравнится с той наградой, которую ты обретешь за спасение заблудшей души, примирение ее с богом и достижение ею вечной жизни?

И Иодасаф склонился к тому, чтобы исполнить желание женщины, ибо природа и его принудила поступить так же. И взял он с нее обет, что признает она бога. Разум царевича находился во власти вождения, а рассудок был смущен и взволнован. Однако Иисус Христос помог ему в беде и не пожелал погубить его. Как говорит псалмопевец Давид: «Если

бы не господь бог мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания».

В мучительных размышлениях царевич пребывал всю ночь и, воздавая молитвы богу, умолял его помочь и открыть двери к лучшему, и наконец заснул.

Благословен бог, который исполняет желания боящихся его! Узрел Иодасаф во сне видение, будто он пристал к царствию небесному и нашел там многообразные блага — золоченные храмы и ослепительную роскошь, какую нельзя найти в этом мире. В стороне заметил он женщин, возбуждавших его, которыми было ранено его сердце. И в сравнении с красотами царствия небесного казались они уродливыми; их лица были отвратительнее собачьих морд и свиных рыл. И услышал царевич голос, взывавший: «Это есть место успокоения святых и терпящих, они навеки возрадуются в нем». Затем повели его в ад, и увидел он, как страшно страдал каждый, пребывавший в нем. Никто не в силах постичь эти муки, кроме сотворившего их. И вновь услышал он голос: «Это есть воздаяние безбожникам и грешникам, которые оставили Христа бога и возлюбили мир. Здесь предстоит им мучиться во веки веков».

Проснувшись и открыв глаза, царевич увидел, что девушки, окружив его, плакали и стонали, думая, что продолжительный сон перешел в небытие. Иодасаф встал и пристально всмотрелся в их лица. И был он уже наяву удивлен тому, какими ничтожными и уродливыми казались они по сравнению с тем, что он видел во сне.

Пришел царь проведать сына своего. Слышал он все, что с ним приключилось, и спросил, что он видел и о чем думает сейчас? Сын рассказал о приснившемся царствию — о красотах и незримых удовольствиях; рассказал также о том, что увидел в аду — о нестерпимых и страшных страданиях, и сказал царю:

— О отец мой! В страхе от виденного мною во сне я жажду уйти в пустыню, чтобы приобщиться к монашеской жизни и там, вместе с пустынножителями, служить животворящему богу.

50. Выслушав ответ сына, царь весьма опечалился, преисполнился скорби и, не сумев больше терпеть и скрывать горе, возопил о том перед всем народом:

— Еще никогда не обрушивалось на меня и на вас более страшное зло, чем то, которое сегодня постигло нас. Если бы кто-либо из великих царей или могущественных врагов наших отважился бы отнять у меня сына, то мы не допустили бы этого и самоотверженно, не щадя жизни, защитили бы его всеми силами, ибо обязан я вместе с вами сложить голову за царевича. Но вы знаете о злодействе моих врагов, лову за царевича. Но вы знаете о злодействе моих врагов, о возмездии моем противникам нашей веры, когда убивал или сжигал я их в огне. Теперь я тревожусь, как бы сын мой не обрек себя на одичание и по незнанию и неразумению не начал странствовать с пустынноиками, и как бы кто-нибудь из тех, кто таит месть против меня, не убил его. Если я отомщу за его кровь, то буду осужден всеми за несправедливость. Ведь я тоже не щадил пустынноиков-христиан, и как же мне разрешить сыну идти к ним? Если я пойду на это и откажусь от мести, то за мной, и за вами навеки утвердятся плохая слава слабовольных. Мы станем посмешищем для наших врагов. Но если нашелся бы человек, который мог бы помочь мне в моем горе и научил бы меня, как быть с этим юношей, то стал бы он ближайшим помощником моим в беде. Я воздал бы ему больше славы и почета, чем воздают мне. И не следует пренебрегать помощью в беде, и надо не щадить сил, чтобы найти выход из горя, а не ждать, пока явится к нам истина или то откровение, которое укажет нам, что сделать...

Обратились к царю сановники, именитые вельможи и сказали:

— Ты прав, властелин! Не следует нам пренебрегать этим, ибо нет радости у нас превыше твоей радости, а также горя превыше твоего горя. Мы все считаем, что невозможно совместить два верования, два закона веры и два правосудия в одном государстве. Это не может иметь успеха. Для общего блага требуется только одно — исцеление царевича, врачевание веры и царствия твоего.

Так продолжали они обсуждать вопрос. И все — царь и его эриставы — в один голос решили отдать во владение царевичу половину царства. На это царь решил потому, что этим расставлял новую сеть соблазна. Он рассчитывал, что царствование и мирские заботы отвлекут царевича от заблуждений.

Понял Иодасаф их замысел, но все же обрадовался и приободрился, ибо надеялся, что в одной половине царства он

сможет утвердить ту веру, которую убил его отец, и вести открытую проповедь в пользу учения Иисуса Христа, заботиться о сплочении всех верующих и твердо придерживаться всех христианских правил.

Царь сказал Иодасафу:

— Не в том было мое упование на тебя, о сын мой! Я представлял тебя светочем жизни и заменой после моей смерти. Однако ты разрушил мои мечты и отнял у меня надежду; ты явно выказал сопротивление и сделал сладости мои горькими, и оборвал те нити, которые соединяли тебя с нутром отца. Я больше не в состоянии противостоять тебе, ибо узы отцовства связывают меня с тобой и сковывают волю к сопротивлению сыну. Ты же, забыв сыновний долг, не прощаешь мне, не исходишь тоской в предчувствии разлуки со мной, как я с тобой. Живи и здравствуй, сын мой, где бы ты ни был. Сам знаешь, что я добровольно навлек на себя этот позор — дал тебе во всем волю. Я обольщаюсь надеждой, что, исполняя волю твою, усиливаю привязанность сына ко мне, ибо в глубине души отцов сильна любовь к детям, и они покоряются воле своих сыновей, даже если сыновья противостоят их воле.

Так бывает с человеком, который весь подчинился слабовольно своему и, хотя знает, что это достойно упрека и во вред его интересам, все же скрывает от людей свое сожаление, прощает себе, забывает зло, причиненное себе, и довольствуется даже малейшим благом. А я, сын мой, хотя и царь, но вместе с тем — человек, и сердце мое пренеполнено нежности к тебе, как у всех людей к своим чадам. Я не могу противодействовать тебе, так же как и собственной воле. Но ты обрушил на меня и на себя большое зло. А я хочу повести дело к лучшему, чтобы осуществилось желание твое, и найти наше общее исцеление в тишине и спокойствии. Я ставлю ныне тебя во главе половины царства. Управляй им сам, как тебе будет угодно, только чтобы враги не издевались и завистливые люди не радовались нашему расставанию, чтобы я не лишился по твоей вине потомства и чтобы разлука с тобой не принесла мне смерти раньше, чем сама смерть постигла бы меня. Но если расцветет царство твое и ты хорошо будешь править им, душа моя не разлучится с тобой. И да сопутствуют, сын мой, твоим делам и жизни благополучие, здравие и успех.

51. Обратился к царю юноша и сказал:
— О царь! Я понял твои слова. Да укрепит бог тебя духом мира и спокойствия и приведет царство твое к лучшей жизни. Однако то всевластие, которым ты наделяешь меня, я не могу взять на себя, так как не имею опыта в этом деле. Никогда преходящая слава не влекла мое сердце. Умоляю тебя, царь, отпусти меня. Я жажду уйти в пустыню, чтобы пристать к братьям моим, пребывающим там. Не препятствуй мне и не сокрушайся. Кто знает, может быть, все будет увенчано радостью, которая вытеснит из твоего сердца причиненную мною печаль. А что касается зла, которое, как ты сказал, обернулось против тебя, то таков уж обычай зла — не по желанию людей является оно к ним. Однако самым большим злом является такое зло, из которого нет выхода после смерти. А то, которое все же имеет выход, нам следует взять на себя, если оно мирно кончится. Но я не вижу, царь, чтобы ты понял даже половину моей боли, тогда как я понимаю все твои невзгоды. Самое большое зло для меня то, что ты не признал Иисуса Христа, сына божия, и не внял голосу пророков и апостолов его. Ты не воспринял ни одной его заповеди, не устранился бога и не подчинился суду его праведному и не поколебался, обвиняя меня. Я не хотел никому поведать и объяснить мое положение, ибо я видел, что в твоём сознании крепко внедрилось непризнание бога, и я не желал доставлять тебе тяготы и огорчения. Ты сам вызвался и вынудил меня поспорить с тобой, и я осмелился оказать сопротивление отцовской воле. Ты мне говоришь, что добровольно берешь на себя зло и позор из-за любви ко мне и в моих интересах. Но я не вижу, царь, в чем именно ты следуешь моему желанию? И изменил ли ты свои убеждения, которых придерживался до сих пор? Ты говоришь, что питаешь нежность к детям, как питают и другие родители, но и птицы к птенцам своим, и животные, и звери к своим детенышам куда нежнее, ибо они любят их и отдают за них свою жизнь не потому, что видят в них своих преемников, или опору в борьбе против врагов, или ореол славы своей, а потому, что такова природа отцовства.

Однако ты, царь, не для блага моего желаешь удержать меня в мире сем, а для своего величия. И это надо бы тебе осознать, ибо твои упреки наносят ущерб и приуменьшают блага твои. Умножая упреки, ты ничего доброго не предлагаешь мне, так как ставишь в пример мир сей и отнимаешь

у меня себя самого. Но было бы лучше, если бы ты познал бога, творца всего, отца незримого и сына его единородного Иисуса Христа и всеятого духа, разделяющего с ним власть, равного ему и бесконечного, неделимого и несоприкосновенного, божество в трех лицах, а не мир сей, полный карбункулами, а более всего грехами и всякими беззакониями.

Царь очень удивился словам сына и, еще больше возлюбив его, сказал:

— Сын мой! Я не упрекнул тебя в чем-либо и не применил насилия, а только напомнил о твоём сопротивлении и непокорности мне. Нигде ни один царь не поступал так со своим сыном или брат с братом, как я поступил с тобой, так как дал тебе царствовать до моей смерти, позволил оставить веру мою и разрешил, чтобы последовали за тобой те, которые изберут твою веру. Об этом я только вспоминаю, но отнюдь не упрекаю тебя. Теперь отправляйся к себе, согласно моему слову, ибо это есть благо и для меня и для тебя.

Возразил Иодасаф отцу своему:

— Не удивительно, что ты так поступил, о царь, ибо известно твое превосходство над всеми и твое дело выше всех дел. Я не из тех, кто не понимает благ твоих. Я не отрицаю, что безмерно обязан тебе, а желаю, чтобы ты предоставил мне более совершенные блага и простил бы, что я не могу выполнить того, к чему не расположена душа моя и что не имеет цены в глазах твоих. Открой мне путь к ближним моим, к которым стремится сердце мое. Душа жаждет скорее прийти к ним, дабы не лишиться той радости, которая им уготована. Я не хочу царства преходящего, управляемого людьми ловкостью и умением, — сегодня оно есть, а завтра исчезнет.

Тогда царь Абенес залился слезами и, плача, обратился к сыну своему:

— О нет, сын мой, не оскорбляй отца своего! Не сопротивляйся и не унижай царствие мое, ибо я жажду тебе добра и хочу защитить тебя от позора. Не вынуждай меня идти на то, что выше сил моих, и не пытайся унижить меня ради прихоти своей, и не чини мне препятствия, а то вдруг потеряю равновесие и отрешусь от всего, что я обещал тебе, и обрушу на тебя гнев и проклетие свое.

Испугался юноша, услышав эти слова царя, как бы тот

действительно не впал в безмерный гнев и не отказался от своего решения и не отвернулся бы вовсе от него.

Иодасафу надо было удержаться уже достигнутое. С того времени царевич стал уступать желаниям царя и взял на себя бремя управления половиной царства. Но жемчужину свою — святую веру Христа бога — он крепко и непоколебимо хранил в сознании своем.

52. Уступчивость сына очень обрадовала царя Абенеса. Он приказал послать глашатая, чтобы созвать всех эриставов, знатных людей из народа и весь народ. И когда все собралось, царь велел поставить для сына такой же трон, как и для себя, и, возведя на него царевича, обратился к народу с такими словами:

— Мы все исповедовали чужую веру, а не ту, на которой теперь стоим. Отцы наши, поминаемые добром царя, и весь народ жили другой верой и другими законами. А мы дали предпочтение иной вере, но не думаем, что наши предки жаждали лучшего после смерти. Кроме того, все вы, именитые сановники, знаете о заблуждении сего юноши, ибо об этом стало известно и всему народу. Ныне нам не следует насиловать волю нашего сына, ведь и мы, так же как он, противостояли вере отцов наших. Ныне мы должны дать ему согласие на то, что он выбрал для себя. Кроме того, я пожелал поделить с ним царство свое и указать ему его границы. Кто хочет идти за ним, пусть следует в его владения, ибо никого мы не принуждаем и никому силой не навязываем свою волю. Кто где хочет, пусть там и пребывает и придерживается той веры, какая ему угодна. Кто хочет воздать сыну моему славу и возвеличить его, пусть идет к нему, — мы не будем удерживать, ибо юноша сей — сын мой, и никто так не предан мне, как он. Ныне я велю отдать ему половину всего, что есть в моих сокровищницах, половину драгоценностей и вооружения и все то, что нужно, чтобы царство его было насыщено богатством, и он мог бы достойно воздавать и добром и злом.

Как только царь кончил свою речь, поднялись люди, обычно воздающие хвалу, и стали славословить царя, выражать ему покорность и превозносить его мудрое решение.

Удалился Иодасаф в свой дворец, и последовало за ним, воспевая и прославляя его, множество народа, а некоторые поздравляли Иодасафа. Он открыл двери в чертог свой и

всех пригласил к себе, и все приходили к нему без страха внимать его мудрости. А были среди них и те немногие, которые тайно исповедовали веру христианскую и только внешне, из страха перед смертью, благоволили к царю. Как только им стало известно все, они весьма обрадовались и перестали бояться. И приходили они к преуспевшему юноше Иодасафу и поздравляли с победой, доставшейся ему с помощью Иисуса Христа. Они открылись Иодасафу в своей вере и приготовились идти в его царство.

Воздав царские почести сыну, царь снарядил его в дорогу. Перед отъездом в свое царство пришел Иодасаф к царю, чтобы проститься. Начал он благодарить отца, вспоминая все блага, полученные от него. Затем попросил отпустить всех, томящихся в заточении, чтобы творить над ними волю свою. Царь внял просьбе сына. И приказал тогда Иодасафу вывести тех, кто был заключен из-за неуплаты податей, а затем тех, кто задолжал другим. Он велел выпустить всех, а долги их покрыть из своих сокровищниц. А тем, кто был заключен за убийство и нанесение вреда своим ближним, он приказал выдать ценности, которых хватило бы им для обеспеченной жизни в тюрьме, пока не последует о них веление всевышнего. Затем приказал Иодасафу распределить большие ценности среди бедняков, немощных и нищих и после этого отбыл в свои владения. За ним последовали многие жители того города.

53. Когда царевич достиг своего царства, он прежде всего воздал благодарность богу, сказав:

— Слава тебе, боже, отцу спасителю нашего Иисуса Христа, всеильному и всемогущему! Восхваляю и воздаю славу тебе, святая троица, которая управляет всеми.

Затем он обратился с речью к народу:

— Никому так не предназначено идти праведным путем, как царю, и никто не вправе обратиться к народу с кроткой речью, кроме царя, который осуществляет в своем царстве справедливый суд. Кроткие слова нужны также людям и в общении друг с другом. Но часто прибегает к кротким словам и тот, кто безжалостен к народу, кто кровожаден и кто попирает его. Ими пользуются для прикрытия зла. Невежда, которому выпадает царствовать, до того как он разберется, прикрывает ими свое невежество. А тот человек, который сеет в народе правду и по-доброму правит их дела-

ми, не лишая честных людей чести, а немощных — справедливости, и всегда держит отточенный меч правды для защиты народа, не нуждается в использовании кроткими словами. Я же пришел к вам не для того, чтобы обильно расточать слова, а для того, чтобы быть праведным судьей.

Затем он избрал себе для постоянного пребывания место среднее, не царственное, но и не бедное, и велел возвести там жилище и сложить в нем все взятое с собой — не царственное, но и не нищенское. И водворился в том месте Иодасаф.

54. Все драгоценные сосуды и утварь, данную отцом, пышные одеяния и разнообразные украшения, а также породистых коней Иодасаф приказал продать в чужих странах, а вырученные деньги раздать нищим и немущим и тем, у которых ничего не было, но которые стыдились выходить и попрошайничать.

В то время, как другие цари, пресыщенные роскошью, веселятся и наслаждаются и своими украшениями и прекрасными одеяниями вызывают зависть у нищих, Иодасаф ценою этой роскоши утешает всех бедных, немущих. И кто слышал об этом, воздавал славу Христу.

Затем Иодасаф приказал написать послания ко всем подданным царства своего — каждого края, каждой провинции и села, чтобы всюду переписали всех нищих и немущих, немощных и слабосильных, а также тех бедных людей, которые стыдились попрошайничать, много терпели горя и сто-крат больше нуждались, чем нищие. И когда представили Иодасафу список, он велел распределить между ними несметные богатства, каждому — свою меру. Велел он раздать им также земли, помог обстроиться на них и дал для посева семена злаков и не щадил усилий, пока не вывел их из нищеты. С тех пор никто не знал нужды, и все в один голос славили бога, и нельзя было в его царстве найти человека, который просил бы милостыню.

После этого Иодасаф воззвал ко всему царству, чтобы каждая провинция и каждое эриставство избрали себе человека, преданного истине, достойного, справедливого, ненавидящего ложь. Избранных он велел рукоположить в епископы, чтобы они предводительствовали людьми по пути познания Христа и с достоинством пасли и праведно судили паству свою.

Приказал он также всем владетельным князьям, эриставам и чиновникам справедливо судить подданных и, служа правде, милостиво решать их дела, чтобы тем самым устрашать злодеев и даровать мир и радость добрым людям. И стали люди по велению властелина возрождать страну и выплачивать справедливую подать по мере своих возможностей.

Иодасаф предоставил все нужное своим войскам и поставил над ними спасетов и эриставов — людей достойных, скромных и богобоязненных, избегающих власти, а тех, которые искали ее и стремились к ней, отстранил совсем от воинства.

Еще велел Иодасаф оказать большие почести истинным первосвященникам и священникам, построить в стране церкви, претворяющие заповеди Христа, и дать каждой из них, сообразно с занимаемым положением и местом, все нужное. И царила недосыгаемая радость в стране той.

А сам Иодасаф с большим радением занялся делами страны своей. Он прежде всего вникал во внутренний мир, в духовную жизнь своих подданных, узнавал, как они живут, а затем судил о плотской жизни каждого человека. И каждому, сообразно с его делами, он воздавал милость и добро. И с тех пор подданные Иодасафа были избавлены от насилия тяжкого, гнетущего чувства страха перед царем.

55. Утвердились правосудие и правопорядок в стране, — торжествовал народ. Спешили отовсюду люди в царство Иодасафа принимать крещение именем святой троицы. И общалось ежедневно несметное число людей к вере христовой, и сказалось превосходство мудрого правления Иодасафа. Все начали проклинать веру, которую исповедовали раньше, и преисполнились сердца любовью к юноше и упованием на добрые плоды его царствования.

Утвердилось в народе христианство, и росло влияние его, процветали любовь и мир, ибо сам Иодасаф показывал своему народу пример скромности, подвижничества и трудолюбия. Во всем его царстве нельзя было найти ни одного человека, кто бы служил другой вере. Лишь очень немногие перешли в царство Абенеса — отца Иодасафа, ибо они были идолопоклонники и не решались принять веру Христа.

И распространилась по всему миру молва о юноше, возлюбившем Христа, о его скромности и терпении, о безмерном его милосердии. И когда узнали, с какой мудростью он тво-

рит благодеяния, стали стекаться к нему со всех концов земли люди верующие, которые из страха перед царями скрывали свою веру и закон божий. Преисполненные великой радости, они без трепета и боязни обосновывались во владениях Иодасафа, ликовали и прославляли неделимую святую троицу, которая отражала единосущное триединство бога и показала силу веры своей против безбожников. Приходило к Иодасафу множество людей, исповедовавших веру отца его, и открыто становилось на путь христианства. И, как малые отроки, они принимали таинство крещения и возносили хвалу Христу—сопрестольнику отца и духа святого, истинному богу, рожденному от девы незамужней, без семени, раньше веков.

56. И повсеместно стало известно о молодом царе. Все радовались тому, что пришел конец насилию в царстве его отца, и многие, обращаясь в веру Христа спасителя, стали исповедоваться Иодасафу. И проповедь веры множилась и усиливалась до той поры, пока не усилились верующие и не стало их больше, чем безбожников. Начало ослабевать влияние царя Абенеса, отворачивались от него сердца людей и даже осмеливались противодействовать ему — не считались со многими его приказами, не могли забыть о его жестоких поступках, о беззаконии, насилии и злодеяниях. С каждым днем все явственнее становилось царю, что народ презирает его. Понял он, что сердца подданных обращены к Иодасафу, и испугался смуты: как бы не восстали против него и, убив, не завладели его царством. Страх и тоска объяли не только царя, но и его единомышленников, всех именитых людей. И впал он по этой причине в великую скорбь и отчаяние.

Тогда решил царь Абенес написать сыну своему Иодасафу послание, в котором изложил все, что его беспокоило, спрашивал, как ему быть?

Иодасаф так ответил отцу:

«Да будет тебе известно, царь, что ничто так не изгоняет страха из сердца и не рассеивает сомнений властелина, как справедливый суд и милосердное правление народом. И ничто так сильно не ввергает в скорбь, не губит жизнь и не вызывает тяжелых сомнений, как недостойные деяния царя против народа, и если даже блага твои умножатся, то незначительное зло, смешанное с добром, может испортить все. Тебе, царь, ясно все это, и нет надобности спрашивать кого-ли-

бо об этом. Сам определи, откуда подступили к тебе страх и подозрение или откуда предвидятся утешение и надежда. А мне кажется, что нет у тебя причин ни для страха, ни для сомнений, кроме следов, оставленных свершенным тобой злом. И нет ничего более утешительного и надежного для тебя, чем посеянное тобой добро. Отныне отрешись от всего, что порождает страх, и обрети то, что сулит мир и покой. Торопись признать истину, пока враги не опередили тебя в достижении благ».

57. Получив от сына послание, царь созвал знатных своих людей и прочитал им его. Начали совещаться они, и сказали вельможи царю:

— Живи века, царь наш! Мы советуем тебе скорее взяться за дело, пока оно не обернулось против тебя: обрати, кого еще можно обратить, и не препятствуй тому, кому ты не в состоянии препятствовать. Поскольку теперь дела свои царские ты ставишь на обсуждение, постольку наш долг сказать, что злые деяния, совершенные тобой, известны тебе самому и ты сам видишь, как отвернулись сердца людей и как разум их уже не подчиняется тебе. Поскольку мы обязаны дать совет царю, чтобы он выбрал лучшее и отвергнул худшее, а ты сегодня имеешь право сделать этот выбор, то мы призываем к тому, что делает честь царям. Мы призываем тебя передать сыну все царство свое, если только он согласится принять его и изъявит тебе покорность. Однако надо сначала созвать всех князей, сановников и воевод народа твоего и вместе с ними установить нужные меры, ибо не к лицу царям самим браться за исполнение какого-либо дела.

Тогда приказал царь спешно собрать всех. Когда вся знать собралась, он начал излагать ей суть дела, чтобы общими усилиями изыскать пути для разрешения. Прежде всего, он воздал благодарность богам, а затем напомнил присутствующим о своей любви к народу, — как ходил среди людей и заботился о них. Еще раз вспомнил о том, как у него не было сына, как боялся он прекращения царского рода и как дал богам твердый и нерушимый обет, что если у него родится сын и доживет он до той поры, когда сможет властвовать над царством, — передаст ему все свои владения, а сам сложит с себя по воле своей царствование, принесет богам обещанный дар и будет довольствоваться, наподобие других людей, жизнью простой.

И сказал он всему народу:
— Вам известно, как следует исполнять данное обещание и как не следует нарушать свой обет. Когда я передал сыну половину царства, мне казалось, будто я исполнил свой обет. Но, как вижу, обет мой полностью не выполнен. И я боюсь оказаться обманщиком богов, боюсь, что с меня взыщут за неисполнение обета. Гнев настигает меня, ибо слышал я, богам свойственно путем отмщения взыскать с человека обещанное им. Ныне и я обязан без всяких оговорок выполнить свой обет. И вот пребываю в ожидании вашего совета, что мне делать. Судите при этом, что будет лучшим для вас!

И последовал ответ:

— Кому, как не царю, больше чем кому-либо из людей, подобает исполнять свои обещания или кто, как не царь, обязан быть справедливым, твердо держать свое слово и выражать величайшие мысли! А то дело, о котором ты нас спрашиваешь, в свою очередь состоит из двух дел: одно из них недостойно царя: это — умышленная отсрочка исполнения своего обета. Если тот, кто обманывает человека, достоин вечного укора, то намного омерзительнее поступок царя, обманывающего богов и дающего им ложные обещания. Нельзя даже подумать, что боги дадут кому-либо обмануть себя. А вдруг то, чем ты дорожишь и над чем трепещешь, с гневом отнимут у тебя, и никто не выразит тебе благодарности! И второе — ты передаешь свое царство сыну, который является светом очей твоих, но ведь и без всякого обета люди оставляют все свое состояние и имущество своим сыновьям и на этом кончается их благоволение. Если бы ты дал обет даже в пользу постороннего, то и тогда обязан был бы исполнить его. Тем более вдвойне обязан выполнить обет, данный богам в пользу собственного сына! Но ты знаешь, царь, что твой сын исповедует веру христианскую и считает справедливым закон, уравнивающий в правах и князей и нищих. И ты знаешь, каким мучениям подвергали мы раскаявшихся. Теперь же мы боимся, что если восторжествуют в царстве законы христианские, то тогда взыщется с нас правосудием за кровь, пролитую по твоему велению, и на нас будет возложена обязанность выплатить стоимость тех владений, которые разорили мы по решению твоему.

58. Написал тогда царь сыну своему новое послание:
«Мир тебе, о сын мой! Ты знаешь, в какой роскоши и

неге я воспитал тебя, а затем предоставил тебе полную волю. Хотя и тяжело мне было разделить свое царство и нарушить установленный в нем порядок, я все же пошел на это из любви к тебе. Ныне хочу так облагодетельствовать тебя, как никто никогда этого не делал. Я передаю тебе целиком все царство, а сам отрекаюсь от славы своей. Хочу приобщиться к простой жизни и пребывать в ней до тех пор, пока не настанет мой конец и полностью не сбудется моя сокровенная мечта — увидеть при жизни своей полное торжество твоего царствования».

После этих слов царь вспомнил в своем письме о тех кающихся, которым он причинил, разорив их, много зла, но заметил, что царям дозволено для упрочения своего царства чинить своим противникам еще больше зла.

И закончил он:

«Если теперь ты снимешь с меня и с моих приверженцев ответственность за все эти злодеяния и не будешь принуждать нас отказаться от нашего верования, тогда я отдам тебе все царство мое...»

На это Иодасаф ответил так:

«Венценосный славный царь! Ты знаешь, что не подобает в одном царстве иметь два закона и два правосудия, что недопустимо существование одновременно двух противоположностей. Нужно нам вместе утвердить в стране такое правосудие, которое достойно нашего разума. Направь ныне к нам тех, кого ты считаешь людьми мудрыми, разбирающимися в делах. Мы потолкуем с ними и установим истину, которая объединит нас на началах справедливости».

Царь, получив послание сына своего, прочитал его всем своим сановникам. Ответ царевича понравился им, ибо знали они, что он во всем справедлив.

59. Тогда послал царь к Иодасафу людей избранных, известных своей мудростью и ученостью. Как только они явились к царевичу, последний приказал привести к нему столько же известных монахов-богословов из христиан и сказал им:

— Не вдавайтесь в рассуждения сверх меры и не уповайте на самих себя, а просите у Христа, чтобы он дал вам свыше силу поступить так, как гласит святое евангелие: «Не заботьтесь, как или что сказать».

Сошлись противоборствующие стороны и обязались друг

перед другом вести словопрения без насилия и каких-либо отклонений от предмета спора, дабы прийти к справедливым взаимным суждениям. Тогда сыну царя не придется силой смирать завистливость и строптивость спорящих.

И когда условились об этом, поднялись идолопоклонники и сказали, что первый вопрос должен быть задан тем, кто ищет.

И продолжили свою речь:

— Прежде чем спросить вас, мы говорим, на чем стоим. Мы служители золотых и серебряных идов и их изображений из камня и дерева. А теперь скажите нам: кто же тот, которому вы служите?

На это монахи — служители христовы — ответили:

— Мы служим животворящему богу, который и нас сотворил, и золото, и серебро, и камень, и дерево. Имя его известно вам, и вы не можете отрицать власти этого бога, ибо он является величайшим, и никто не может превзойти его божественную силу, выразить словами величие бога и узреть его своими глазами. Он породил нас и дал нам свое учение, и мы следуем его воле сообразно нашим силам, и сторонимся того, что ему не угодно. Это и есть наш ответ на ваш вопрос. А кто же ваши боги, и в чем их заповеди? Вам нечего сказать, кроме того, что они ничего не заповедали вам и что не они сотворили вас, ибо не в состоянии сотворить что-либо, ведь они ничего не видят, не слышат и не глаголят. Вам нечего ответить нам, ибо вы слепо служите этим бесполезным и бездушным предметам, не способным принести ни пользы, ни вреда.

У служителей идов, услышавших такое кощунство, отнялись языки. Они не находили слов, чтобы ответить на оба вопроса. Если бы они сказали, что идолы сотворили их и научили, что следует делать во славу богов, то обнаружилась бы ложь и они справедливо были бы изобличены словом мудрости. А если бы сказали, что идолы бессильны и не способны что-либо сотворить и приносить пользу или вред, то они — служители идов — потерпели бы поражение и учение их противников взяло бы верх. И так как идолопоклонники не нашли выхода, то признали превосходство христианской веры над всеми законами мира сего. В добром стремлении Иодасафа и в его безмерной скромности и милости узрели они много благодати: всеобщий мир и всеобщая радость процветали в царстве его.

И тогда обратились к Иодасафу служители идолов и спросили:

Скажи, царевич, каков же будет твой приговор за злодеяния, совершенные нами по приказанию отца твоего и царя нашего, и ответственны ли мы за кровь, пролитую нами по незнанию?

Благочестивый Иодасаф ответил:

— Как только вы отвергнете веру вашу, то вместе с ней исчезнут сомнения, которые тревожат вас, и как только примете веру бога и спасителя нашего Иисуса Христа, вы обретете спокойствие и радость, ибо он есть бог мира и любви, а не безумия и мести.

После этого словопрения вернулись посланцы царя и доложили ему обо всем, что слышали и видели. И тогда царь и весь его народ решили следовать вере Иодасафа, приняли святое крещение.

Только пустынный по имени Тедма, тот самый, который внушил царю мысль использовать в борьбе с сыном дьявола, не признал христианства.

60. И написали вместе царь и весь народ послание царевичу об исповедании ими веры отца и сына и святого духа. Как только прибыли к Иодасафу посланцы с письмом и сообщили ему о велении царя и всего народа, тот преисполнился великой радости, встал, воздел руки к небу и воздал благодарность Христу, осуществляющему желание благочестивых. И оказал он послам почести и, щедро наградив, отпустил их с миром.

При этом он написал отцу своему такое послание:

«Великому верующему царю, изъявившему благую покорность богу. Царь! Я, раб божий, смиренный Иодасаф, приветствую тебя во Христе. Прежде всего благодарю сына божья, очеловечившегося во имя спасения людей, освободившего нас от рабства и соблазна идолов и искупившего наши грехи своей непорочной и честной кровью, которую он пролил на кресте. Восхваляю и славлю благодать Христа, даровавшего милость и не лишившего меня желанья моего, удостоившего узреть истинное царствование твое, ибо теперь ты сделался царем, а до этого не был даже рабом признанным.

Великими благами ты одарил меня, и я не в состоянии достойно отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Однако больше всего радости ты доставил душе моей сего-

дня, и все отданное мне тобою выглядит по сравнению с этим ничтожным в моих глазах. Отныне признанием тобой истинной веры да возрадуется святая троица, и сама вера еще больше воссияет. Отныне ты житие свое направил всем на благо. Но тебе известно, что никто не может отрешиться от друга своего, не поборов привязанности к нему. Сомнительно было бы твое обращение, если бы ты не искоренил первопричины своего отклонения от истины.

Искренность твоих слов и твердость убеждений, а также очищение совести твоей перед богом, с чем ты собираешься прийти к нам, чтобы вместе с нами обратить молитвы к всевышнему, лишь тогда будут достоверны, если ты во имя бога разрушишь капища и сожжешь идолов в огне и так воздашь им за те страдания, которые они принесли многим народам. Сожжение идолов примирит тебя с богом, как раньше сожжение святых отцов еще более отдаляло тебя от него.

Когда ты поступишь так, разрушишь преграду, воздвигнутую между нами враждой, то получишь истинное утешение от животворящего бога и от нас — рабов его».

Когда это послание прочитали царю, тот поднялся, а с ним и весь народ, и стали они разрушать и сжигать идолов и их капища и так стерли их с лица земли, что вскоре нельзя было даже узнать место, где они стояли.

Покончив с былыми кумирами, отправился царь и вместе с ним весь народ в царство Иодасафа. И вручил он царевичу все свое царство, только Тедма пустынный, который вдвойне пострадал, не обратился в новую веру.

Когда Иодасаф узнал, что царь и весь народ идут к нему, он встал и вышел навстречу. С безмерной радостью пал он ниц перед отцом своим, и вместе с ним упало на колени множество верующих в Христа, вышедших вместе с Иодасафом встретить царя. С любовью и нежностью обнял отец сына и, плача, поцеловал его. Торжественно повел Иодасаф отца и оказал ему все царские почести, от которых он сам уже отказался.

61. Однажды, когда Иодасаф сидел с отцом своим, вошел разгневанный Тедма. Желая вызвать царевича на спор о вере, он обратился к нему с такими словами:

— Скажи мне, царевич, что побудило тебя так поступить с идолами и что плохого они тебе сделали, что ты их презираешь? Разве не они возвеличили твоих предков — царей?

Разве не они дали отцу твоему — царю Абенесу — величайшее царство и подняли его выше всех царей на земле и отгнали от него злого духа, лишаящего потомства?! Они даровали царю тебя, а ты изменил вере в них и соблазнил отца своего. Зачем теперь отрешился ты от служения богам, зачем оторвал отца своего от них и своим обращением в иную веру обманул надежды и оскорбил память отцов твоих — благочестивых царей?!

Обратился царь Иодасаф к Тедме:

— Слушай меня, ты, глашатай лжи и враг истины, преисполненный ядовитой мудрости сего мира и лишенный самой главной мудрости, суть которой — страх перед всевышним! Ты выдаешь себя за мудреца и воображаешь, что идолы, которым ты и твои ближние служите, вылиты из золота и серебра, сделаны из меди, камня и дерева, но забываешь, что они вовсе не в состоянии творить ни добро, ни зло. Как же они могут создать что-либо, если сами являются мертвой материей — ничего не слышат и не видят, ничего не соображают? О, отгони от себя сон, если еще обитает в тебе дух животворный. Знай, что мир сей смертен. Смертны и мы — люди, и животные, лишенные дара речи, и всякие птицы и деревья с их многообразными плодами, созревающими в разные времена года для людей. И это все от всевышнего, ни с чем не сравнимо, сотворившего нас мощью своей во славу свою, давшего учение, которому нет подобного.

Дал он нам все эти блага для того, чтобы мы довольствовались ими, чтобы, вкусив их, уверовали, что существует вечная непреходящая благодать, которую еще «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его». Изобретательный разум не может представить, что уготовано богом для терпеливых и любящих его рабов. Об этом возвестили нам избранные пророки и славные апостолы. Однако не для того создана богом эта благодать, чтобы только развлекаться ею и пренебрегать священными заповедями, а чтобы в меру использовать нужное из этой благодати, что поможет нам в служении бога. Но мы не должны так плениться ею, чтобы забыть заповеди бога. А если мир сей только для того и распростерся перед людьми, чтобы есть, пить, веселиться и уповать на пребывание в нем, то слишком малую долю этой благодати дали тебе идолы, — это рубище, которое прикрывает твою наготу, и посох, который ты держишь в руках.

В мире сем, который ты так превозносишь и на который уповаешь, ты довольствуешься тем, чем не следовало бы довольствоваться. Если же ты учишь уповать на мир сей, то почему не заботишься о себе самом? Ведь блага эти созданы для того, чтобы возбудить стремление к радости вечной, чтобы уверовать в вечное и взять с собой из этого мира лишь малую долю на пропитание и с нею стремиться дойти до лона создателя и бога нашего. А ты, видно, уверовал в недостойное, ибо не знаешь, ради чего ввергаешь себя в беду, к кому стремишься и от кого надеешься получить вознаграждение за труды свои. Нет у тебя выхода из такого положения, как нет у тебя ничего в мире сем, потому что не уповаешь ты на мир иной.

Выслушав царевича, Тедма долго молчал и размышлял, что ответить Иодасафу, но не находил слов. Лишь после долгого раздумья он сказал:

— Ты пронзил мое сердце, твои слова, как меч, рассекли мою душу, и теперь только о том прошу, чтобы выслушал ты меня внимательно и разумом своим помог мне.

Ответил ему царь Иодасаф:

— Вот я внимаю тебе и готов беседовать с тобой. Спрашивай, что хочешь?

Тедма спросил:

— Если идола, которым мы поклоняемся, не являются богами, то кто же тогда бог?

Иодасаф ответил ему:

— Бог — отец господина нашего Иисуса Христа — создатель неба и земли и всего неодушевленного и одушевленного в мире сем.

— А откуда ты знаешь, что небо и земля созданы твоим богом?

Иодасаф ему в ответ:

— Знаю потому, что образы и предметы сотворенных нами подтверждают, что они созданы и постижимы умом. Они независимы друг от друга, даже если соединены или разделены, подвижны или неподвижны. Мы видим, что все сотворенное взаимно общается или разобщено, находится в движении или в состоянии покоя. И это объяснило мне, что как одни, так и другие не способны творить, но если бы они и могли сотворить, то вряд ли от этого прибавилось бы что-либо к славе других творений.

Тедма спросил:

— А чем же ты доказываешь правильность прозрений пророков и апостолов, ты же их не видел?

Иодасаф ответил:

— Доказываю тем, что всюду, во всех странах приняли их учение, и люди, находящиеся вдали друг от друга, признали его повсеместно. Их учение признали и враждовавшие между собой цари, которые не могли сговориться. Я не видел пророков и апостолов, но молва о них распространена повсюду. Они тоже, разделенные пространствами, не смогли бы сговориться. И вот на Востоке и Западе, на Юге и Севере — всюду прославляются отец, сын и святой дух, почитается святая вера их, которую проповедуют апостолы.

Обратился снова Тедма к Иодасафу с вопросом:

— Откуда ты знаешь, что пророки говорят истину и что они посланы богом?

Ответил ему царь Иодасаф:

— То, что они глаголят истину, видно из того, что они показали миру такие знамения и чудеса, каких никто из рожденных не способен совершать. Знамения и чудеса эти совершены божьей силой, чтобы весь мир уверовал и познал, что вера их есть истинная вера, а пророки — избранные бога среди всех созданий.

И продолжал Тедма расспрашивать Иодасафа в присутствии его отца Абенеса до тех пор, пока сам не уверовал в Иисуса Христа.

И решил Тедма в душе своей: «Истину глаголет он! Мы же не смогли отстоять своих идолов».

Признав веру Иодасафа, Тедма возгласил во всеуслышание:

— Нет на земле бога, кроме отца и его едиnorodного сына и пресвятого духа.

Воспринял Тедма все законы христианские, принял святое крещение и с тех пор начал соблюдать заповеди христовы, проводить жизнь свою в моленьях и восхвалять имя Христа.

62. Между тем ободрился царь Абенес воспринятой от сына своего правдой и высказывал всем великое раскаяние за свои ранее совершенные злодеяния. Но как только при-

близился конец его жизни, он очень испугался. Страх и трепет объяли его.

Тогда сказал ему Иодасаф:

— О отец мой! Почему ты трепещешь перед неизбежным исходом. Неужели ты питаешь надежду навсегда остаться в этом мире? Ведь этого никто не может достигнуть. Или желаешь ты дожить до той грани дряхлости, когда человека постигают многие тяжкие недуги, когда начинается дрожание головы и рук и пропадают всякие желания, присущие жизни? Или ты думаешь, что вернется к тебе юность и на смену уже пройденной жизни придет новая? Это также не подвластно людям. Или ты не надеешься на милость бога и тебе трудно явиться на его зов, но ведь этим ты навлечешь на себя его гнев. Ныне тебе надлежит с благодарностью откликнуться на зов бога, ибо изначально тебе известно, что ты смертен в этом мире, как и бывшие до тебя отцы и предки твои.

Возразил ему Абенес:

— Нет, сын мой, не по названной тобой причине сокрушается душа моя, а потому, что такова природа человеческой души: ей тяжело расставаться с плотью, лишаться воздуха и света и вступать в чуждый и тесный мир. И я не знаю, каким испытаниям подвергнется душа моя, ибо я весьма разгневал бога — создателя моего и лишил жизни многих своих противников, которые будут теперь требовать от всевышнего возмездия мне. В долгие дни моей жизни я хулил бога и прославлял идолов. Я не угодил судье, но и жалобщика не убедил ни в чем. Что же мне будет служить перед лицом Христа утешением? Для раскаяния у меня остается все меньше времени, а тем самым и меньше возможности достойно завершить его перед богом.

И сказал Иодасаф отцу своему:

— Не беспокойся, царь, но возрадуйся, ибо ты идешь к господу богу, благовому и всемилостивому, который воздаст за труд в одиннадцатом часу столько же, сколько и в первом. Он примет примирение твое в последний момент твоей жизни, ибо нет недостатка в милостях божьих. Он судит не так, как люди, ибо милости его на чаше весов перевешивают милости мира сего, полного грехов. Как ты преуменьшишь грехи свои, когда бог измеряет их иной мерой, нежели человек? Кроме того, свет и воздух мира сего, столь желанные людям, — не равны свету и воздуху царства божьего, которого удостоятся верующие, испившие без страха чашу смерти.

И только тогда может облачиться человек в нетленные одеяния, когда его плоть уже подвергнется гниению. Так, душа праведная, которой жизнь здешняя кажется тесной, подобна младенцу, оставляющему тесную утробу, чтобы ощутить простор и узреть свет нового мира. И ты не ропщи и не беспокойся, что во многом согрешил перед богом и недостаточно раскаялся. Да будет тебе известно, что малое раскаяние перед всевышним побеждает большие прегрешения, ибо нет предела его милостям, и умножатся они и весьма возрадуется душа.

Ободрился и обрадовался царь Абенес, являя словам сына, восторжествовала душа его, избавленная от скорби, и сказал он Иодасафу:

— Да одарит тебя господь бог наивысшими благами, воздаяниями сверх упования твоего, сын мой, ибо я был потерян и ты нашел меня, я был обречен и ты спас меня, я был врагом бога и ты примирил меня с ним, я был мертвым и ты меня оживил. Ныне завещаю тебе, сын мой: шествуй во славе перед господом и в страхе перед ним заверши свой жизненный путь. Да не отвратит тебя величие царствования от любви к Христу, ибо все зримое призрачно и преходяще, ты же ищи всегда незримое. Где же теперь мое наводившее страх царствование и несметное воинство мое бравое, где неисчислимые богатства, накопленные мной? Почему они не придут и не избавят меня от смерти — этого злого похитителя? Ныне я наставляю и вразумляю тебя, о сын мой, как раньше ты наставлял и вразумлял меня. Так найди же в себе силы презреть мир сей и все его величие и обрести только одного бога, ибо он лучше, чем мир сей со всем своим обилием. Поминай меня, сын мой, в своих молитвах.

Сказав это, царь Абенес тяжело застонал и испустил дух.

63. Отнес Иодасаф тело отца своего и захоронил рядом с останками верующих: не с царскими почестями, а запросто он предал земле его, как подобает простым людям. Простер руки свои при этом Иодасаф, возвел глаза к небу и сказал:

— Славлю и воздаю благодарность тебе, боже, отец господи и спасителя нашего Иисуса Христа, царя славного, всемогущего, непостижимого, неизведанного и незримого, несказанного и беспредельного, творца всего сущего, который не лишил радости душу мою и обратил к себе заблудшего раба твоего, признавшего в последний свой час бога всевышнего

и сына его, рожденного раньше веков, и святого духа, уверовавшего в триединство твое. Удостой ты его света лика своего и упокой его в царствии твоём со святыми, исполнявшими волю твою. И не поминай совершенные им злые деяния, а милостью своей прости ему прегрешения и отпусти грехи, которые лежат на его душе за безбожие. Даруй ему милость и отврати от него гнев тех святых и избранных служителей твоих, которых он уничтожил огнем и мечом, ибо все в твоих силах, и все от тебя зависит, разве только не в силах ты творить немилость к тем, кто приходит к тебе со слезами и вздохами раскаяния.

Такую мольбу об отце своем обратил к богу Иодасаф со слезами на глазах. Затем он пал на колени и, положив руки на могильный холм отца своего, сказал:

— Христос бог, сотворивший родителя моего раньше меня и родивший меня из чресел его и возрадовавший меня жизнью с ним, пока ты этого хотел, и огорчивший разлукой с ним, когда того ты же пожелал! Теперь, господь, будь утешителем его, а уже потом — защитником и покровителем моим. И направь меня по воле твоей, ибо ты благой и добродетельный.

И оставался у могилы Иодасаф до седьмого дня и воздавал молитвы за отца своего. Потом начал он щедро раздавать ценности беднякам, немощным и больным.

64. На восьмой день вышел Иодасаф и, по своему обыкновению, сел среди народа. С ним были все знатные сановники, и он, обратившись к ним, сказал:

— Вот, почил отец наш, царь Абенес, как один из сирых и убогих, и никто не мог помочь ему — избавить его от смерти. Каждого из нас ожидает этот день. Вы знаете о моем начальном сокровенном желании, но я не смог воспротивиться воле отца своего. Теперь у меня нет причин, мешающих выполнить обет, данный мною богу, — присоединиться к монахам и следовать их образу жизни. А вы выбирайте себе другого царя, который будет управлять вами согласно воле всевышнего. Сегодня нет никого, кто оспаривал бы истину, испосланную нам богом. Все это вам хорошо известно!

После этих слов все встали и в один голос сказали:

— Да не будет этого, о царь! Пусть никогда не услышим мы ничего подобного! Не бывать этому до тех пор, пока мы живы.

И все громче стали раздаваться голоса несогласия, пока наконец волнение не охватило весь город.

Видя, что народ не согласен с принятым решением, Иодасаф задумал тайком оставить царство. Он позвал к себе того самого человека, который готов был помочь Балавару, когда царь задумал спор с Накором, выдаваемым им за Балавара. Этот человек происходил из царского рода, а имя его было — Баракия. Иодасаф сказал ему:

— Каждый человек нуждается в помощи другого, когда его постигает беда. Ты из моего рода, и я доверяю тебе свою тайну и поручаю одно очень важное дело, если это будет угодно господу. Прими от меня собственноручно послание к народу и к князьям моим относительно твоего воцарения, ибо я ухожу к братьям моим и вместе с ними буду впредь служить Христу-богу. Если ты не выполнишь эту мою просьбу, — не считай себя моим родственником.

Сказал Баракия царю Иодасафу в ответ:

— Несправедливо рассудил ты, о царь, ибо писано: «Люби ближнего своего, как самого себя». Между тем ты избираешь для себя лучшее, а мне желаешь погибели. Если царствование есть благо, то почему ты не остаешься царствовать? Разве не видишь, что весь народ оплакивает твой уход, подобно тому, как ребенок плачет, когда его покидает мать? Но если ты предпочитаешь благополучию своего народа искание вечного, то почему избрал меня жертвой, с тем чтобы обрести для себя спасение?! Встань, о царь, и вместе уйдем отсюда!

65. Выслушав Баракию, Иодасаф признал справедливым его суждение и не возразил ему. Но все же однажды ночью он тайно покинул дворец, оставив в своей постели собственноручное послание к народу, в котором было написано: «Царем вашим достоин быть Баракия, а потому возведите его на трон». И сделал он это с тем, чтобы избежать смуты в стране из-за царского престола.

Однако Баракия еще во время беседы с Иодасафом, не ответившим на его возражение, догадался о намерении царя. Он собрал князей и сановников и сообщил им о том, что царь замышляет. Теперь же, узнав о тайном уходе его, они пустились за ним вдогонку по разным дорогам. И нашли они блаженного Иодасафа в одном овраге. Сложив руки

крестообразно, он возносил молитву всевышнему. И когда заметил приближающихся к нему, то сказал:

— Зачем вы утруждаете себя? Ведь отныне я не царь ваш.

Посланцы вернули его обратно, но не убеждением, а слезами, которыми омывали ему ноги. И когда привели Иодасафа в столицу, — собрался весь народ от мала до велика, Матери с детьми окружили его, плакали и умоляли:

— Кровь нашу взыщет с тебя бог. Если ты не останешься с нами, мы снова воздвигнем идолов, и ты ответишь за это перед всевышним.

Иодасаф сказал им:

— Христос, который избавил вас от печали и уныния и указал вам свет познания истины, сам постарается укрепить в вас веру, а я уже указал вам, что следует делать. Вы восприняли истину и воспользовались плодами труда моего. Отныне я больше ничем не обязан вам. Согласно словам святого апостола Павла, «подвигом добрым я подвизался, течение совершил», и теперь я должен быть предоставлен самому себе.

Так продолжалось семь дней. Затем Иодасаф поклялся, что не останется царствовать, а уйдет в пустыню.

Услыхав его клятву, народ понял, что уже ничем нельзя помочь делу. Все знали о стойкости его, если он принял решение — обязательно выполнит. Стали тогда приходить все с плачем, падать перед ним, лобызать ему ноги и спрашивать, кто будет царствовать.

Он отвечал:

— Царем вашим следует быть Баракия!

А Баракия стал лить слезы, не желая быть царем, но не смог воспрепятствовать желанию народа, а тем более — Иодасафу. И тогда Иодасаф взял царственный перстень и вручил его Баракия.

Воздев глаза к небу, произнес Иодасаф перед всем народом:

— О господь наш, Иисус Христос, сошедший с лона отца своего, не разлучившийся с ним и очеловечившийся ради нас, родившийся в образе раба от невестной матери и спасший людей от служения дьяволу. Восхваляю и славлю тебя, господь человеколюбивый, ты спас меня, недостойного раба твоего, и дал мне разум, чтобы познать тебя, и не лишил душу мою радости обращением отца моего. Ты дал мне

силу прославлять святое имя твое. Ныне прояви свое человеколюбие и помоги Баракия — брату моему, дабы он достойно и в угоду тебе вступил на предуказанный путь, и чтобы с любовью к тебе шествовал он на глазах у всего народа.

Много подобных молитв вознес Иодасаф богу, возложив руки на плечи Баракия. Затем сказал, обращаясь к преемнику своему:

— Отныне я возвещаю и даю наказ тебе, Баракия, перед богом и всем народом. Но не моя в том вина, и подобно тому, как ты раньше меня познал бога и служил ему безмолвно в душе своей, так теперь превзойди меня, чтобы показать богу совершенную добродетель свою.

Не поминай других злом. Направляй помыслы свои на заботы благочестивые, не следуй по течению времени, не вноси раскола в веру христову, не обольщайся величием своего престола, не уповай на чью-либо помощь, кроме как на божью.

Не возгордись, если получишь от бога то, чего желаешь; не протягивай руку с вожделением за тем, что тебе не принадлежит. Не обнаруживай бессилия в делах, желанных богу; не осуждай никого вне справедливого суда; не принимай приношений за несправедливые решения. Не отказывай в защите даже злодею, если он обратится к тебе с мольбой об облегчении бремени. Не превращай свой разум в раба плоти твоей. Не оставляй языка своего никогда без узды, не радуйся беде врага, даже если он злодей.

Пусть не возмутится рассудок твой во время гнева твоего. Не смотри ни на кого коварным взглядом, и не питай несправедливой ненависти к кому-либо. Не воздавай никому зла в отместку за себя, а воздавай его в отместку только за божественное. Не отпускай никого с пустыми руками от порога дома твоего; не оставляй человека, не утолив жажды его в слове животворящем.

Это я повелеваю тебе перед богом, и если будешь соблюдать все сказанное, то обретешь спасение души, а если пройдеши мимо всего этого — бог взыщет с тебя за нарушение обета. Верь, однако, что бог не спросит с тебя того, что выше сил твоих.

Затем добавил:

— Да будет господь Иисус Христос сопутствовать тебе во всяком деле с начала до конца.

Испытай и исследуй все и выбери из всего лучшее. Нищета без нетерпеливости — это зло, но еще хуже надменность с богатством. Ищи благо от бога, ибо сам он творец всех благ. Обуздай плоть твою и проникнись страхом Божиим. Обуздай похоти твои, чтобы не остаться без рассудка.

Пусть твое знание будет разумно, дабы не впасть тебе в высокомерие; пусть знание служит тебе светильником в твоей жизни, и не вообрази, что без него ты что-либо представляешь. Исследуй все и делай то, что следует делать.

Уважай странников и считай себя самого странником. Найди свое место среди благоговеющих перед богом и отстраняйся от среды неверующих. Не радуйся беде ближнего твоего, ибо найдешь в нем завистника и мстителя. Еще больше предайся богу и будь готов принять смерть ради него.

Если ты будешь твердо соблюдать все это, ты обретешь себе и народу своему житие вечное. Претвори мои заветы, и это будет твоим лучшим даром богу, и тогда сам Христос будет заботиться о тебе и направлять все дела твои.

Если ты уверен, что безгрешен перед богом, не прощай людям их грехов, а если знаешь, что и ты будешь судим, то не следует тебе осуждать других. Будь подобен купцу, щедро дающему свое богатство взаймы, и пусть руководит тобой милосердие, ибо бог за милость воздает милостью. Никому не будет дано больше того, что он желает, а что ты можешь сделать лучшего, чем милость?! Потому и дай немилосердию воздаяние.

Пусть сей мир будет для тебя торжищем, и если ты будешь торговать, то обретешь многое, ибо меньше отдашь и больше выручишь; преходящее проиграешь и непреходящее выиграешь. Но если ты не проявишь себя и не будешь радовать в торговле, то не обретешь ничего, — лучше преуспеть в добре, чем лишиться его.

Возвышайся разумом, а не вожделениями, ибо первое возводит к богу, а второе низвергает в бездну. Тот, кто мнит себя совершенным, тот стоит ниже заповедей Христа. Лучше выслушивать непристойность, чем самому изрекать ее.

Не считай удачным плавание одинокой ладьи твоей, пока не пристанешь к причалу. У многих разбились в одиноком плаванье ладьи, но и многие благополучно избежали волнений и бурь на море. Не проявляй чрезмерного бестрашия, но и не слишком отчаивайся.

Продай все имущество твое и расположи к себе бесценного Христа-бога, ибо земные богатства принадлежат людям короткое время. Но если трудно тебе отдать все, — отдай половину. Стими украденное у моли съедающей и у крадущего и тем сделай должником бога, и воздаст он тебе больше. Обиосками и тряпьем ты заслужишь похвалу бога; никто не заслуживает большего доверия, чем нищий, ибо у него нет ничего, кроме бога, а потому расположи к себе нищего милосердием своим.

Не стыдись, если кто-нибудь скажет тебе: «Сын злодея», а стыдись, если кто-нибудь назовет тебя злодеем, ибо лучше самому быть добрым, чем быть сыном доброго, будучи злодеем.

Будь для каждого человека и всего народа таким, какими бы ты желал их видеть по отношению к себе. Берегись лжедрузей, ибо верный друг только тот, кого обретаешь не за кубком, а в испытании временем, кто не скажет тебе лицепрятное, а скажет то, что полезно для души твоей и народа твоего. Такие друзья несравнимы ни с кем, и да будет в сердце твоём бесконечна любовь к ним, ибо сказано: «Кому подать, — подать; кому оброк, — оброк, а должнику должное».

У любви нет границ. Как глазу нужен глаз, который сам все видит, но только не видит себя, так и руке нужна рука и ноге—нога, а царю нужен верный советник. Для этого всегда умеи распознать человека, как меня распознал Балавар. Он не дал мне никакой заповеди, относящейся к мирским делам, но через духовную заповедь помог мне, как это ты видишь, править с Божьего благословения. Так и я даю тебе сперва духовную заповедь, а лишь затем все земное. Однако, если дух непристойности прельстит тебя, скажи про себя: «Кажется, об этом узнали все». А после стыдись даже самого себя, ибо никто не может отвергнуть правду, кроме того, кто, пораженный духовным недугом, забыл о боге. Пока человек грешит и поддается искусному врачеванию, он исцеляется с помощью всевышнего, но как только недуг оказывается сильнее лекарства, следует отсечь поврежденный член и отбросить его, чтобы болезнь не распространилась по всему телу и не убила душу.

Всякая слабая, оскорбленная и не твердо верующая душа впадает в тоску и сомнения и поддается греховным мыс-

лям о боге, ибо эта мысль, как червь, может одолеть только мягкую и молодую древесину, но не крепкую.

Тот, кто хочет обрести грядущие блага, считает плотскую жизнь свою не чем иным, как пребыванием в тесной темнице. Мы не удостоимся даров божьих, прежде чем не очистимся сами, ибо никто не вливает в грязный сосуд ароматные благовония и мирру.

Истинным постом считается отлучение от всего злого, осуждение ябедничества, обмана и клятвопреступления перед богом, умение держать язык свой, укрощать гнев и воздерживаться от пороков, помня при этом, что отказ от плотских вожделений в пору дряхлости уже не является воздержанием.

Не заслуживает одобрения и оставление зла, когда это происходит против воли твоей от преуспевания в добре. Праведный судья должен уподобиться стрелку, который не натягивает сверх меры тетиву, чтобы стрела не перелетела через цель, и не слабо натягивает, чтобы не могла стрела не долететь до цели; он не пускает стрелу ни вкривь, ни вкось, чтобы попасть в цель; он делает все в меру и, точно прицеливаясь, поражает мишень.

Мы знаем из книг, что мир сей называется морем, ибо бурная жизнь его подобна волнению на водном просторе.

Имущество и богатство непрочны, так же как и нищета, и оба они держатся на волоске от того, чтобы не свалиться, и, как на море вмиг покой сменяется волнением и снова наступает покой, так и дела мира сего. Поэтому ты должен быть тем мудрым кормчим, который не доверяется спокойствию моря, не проявляет нерешительности и не впадает в отчаяние, когда оно начинает бушевать.

Это я заповедую тебе и вверяю тебя богу, и пусть мир и спокойствие дает тебе бог—отец господина нашего Иисуса Христа — и ведет тебя по воле своей, и пусть святой дух будет наставником и учителем твоим, ибо слава венчает их во веки веков!

66. И кончив наставления, трижды благословенный Иодасаф поспешно вышел и облачился в то старое одеяние, которое ему оставил на память Балавар. Как отара, потрепавшая пастуха, бежал за ним народ до самой ночи, рыдая громко и оплакивая его, как дети отца.

И отправился Иодасаф в страну Сарнадиб искать свя-

того Балавара. Спустя два года он нашел его среди гор в пещере; и был Балавар в том одеянии, которое подарил ему Иодасаф.

Завидев Иодасафа, старец вышел навстречу ему. Они обнялись со слезами на глазах, поцеловались и, преисполненные великой радости, вознесли хвалу богу. И спрашивал Балавар Иодасафа о том, что с ним приключилось. Блаженный Иодасаф рассказал все от начала до конца. И благодарили они бога триединого, прославленного единосущностью, даровавшего им победу, благодаря которой они обрели для себя и для множества других вечную жизнь.

67. Спустя немного дней подошел конец жизни блаженного Балавара.

Когда Иодасаф увидел, что наступил час смерти старца, великая скорбь и тяжкие думы овладели им и дух печали снизошел на него.

Он сказал:

— О отец Балавар! Ты не удостоил меня совершенной любви, ибо уходишь на упокоевание от бед мира сего, а меня оставляешь одиноким на чужбине в великой печали. Как мне жить после тебя, ибо не только по рассказам твоим должен был я знать об этом житии, но и на деле познать его. Я не могу взять на себя такое бремя и не хочу жить после тебя.

Блаженный Балавар ответил ему на это так:

— Не бойся, Иодасаф, ибо Христос-бог поможет тебе. Не печалься, а радуйся моему уходу, ибо тем самым я избегаю предстоящих грехов.

Радуйся, Иодасаф, ибо ты оставил землю, а обрел небо.

Радуйся, Иодасаф, ибо ты стал достойным апостольской благодати.

Радуйся Иодасаф, ибо благодаря труду и терпению ты обрел венцы мученичества и подвижничества. Не печалься даже в этот час приятия и вкушения плодов от саженцев твоих. Будь верен богу, который утешит тебя и не лишит скорой встречи со мной.

Этим Балавар дал понять Иодасафу, что близок и его смертный час.

И скончался святой отец Балавар и предстал перед Христом.

А Иодасаф положил его тело, изнуренное монашеским

постом и долготерпением в ту пещеру, высеченную в скале, в которой сам пребывал и впал в великое горе.

В большой тоске Иодасаф заснул. И видел во сне неких ясноликих мужей, шедших к нему навстречу. Имели они при себе множество венцов, украшенных карбункулами и самоцветами, которым не было счета. Один из этих мужей держал в руках два одинаковых венца, блестевших больше других и ярче, чем лик солнца.

И говорили они:

— Все это принадлежит тебе, Иодасаф, за множество душ, которые ты обратил к богу.

А тот, который держал два венца, добавил:

— Один из этих венцов принадлежит тебе, Иодасаф, за деяния, совершенные тобой, а другой — отцу твоему, ибо он обратился и раскаялся.

Однако Иодасаф возразил ему с печалью:

— Какое может быть равенство между раскаявшимся и подвижником?

Тогда явился к нему Балавар и сказал:

— Вспомни, царевич, мои слова. Ныне, когда ты обрел богатство, ты стал на самом деле скуп и пожалел его даже для отца своего.

И, проснувшись, Иодасаф почувствовал, что окреп душой.

68. Прошло немного времени, и почил сам Иодасаф, предстал перед Христом, духовно окрыленный. Поблизости оказался некий святой человек, который положил тело его рядом с прахом Балавара, а затем отправился в страну Шолайт и рассказал царю Баракия обо всем, что видел.

Царь же Баракия поднялся со своим народом и с князьями, и все прибыли туда, где покоились тела обоих святых.

Их погребли в раковине, окованной золотом, и воздвигли там святую церковь для поклонения святой троице, и воздали усопшим великую славу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МУДРОСТЬ БАЛАВАРА

Перевод И. А. Джавахишвили¹

Рассказывал нам отец Исаак, сын Софрония Палестинского, и книга эта — мудрость Балавара, который находился в пустыне с отшельниками².

Благослови, отче!

Однажды я достиг [Еф]иопии и там в индийском книгохранилище нашел эту книгу, в которой описаны дела сего мира, весьма полезные для души.

^{1*} В Индии, в местности, которая зовется Шолайт, жил некий царь, и имя его — Абенес; он был язычник идолопоклонник, но чело-

¹ Перевод сделан с текста, изданного в Тифлисе Е. Такайшвили (см. „სიბრძნე ბალავარისი“, თეოლოგიის ინსტიტუტის გამოცემა, 1895 წ.); перевод по возможности близок к тексту; незначительные изменения, допущенные при переводе, объясняются невозможностью дословно передать некоторые грузинские выражения; в таких случаях в круглых скобках () помещен также дословный перевод; а в прямые скобки [] внесены слова, не имеющиеся в грузинском тексте. Рукопись, лежащая в основании издания, относится к 1779 г.; все остальные (А, Е, Д, В, С) переписаны во второй половине этого столетия; более подробные сведения об этом издании см. Записки Вост. Отдел. Русского Археолог. Общ., т. X, стр. 211—213. В и Д представляют более пространную редакцию, но существенно нового ничего не дают: большей частью их разночтения — многословное развитие соответственных мест основного текста.

² В рукоп. Д и С «Мудрость Балавара, сказанная отцом Исааком, сыном Софрония Палестинского».

* Вторая цифра указывает на соответствующую главу пространной редакции «Балавариани».

век кроткий, смиренный и очень милостивый к нищим¹. И не было у него сына.

24. И печалила его бездетность, так как он был очень богат, и он хотел оставить наследника над имуществом (досл. приобретенным). И молил он своих богов, чтобы они даровали ему способность производить детей; но боги эти никакого блага не в состоянии были ему оказать и потому тщетна была мольба его к ним; однако бог, который всем людям желает спасения, даровал ему сына, благого и годного для служения богу, за те милости, которые он оказывал нищим.

И исполнился царь радости великой, и дал сыну имя Иодасаф, и сказал: «Это мне сделали боги мои», и еще больше величал их.

И собрал царь множество звездочетов, философов и астрономов, чтобы они сообщили, что предстоит его сыну. Все они в один голос сказали, что младенец достигнет такой царской славы, какой не достигал никто, ни в одной местности Индии. Но среди них был один муж, более всех сведущий в мудрости; он сказал царю: «Царь, я так думаю, что слава, которой достигнет этот младенец, — не Мирская, ибо мне кажется, что он будет великим вождем по пути истины».

Опечалился царь, услышав это.

35. И отдал тогда приказ об удалении из пределов страны своей рабов Христа. И послал глашатая возвестить: «Так говорит царь Абенес — если только по прошествии трех дней кто-нибудь найдет христиан, да истребит их в страшных мучениях».

46. Однажды царь вышел обозреть окрестности города и увидел, что двое благочестивых выходят из города. И сказал он им: «Как вы смели не удалиться из моей страны, разве вы не слышали, как объявляя мой глашатай?» И они ответили: «Вот мы уходим». И сказал им: «Что же задержало вас до сих пор?»

И сказали они: «Неимение дорожной провизии».

Царь им сказал: «Кто боится смерти, тот из-за дорожных припасов не будет опаздывать».

И сказали они: «Если бы мы боялись смерти, то мы поторопились бы уйти, ибо мы от смерти ожидаем успокоения».

И царь сказал: «Как вы это говорите? Вот и теперь из страха передо мной вы уходите из моей страны, а это вы не от страха перед смертью делаете?»

И сказали они: «Не из страха перед смертью мы уходим из твоей страны, но для того, чтобы мы не были споспешниками твоего злодейства и виновниками твоего безбожия², но страх перед тобой никогда не проникнул в наши сердца».

Он отпустил их, но издал приказ, чтобы всех христиан, сколько ни найдут, сжигали.

56. Но у царя Абенеса был некий муж по имени Балавар; и был он благочестив, набожен и уповающий на Христа, и царь его очень любил, так как он был благообразен, осторожен и хорошо писал; он

¹ В С это предлож. выпущено; в Д и В написано: «Был по вере язычник и идолопоклонник, однако благообразен».

² В В и Д «Для того, чтобы мы не были для тебя причиной убийств и безбожия».

был выше всех приближенных у царя; и не знал царь Абенес, что он — раб Христа, и почитал его больше всех приближенных.

Однажды этот Балавар, идя, увидел, что на дороге лежит человек, искусанный зверем: у него были оторваны части (досл. члены) ног и рук, и плакал тот человек. И спросил его Балавар: «Отчего ты в таком положении, человек, и почему плачешь?»

Тот рассказал ему обо всем. «Я вам доложу следующее: я словосшиватель¹; звери меня искушали (досл. съели) и отняли члены, и если теперь кто-либо позаботится обо мне, в трудные дни я буду и его услугам».

Балавар не обратил внимания на его слова: но ему стало жаль его, и он приказал рабам посадить больного на лошадь и отвезти его к себе домой. Балавар приказал² домоправителю присматривать за ним и утешать его.

[Спустя некоторое время] идолопоклонники стали враждебно относиться к Балавару, так как они завидовали почету, который оказывал ему царь.

Они явились и доложили царю: «Царь, человек, пользующийся твоим доверием, — не твоей веры: как только он встретит христианина, всегда милостиво его приветствует, но теперь он хочет изменить тебе и захватить твое царство: со всеми изменниками твоего величества, которых он встречает, он старательно дружит и оказывает им почет».

И сказал царь им: «Если не так окажется, как вы говорите, плохо будет вам»³.

И призвал царь человека божьего, и начал испытывать его, и сказал: «Тебе известно, как разум мой погружен в дела мирские (досл. в мир), как провел я свои дни. Вижу, что я работаю без пользы, и боюсь, как бы не пришел конец (жизни) и не остался бы я ни с чем; так мне теперь хочется присоединиться к рабам божьим и трудиться для вечной жизни. Что скажешь ты мне на это, мой преданный советник?»

Лишь только человек божий услышал эти слова, он воспрянул духом, прослезился и сказал: «Живи, царь, вовеки, так как вместо преходящего ты избрал вечное и лучшее: величие мира сего — ничто; исчезнет оно, как призрак, и рассеется, как дым. Теперь направь свои сердечные помышления (на дело), так как хорошо, оставив преходящее, обрести вечное житие». Тяжко стало от этих слов царю, и исполнился он недовольства, но не открылся ему в этом. Но Балавар догадался, что ему расставили сети, хотя не знал, каково это испытание. Он очень беспокоился; всю ночь ту провел в бессоннице; но вспомнил он о словосшивателе⁴, призвал его к себе и сказал ему: «Ты сказывал мне, что рану исцелишь словом».

И сказал ему тот муж: «Да, не нужно ли тебе чего-либо?»

Он сказал: «В продолжение стольких лет я служил царю и нигде

¹ Д и В «Я человек, [обладающий] искусным словом».

² А добавляет «Когда привели...»

³ Д «Плохо будет вам, и я воздам вам возмездие», В добавл. «Я испытаю его», — и начал испытывать».

⁴ В и Д «Об искусном в слове».

не видел в нем недовольства мной, так как верно служил я ему; сегодня я видел его, и думается мне, что не мир в его [душе]».

И сказал пострадавший: «Что произошло между тобою и им?»

А он сказал: «Мне ничего не известно, исключая того, что он об одном деле сказал, а я ему посоветовал наилучшее, но, кажется, он меня только испытывал, а я-то ему все высказал».

И сказал пострадавший: «С помощью Христа и силой креста я исправлю дело это (досл. исцелю эти слова); знай, — царь подозревает тебя во зле, потому что он считает тебя вероломным и думает, что ты [хочешь] завладеть его царством. Так завтра встань и думаешь, волосы на голове, раздери одежду твою, облачись в траур и так войди к царю; если он спросит, что это значит, ты скажи: «К чему ты призывал меня вчера, я готов [исполнить], ибо без тебя я не хочу жить: ты приобрел меня ко всем благам царства твоего, ныне я обязан приобрести к твоим земным страданиям, чтобы вместе с тобой страдать и удостоиться вечности».

И поступил этот человек, как научил его пострадавший, и вышло подозрение из груди царя, и разгневался он на доносчиков Балавара. Возрадовался Балавар и вновь отрастил волосы на голове. Но опять явилась зависть к Балавару у тех начальников, и сказали они царю: «Царь, если ты осмотришь шею¹ Балавара, то увидишь крест, которому он поклоняется, боги же наши, по его мнению, достойны осмеяния». Царь думал, что они про Балавара говорят опять ложь, протянул руку и увидел на груди его золотой крест. И сказал царь: «Что это за заблуждение, Балавар?»

Но Балавар сказал: «О царь, я не заблуждаюсь, ибо с младенческих лет я служу Христу и поклоняюсь кресту, на котором он простер свои руки нашего ради спасения; но и тебе служа, я не делал упущений; однако теперь, раз открылось, что имя господина Христа со мной, я не отвергну божественности его; если же ты изрежешь мое тело или сожжешь огнем, — душу мою предаю в руки его». Сказал ему царь: «Не говори этого, мой любезный Балавар, так как ты вельможа и первый человек у меня. Если ты поклонись богам моим, я дам тебе и другие города и все сокровищницы опорожню для тебя, так как ты любимец мой; но если ты этого не сделаешь, я истощу тело твое тяжкими муками и не вспомню про любовь твою». Тогда божий человек снял золотой пояс, унизанный драгоценными камнями, положил его перед царем и сказал: «Хоть бы даже ты возложил на мою голову корону царства своего, и такой почестью не поколебать моей веры во Христа; если же ты мучениями истощишь тело мое, — этим не устрашить меня: блага небесные, которыми мы наслаждаемся вечно, выше земных; а муки ада, которым подвергнутся противники бога и богоотступники, прегорьки. Я готов, царь, претерпеть мучения, — не медли, дабы раньше предстать мне перед лицом господина моего и там успокоиться навеки».

После этих слов царь стал мягче и сказал: «Горе мне, мой любезный Балавар, как ты лишил меня всякой надежды, — ты ослушался повеления! Так иди из моего царства, чтобы не доноси-

¹ В «Грудь».

лось до слуха моего вестей о тебе, а если встречу [тебя] еще [где-либо], то не повинен я в крови твоей».

И оставил человек божий переходящее величие и пошел к пустынным служить богу нашему Иисусу Христу.

64. Царь построил сыну своему город и приказал ему пребывать там и не допускать оставаться в нем (городе) старикам. Приставил он верных слуг, чтобы они прислуживали сыну, а в воспитатели он дал Зандана¹. И сказал он ему, чтобы стариков или больных он не показывал ему, а о смерти и не заикался, так как ему хотелось взрастить его в веселии и приволье, чтобы ничто не беспокоило его, ни старость, ни немощь, ни смерть.

77. Когда из него вышел прекрасный отрок, то отец старался, чтобы, по достижении зрелого возраста, он не остался без необходимого царям научного образования.

Юноша был крайне восприимчив к мудрости, способен к учености и вытлив во всех предметах и вопросах ума. Царь дивился делам юноши и предсказанию звездочета. К юноше он никого не допускал, а сам часто навещал его, так он любил его; и никого не допускал к нему, а юноше не позволял выходить за город. И начал беспокоиться юноша и раздумывать по этому поводу, а потом сказал: «Отец старше меня, ему известно, что для меня лучше». Когда он достиг совершенства в мудрости, он подумал про себя: «Я уже взрослый, почему бы мне не избрать лучшего и не выяснить, что означает мое заключение?» Сказал: «Спросить отца о причинах заключения, — он правды не скажет, как бы еще не повергнуть его в тревогу». Он начал почтительно обходиться со своим воспитателем, оказывал ему большие почести и обещал еще впредь; он сказал: «Если ты мне сообщишь правду о том, что я тебя спрошу, большой почет обретешь от меня при вступлении моем на престол; если же ты скажешь неправду, то конец моей любви к тебе». И он сообщил все, о чем [царевич] спросил, но [предварительно] сказал: «Если ты спросишь все, что я тебе расскажу, тогда я доложу тебе». Когда он взял с него слово, он сказал: «Что же тебе нужно?»

А он сказал: «Что значит мое заключение в городе?»

Воспитатель в ответ² сказал: «Я изложу это дело и дам тебе все понять; когда ты родился, отец твой крайне возрадовался; он пригласил всех звездочетов и спросил их о твоём рождении: все они сообщили, что ты достигнешь великой славы, но ученнейший из всех сказал: «Царь, сын твой достигнет наивысшего царского величия, и мне кажется так, что он будет великим пастырем по пути истины³, противником твоей веры, и проповедовать будет не тех богов, которым ты поклоняешься и служишь». Потому отец твой испугался, как бы ты не уклонился от воли его, не принял бы чужой веры сам, не ввел сюда благочестивых и не полюбил бы их». И сказал юноша: «Что это за люди — благочестивые?»

А он ответил: «Они такие же люди, как и мы, но служат богу

¹ В основной рукописи в этом месте «Зандар».

² Тут и во всех подобных случаях в оригинале — «Ответил и сказал», но мы везде переводим «В ответ сказал».

³ В В и Д пропущены следующие слова до слова «служишь».

небесному; а отец твой одних из них замучил, других смег, третьих удалил из своего владычества».

И сказал ему Иодасаф: «И никого нет больше из них в нашей стране?»

А он сказал: «Нет, никого».

Когда Зандан все разъяснил юноше, он ничего больше не возражал ему.

37. Когда пришел его отец, сказал: «Я хочу узнать об одном деле, которое меня сильно мучит и беспокоит».

И сказал отец: «Спроси, дитя мое!» Он ответил: «Отец мой и господин, почему меня заключили в этом месте, и по какой причине ты воспрещаешь входить людям ко мне?» Он сказал: «Для того, сын мой, чтобы не было сердце твое озабочено, чтобы оградить тебя от всяких страданий». Юноша сказал: «Знай, что, поступив со мной так, ты все мои удовольствия обратил в горечь, так как я сильно желаю выйти за город (досл. за городские стены). Вот и теперь умоляю тебя, отпусти [меня] и я осмотрю, — нигде я не преступлю заповедей твоих». Опечалилось (досл. стеснилось) сердце царя при этих словах, и подумал он про себя (досл. в своем сердце): «Если я воспротивлюсь его желанию, страдания его умножатся, и все радости [его] я уничтожу».

И сказал он: «Сын мой, если только тебе хочется, садись верхом и поезжай с людьми и будь по желанию своему».

И сообщил царь тем, которые сопровождали отрока, чтобы они шли впереди его и, если только встретят людей старых или одержимых болезнью, уводили бы [их] с дороги, дабы он не видел судеб человеческих и не стало бы ему тяжело от этого скоропреходящего мира. А они так и поступили.

Но раз ехал этот юноша и увидел двух людей: один был изуродован, другой слепой, которого вел другой человек; и испугался царевич и спросил о них; и сказали ему: «Это — люди, но с ними случилось недуг, как это случается и с другими».

И сказал он: «Это случается со всеми людьми?»

А они сказали: «Нет, с некоторыми, ибо с одними случается, а другие этого избегают».

И поразился он в разуме и возвратился домой отягченный горем.

Потом, когда он вторично вышел, приближенные, шествовавшие впереди, были невнимательны; на дороге лежал изнуренный старец, волоса которого были белы, как шерсть; он был без зубов и говорил с присвистом. И царевич, как проходил, заметил его и ужаснулся и сказал воспитателю Зандану: «Что это такое?»

А тот сказал: «Он тоже человек». Но он спросил: «Что же сделало его таким?»

А он сказал ему: «Долгие годы». И спросил он: «Что такое год?»

Зандан ответил: «Двенадцать месяцев».

«А что такое месяц?»

«Четыре недели».

«Во сколько лет становятся такими?»

Ответил: «В 80 лет или 100».

А он был сообразителен и полон мудрости, высчитал месяцы и

годы и сказал: «Как я вижу, день быстро следует за днем, год за годом, и 100 лет скоро исполнится, а что тогда-то предстоит этому человеку?»

И сказал ему Зандан: «После этого — смерть!»

И сказал Иодасаф: «А что такое смерть?», и Зандан уже не мог ничего скрывать и сказал: «Исчезнет память о нем на земле!»

И сказал он: «И с моим отцом и с тобой так же будет?»

И сказал: «Да, так будет и с тобой, и со всеми людьми; это еще ничего, если они такого возраста достигнут, но ты знай и то, что одних, как родится, тотчас похищает смерть, других — лишь подрастут немного, третьих — когда возмужают».

И сказал он: «И мне тоже предстоит смерть?»

«Да, не только тебе, но всем людям».

Тогда царевич пришел в смятение, сердце его вскипело горечью, и плакал он и говорил своему воспитателю Зандану:

«Нет ли страны, где не предстояла бы человеку немощь, в какой я видел перед этим тех немощных, а теперь этого старца? А все-таки смерть мне показалась страшнее».

И опять бил он себя в грудь, плакал и приговаривал: «Скажи мне, есть ли страна, в которой я избавлюсь от болезни?»

Тогда расплакался и воспитатель Зандан и сказал: «Нет такой страны, царевич, в которой люди избавились бы от смерти».

И снова спросил он: «Во что обращаются люди по смерти?»

Сказал ему Зандан: «Благочестивые говаривали, на небе-де бог, который создал небеса и землю, моря и бездны¹, солнце, луну и звезды; по его велению происходят землетрясения, воздух и гром² и ветры; и человека-де он создал из земли руками и вдунул в него душу бессмертную. И если ему кто-либо будет служить, поступать по заповедям его и поклоняться ему, тому предстоит рай и царство небесное. Бог возьмет его после смерти туда и упокоит. А философы твоего отца одни считают душу бессмертной, другие смертной».

Когда Зандан перестал говорить, царевич повернулся и пошел домой. И размышлял он: «Нет, суетна жизнь в этом мире после того, что я видел и слышал». С того момента он раздумывал, что ему сделать; он уже ни во что не ставил радости земные и вместе с тем был ласков с отцом: когда он приходил к нему, он начинал ласкаться, а когда он удалялся, думал про себя: «Боже небесный, пошли мне кого-либо из рабов твоих, да укажет он мне путь истины, чтобы шел я по нему и исполнял заповеди твои».

39. Тогда Балавар узнал святым духом, что царевич желает видеть служителей бога; встал он, отправился из пустыни, пришел в мир, переоделся в платье купца, взял в руки ларец и подошел ко двору царевича. И сказал он привратнику: «Войди и сообщи Зандану, что тебя-де ожидает чужестранец издалека».

Привратник вошел и сообщил; воспитатель Зандан вышел, и сказал ему Балавар: «У меня есть благородный камень; если угодно, возьми его для царевича: этот камень лучше красной³ серы, ибо

¹ Д «Реки».

² А добав. «Молнии».

³ А «Светлой».

слепым он открывает глаза, глухим дарует слух, немым — язык, немощным — исцеление, людей с недостатком обогащает. Дарует победу над врагами¹ и исполняет всякое сердечное желание».

Зандан ответил: «Человек, я не вижу [в этом] ничего безрассудного, но твои речи чрезмерны; боюсь, чтобы благодаря тебе перед царевичем я не оказался лжецом, покажи мне теперь, я посмотрю и так доложу ему об этом».

Сказал ему Балавар: «Никто не может увидеть его, если только он не обладает двумя качествами: остротой (досл. осторожностью) зрения и чистотой плоти². Но если увидит его близорукий (досл. тяжело видящий) и грешник, — он лишится зрения и сообразительности ума. Я врач, и замечаю близорукость твою, боюсь, как бы у тебя не отнялось зрение. Но я слышал о беспорочной жизни царевича; к тому же он молод, зрение у него острое, — вот он сможет видеть его. Не колеблясь, скажи ему, ибо, если это дойдет до него, тебе будет оказан большой почет, чем твоими товарищам», — и он показал ларчик, который был у него.

Тогда воспитатель вошел к царевичу и рассказал обо всем слышанном от Балавара.

Между тем душа юноши жаждала видеть такого человека, от которого бы он услышал душеполезную беседу; и когда Зандан рассказывал ему чудные вещи про камень⁴, он почувствовал в душе, что нашел желаемое, и приказал вести к себе этого человека.

10¹⁰. И когда Балавар вошел, он встал перед царевичем и благословил его. Царевич со своей стороны, как подобает, осведомился о нем с почтением; потом он приказал воспитателю удалиться⁵, а Балавару — показать тот камень.

Балавар в ответ сказал: «Мне не следует причинить тебе что-либо по неосторожности, ибо сокровище мое (досл. сосуд мой) именно таково, как это тебе сообщил воспитатель: если его увидит слабоумный — он лишится зрения. Вот теперь я хочу испытать тебя на словах, если ты будешь в состоянии [выдержать испытание], я покажу тебе: для тебя именно и не для кого другого, я и принес его; и я уповаю на бога, что ты достиг той меры [совершенства, которая необходима для того], чтобы видеть его. Если богу будет угодно, ты достигнешь, ибо, царевич, ты меня, бедного, принял и заранее оказал ни с чем не сравнимый почет».

Царевич ответил: «Я сделал это потому, что мне предстоит полезная беседа с тобой».

¹ А и В добав. «В бою».

² В В и Д — «Осторожностью глаз, чтобы они ни на кого не смотрели взором злобы, и чистотой плоти, чтобы она еще не была осквернена; но если кто-либо другой, грешник, увидит, — он лишится зрения, слуха и сознания».

³ В В и Д — «В глазе твоём тяжкий грех твой».

⁴ В и Д «Про вид того чужестранца».

⁵ В и Д «И вышел воспитатель, тогда он приказал».

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

11¹¹. И сказал Балавар: «Нет ничего удивительного, что ты смелой так обошелся, — ибо был некогда царь добрый и ищущий истины. И когда он раз шел по пути в сопровождении громадного количества народа, увидел он каких-то людей с бледно-желтоватым цветом лица, одетых в негодные платья, лохмотья. Но царь узнал их, поспешно слез с коня и обнял их. Когда вельможи увидели это, они [это] сочли за неразумие, но сами не осмелились что-либо сказать; они подошли к его брату, который был смел с ним, и сказали: «Сообщи брату твоему, чтобы он больше не делал этого, ибо он поклонился недостойным людям». А тот подошел и сообщил об этом [брату]; но царь не дал ответа.

И был обычай в его царстве: лишь только царь гневался на кого-либо, он посылал рабов и [приказывал] пред воротами того человека трубить в рог смерти. И спустя несколько дней он отправил рабов и сказал: «Подите, затрубите в трубу смерти у ворот брата моего».

И они отправились и сделали так. И когда брат царя услышал звук трубы, он испугался и начал плакать и бить себя по голове, затем оделся в саван и отправился с женой и детьми во дворец брата своего, посыпая пеплом свою голову.

Тогда царь приказал ввести их, и плакали они, а царь сказал ему: «Как это тебя испугал глашатай брата твоего: разве ты не знаешь, что брат твой и его глашатай — твари; что они не могут ни направить, сколько-нибудь волю его, ни отратить участи своей. Как же ты удивлялся, что я пал ниц перед теми, которые были глашатаями господа нашего Иисуса Христа, которые напоминают и возвещают мне «вечных мух»; причем я сам знаю множество прегрешений моих перед ним. Но обличу же я дела тех, которые обвиняют меня перед тобой, зачем-де оказываю я почет рабам божьим!»

12¹². Однажды вошел он в свое казнохранилище и вынес сундуки, украшенные золотом и алмазами; приказал принести из мусора вонючий кал, кости трупные и прочую отвратительную гниль; все это вложил в сундуки, закупорил и запечатал; потребовал еще другие деревянные сундуки, безобразно сколоченные и осмоленные. И вложил он в них драгоценные камни и все, что наилучшего нашел в своей казне, а также много всяких благовоинных вещей; запер также и эти сундуки. И призвал он своих вельмож; во время веселья он приказал казнохранителю принести сундуки. Внесли и поставили. Он приказал своим вельможам оценить эти сундуки. Они не догадались и сказали царю: «Те сундуки не стоят того, чтобы встречались у нас во дворце, а этим, вторым, — нет цены».

Тогда царь приказал открыть дорогие оцененные сундуки. Открыли, и поднялся такой страшный смрад, что все приложили руки к лицу; и выкинули из них всю мерзость; царь приказал открыть также мерзкие сундуки, и понесся оттуда такой благовоинный запах, что весь смрад заглушил; и достали оттуда дорогие наряды и камни.

И сказал царь: «Выслушайте, все вельможи: красиво обделанные драгоценные сундуки — это мы, которые одеваемся в разноцветные платья, тогда как душа наша внутри полна грехов и смрада. А во имя бога унизившие себя, обнищавшие и пожелтевшие от постов и

молитв имеют душу так же полную благовония, как в сундуках этих находится благовоние; и перед богом они светят подобно этим драгоценным камням. Между тем вы меня обвиняете за приветствие рабов божьих, душа которых внутри вот именно такова. И это, царевич, твое подобие, так как ты оказал мне почет из-за того доверия, которое ты питаешь ко мне».

1313. Тогда встал царевич с сиденья и сказал: «Блажен я, так как достиг предмета стремлений души моей, которого я домогался».

И повернулся он к Балавару и сказал: «Твое слово благо и истинно, и, кажется, это-то и есть тот драгоценный камень, который ты скрываешь, ибо он укрепляет сердце, просветляет очи и усиливает разум. И если это так, как я думаю, дай мне вместо камня слово твое и совлеки печаль с сердца моего».

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Сказал ему Балавар: «Уста божьи глаголют в притчах евангельских, обращенных к народу: вышел сеятель и начал сеять; иное [семя] упало по дороге, и птицы поклевали; иное — на скалу, на которой не было земли, и взошло и засохло, так как корни не прикрепились; иное — среди терния, и взошло, и терние заглушило его. Но иное упало на землю добрую, взошло и принесло плод обильный».

А сеятель тот — податель мудрости, и семена — слова истины. Иное упало на дороге, и птицы поклевали — это, когда уши что-либо слышат, но оно от сердца ускользает; иное упало на скалу, взошло и засохло — это тот, который один момент послушает, но потом это не утвердится в мыслях его и засыхает. То, что терние заглушило зерно, — это то, как люди словам внимают, и лишь взойдет [зерно], страсти и занятия мирские [его] заглушают. Но то, которое взошло и дало обильный плод, — это то, что глаз срывает, сердце собирает, разум направляет; оно низвергает похоть, очищает сердце от страстей и дает плод».

Сказал ему царевич: «Уповаю на бога, что все тобой во мне посеянное возрастет добром и даст плод. Теперь расскажи мне притчу о мире, как он соблазняет людей».

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

1414. Балавар сказал: «Мир сей подобен человеку, которого преследовал разъяренный слон; загнал он его в страшную яму, и увидел человек деревья куда он и влез; и еще увидел двух мышей — белую и черную, которые грызли корни того дерева, на которое взобрался человек; он посмотрел вниз в яму и увидел дракона, который раскрыл пасть и желал проглотить его; взглянул наверх, — заметил немного меду, который вытекал из дерева. И начал он лизать мед и уж не вспомнил о той опасности, которой он подвергался. Но мыши [между тем] обгрызли дерево, и человек свалился, слон схватил и бросил его дракону. Теперь слон, царевич, — это образ смерти, которая преследует сынов человеческих; деревья — мир, и мыши — дни

и ночи; мед — сладости сего мира, вкушение мирских [удовольствий] развлекает человека, и исполняются дни и ночи, и смерть похищает его; а в аду его поглощает дракон, — и вот такова жизнь людей».

1515. И сказал царевич: «Ты оживил душу мою этим [рассказом], а теперь изобрази мир и любящих его».

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Балавар сказал: «Мир сей подобен следующему: человек некий имел трех друзей. Одного из них он любил больше других, другого он также любил, но третий друг был у него в презрении. Спустя несколько дней того человека постиг гнев царя; и собирались вести его судить; и зашел он к своему возлюбленному другу и сказал: «Ты знаешь, дорогой мой, как я люблю тебя; вот меня поведут на суд, помоги мне в этой беде». И сказал он в ответ: «Я теперь тебе не друг, я и не знаю тебя; у меня другие друзья, с которыми я буду веселиться. И дам тебе два платья, но и те не пойдут тебе впрок». И отправился он ко второму другу и сказал: «[Вспомни] мою любовь, которую я питал к тебе; вот ведут меня судить, помоги мне в моей беде».

Он ответил: «Не до тебя мне сегодня, ибо достаточно мне своей беды; иди ты своей дорогой, отныне я уже тебе не друг; но все-таки несколько провожу тебя, а потом возвращусь² заботиться о себе». И отправился он к третьему другу, которого он ненавидел, и сказал ему: «Мне стыдно [перед тобой], но я в опасности, поэтому я пришел к тебе, помоги мне, хотя с тобою я и нехорошо поступал».

Но тот с радостью³ сказал: «Я друг твой, который запомнил твоё малое благодеяние, теперь с лихвою воздам тебе: я пойду с тобой, утешу тебя в беде и не предаю тебя в руки врагов твоих». Тогда он начал раскаиваться и сказал: «Отчего я не тебе оказал все то добро, которое напрасно поразил на тех двух друзей?» Царевич сказал: «Разъясни и смысл этой притчи мне, святой».

Сказал ему Балавар: «Первый друг — это сребролюбие, на которое люди очень падки; но он (человек), кроме двух одежд и савана⁴, ничего не возьмет с собой, когда его похитит смерть и он предстанет на суд; и второй друг — это жена и дети, которых он любит и о которых он всегда заботится, но в день судный они ничем не помогут, проводят только до могилы, а потом начнут заботиться о себе. И третий друг — своя (досл. собственная) душа; и не делает он (человек) ей добра, но кто сделает ей добро, тому сторицей заплатит перед богом, ибо во сто крат воздаст ему бог».

¹ Этого слова ни в нашем тексте, ни в А не имеется и внесено оно из С: «Вспомни любовь мою, которую я питал к тебе»; В, Е, Д «Где любовь твоя ко мне?»

² В, Е и Д «К себе домой и больше не буду другом твоим».

³ В «Горючо».

⁴ В А и С «Двух одежд — савана и пелен».

1616. Царевич сказал: «Я знаю, что ты поистине исполняешь все то, чему учишь».

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Теперь расскажи мне притчу, как искушает мир сей [людей] и каким средством возможно избавиться от него¹.

Балавар сказал: «Я сообщу, каким способом можно [избавиться], ибо существует город, и таков обычай в нем, что чужеземца ставят царем на год или на полгода; и, когда год исполняется, срывают с него порфиру царскую и отправляют в ссылку с двумя одежнями. Но раз кого-то выбрали, и он узнал недобрый [обычай] этого города; он приглашал чужеземцев, бедняков и давал им тайно сокровища, чтобы они понесли в страну, в которую его сошлют; когда этого человека сослали и он прибыл на место [изгнания], все его богатство застал он в сохраненном виде и обрел рост в семь крат и радуется ныне и во веки».

Сказал царевич: «Разъясни и это». А он сказал: «Истинно город тот — весь мир, и люди владеют им и царствуют, и знают, что спустя некоторое время им надлежит умереть, что их предадут могиле в двух одежнях; и вся жизнь людская — один день; смерть и предание земле — ссылка. Кто сообразителен, тот даст тайно беднякам, чужеземцам, немущим, голодным и нагим; и будет он творить милостыню спокойно и смиренно; но господь, видящий сокровенное, воздаст за милостыню явно благами там, где ни вор не похищает, ни червь не точит; и там он возрадуется во веки веков²».

1723. Иодасаф сказал: «Разве моему отцу нигде не приходилось слышать такие речи? Ибо речи эти, которые ты мне говоришь, просветляют сердце мое, веселят мои мысли, и премного радуется мой душа».

Балавар сказал: «Нет, так подробно он не слышал».

Иодасаф сказал: «Отчего же мудрецы не трудились над этим?»

Балавар сказал: «Потому, что знали о его нерасположении воспринять [учение], и повременили рассказывать, ибо они не находили удобного случая для рассказа, и для того, чтобы он воспринял».

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Балавар сказал: «Эта притча о царствовании того, который управлял делами мирскими. И был при нем советник его, человек добрый и верный, далекий от всякого злого дела. И советовал все царю благое для людей; он был религиозен и благочестив; когда он видел, что царь поклонялся идолам, он очень возмущался и страдал».

¹ В А, С и Е заглавие «Рассказ пятый» помещено после этого предположения.

² В Е, Д «Аминь».

как страдает всякий за своих детей; и ему часто хотелось завести разговор при нем о вере; и он спросил своих друзей по этому поводу. А они ответили: «Ты знаком с его душевным настроением, — если найдешь удобный случай, скажи ему, но необходима и осторожность, так как неусыпен дьявол: во зло как бы он не внушил ему страха к тебе и не причинил тебе зла».

Сильно страдал тот муж за царя; и сказал царь ему в одну ночь: «Пройдемся в эту ночь по городу, дабы узреть дела людские».

Пошли и в пути наткнулись на кучу мусора; посмотрел царь и заметил какой-то свет, [исходящий] оттуда, как бы от огня. Когда они приблизились, они заметили нечто вроде пещеры, вырытое в мусоре. Там были мужчина и женщина, одетые в лохмотья и поношенные одежнии; и когда они смотрели¹, им послышались звуки песен, и муж тот сидел за трапезой на помете, а женщина плясала перед ним и восхваляла [его] так, как подобает [величать] царей; она величала его царем, а он ее — царицей, и радовались оба и наслаждались. Царь и советник долго смотрели и наблюдали за их действиями и, изумленные, ушли. И сказал царь советнику: «Нам не так нравится наша жизнь, как сим убогим их жизнь, и мы не так веселимся, как они; и думаю я так, что все дни свои они живут в такой радости».

Тогда советник нашел удобный случай, чтобы высказаться, и сказал: «Не думай, царь, что величие и царство, которыми мы наслаждаемся, считаются таковыми в глазах тех, которые спасаются благочестием; хоромы с золотыми изваяниями, которые мы воздвигаем для себя, великолепие вида и блеск одежд несколько не удивляет их, так как они видят нерукотворные небесные храмы, ослепительные одежды; и радуются они потому, что в них они наслаждаются навек: это уготовил господь возлюбившим его».

И сказал царь: «Знаешь ли подобных сведущих людей?»

А он сказал: «Истинно, есть люди, которые служат богу, покинули все земное и возлюбили вечность, ибо испытали мир и нашли все бесполезным и преходящим». Сказал царь: «А что такое вечное житие? Разве с ним не связаны горечь и богатство?»

Сказал ему собеседник: «Царствие вечное есть радость нескончаемая, с которой² не связаны (досл. последует) богатство и печаль, с которой не связаны нищета и радость, с которой не связаны страдание и здравие, с которой не связаны болезнь и царствование, с которой не связаны кончина и [прощальное] «мир [вам]», с которой не связаны страх и спасение, которой не возмутит смерть, ибо тот мир нетленен; и все это получают те, которые возлюбили его».

Царь сказал: «А есть кто-либо, достойный места моего, или кто может войти в него?»

Советник сказал: «Ни для кого из желающих не закрыта дверь».

Царь сказал: «Скажи мне, какая туда дорога?»

Сказал ему: «Служение богу единому, который сотворил всякую тварь».

¹ А добав. «Царь и приближенные его».

² В и С «с которой не связано страдание, с которой не связана нищета, с которой не связана болезнь, с которой не связана кончина».

Сказал царь: «Что удерживало тебя до сих пор от рассказа мне об этом пути?»

Советник сказал: «Страх перед царским твоим величием».

Царь сказал: «Если это так [как ты говоришь], не должно быть небрежным; примемся, ибо нам нужно работать, чтобы достигнуть жизни невозмутимой!»

И сказал советник: «Так ты теперь повелеваешь мне постоянно, время от времени, возвещать и докладывать?»

Сказал ему: «Не время от времени, но днем и ночью непрестанно да будет [продолжаться] поучение твое».

Потом царь начал служить богу и удостоился войти в то место, о котором говорил ему советник, и оба спаслись навеки.

18². Иодасаф сказал Балавару: «Нет вовсе в сердце (досл. разуме) моем любви к миру; напротив, я желаю вечного жития; и я ныне решил жить с тобой и переносить трудности жизни твоей».

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Сказал Балавар: «Если ты поступишь так, ты уподобишься тому богачу, который породнился с бедняком; мы слышали, что был некий юноша, сын какого-то богача; и отец сосватал ему в жены дочь вельможи, но он не захотел и бежал от своего отца. И во время своего путешествия он увидел дочь какого-то бедняка; в отворотной одежде сидела она у порога своего дома, занималась рукоделием и благодарила бога».

Сказал ей юноша: «Кто ты, женщина, или за какие блага ты благодаришь бога?»

А она сказала: «О негодный незнакомец, разве ты не знаешь, что немного лекарства избавляет человека от тяжелых болезней; так и благодарение за малое благо дарует большее [благо]. А я дочь одной бедной старушки и жду милости божьей».

Тогда позвал юноша старуху; она вышла, и юноша ей сказал: «Если хочешь, отдай мне в жены твою дочь».

Та сказала ему: «Дочери бедняка не подобает быть твоей женой, ибо ты сын богачей».

Сказал ей юноша: «Так как я видел мудрость и благоразумие дочери твоей, мне приятно иметь ее женой; вот дочь богача была обручена со мной, но я не захотел ее взять, а если ты согласишься обречь меня, если богу угодно».

И сказала ему старуха: «Тебе хочется взять мою дочь, а если отцу твоему не будет угодно?»

А он сказал: «Если [ему] не будет угодно, я здесь останусь!»

И юноша вошел в дом старухи, снял одежду и облачился в платье бедняка. И стала старуха испытывать его и испытала характер его, и когда нашла его разумным и узнала, что любовь его не порождена похотью, взяла его за руку и ввела в сокровищницы свои и показала свои прелестные драгоценности, подобных которым нигде он не видел. И сказала: «Сын мой, все это — твое и отныне радуйся», и исполнился юноша радости.

19²⁵. Сказал ему Иодасаф: «Притча была про меня, если господу угодно, а ты говоришь, что старуха испытала его, — как же ты хочешь испытать меня?»

Он сказал: «Бога бойся, и подчиняйся воле его, и удались от воли мира, и тогда не погубит бог трудов твоих и не подвергнет тебя испытанию превыше сил твоих. И буду я молить господу нашего Иисуса Христа, творца неба и земли, святую троицу, которой нет конца, странную и благую, всемогущую, милостивую, невидимую, неизреченную, и господу, человеколюбивого, всеведущего, а не неведущего, перед которым трепещут все творения, чтобы освятит он тебя как истинного вождя добра, пример благочестия, достойный, чтоб указывали на него пальцем, дающего зрение слепым и слух глухим, любящего святых и ненавидящего страсти, пока не доведет тебя с нами до тех мест, которые обещал нам устами са, пророков и апостолов и которые мы, как мы надеемся, удостоимся получить».

От этих слов возгорелось сердце Иодасафа, и он начал плакать, и потом сказал Балавару: «Сколько тебе лет?»

А он сказал: «Восемнадцать».

И сказал он: «Как же ты это говоришь мне, когда ты старец свыше шестидесяти лет?»

Балавар ответил: «Со [дня] рождения мне 60 лет, но с тех пор, как я посвятил себя вполне богу, 18 лет¹, ибо раньше я был мертвым, и 18 лет, как я живу».

Иодасаф сказал: «Какой же мертвый тот, который ест и пьет? И если прежнюю жизнь ты не считаешь жизнью, тогда и смерть предстоящую должно считать за ничто».

Балавар сказал: «А разве приход мой к тебе не доказывает, что я жертвую собой, ибо я знаю злобу, [пытаемую] отцом твоим ко мне; и не боюсь я смерти, если только умру во служении богу; и он рассказывал всю свою жизнь подробно и по какой причине удалился он в пустыню».

20²⁶. Сказал Иодасаф Балавару: «Скажи мне притчу о мудрости и почему у нашего народа такая мудрость (С, Д: столько твердости) в любви к идолам?»

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

А он сказал²: «Какой-то человек поймал соловья и начал резать его; но соловей сказал: «И для чего ты хочешь меня убить, ведь во мне нет ничего, чем бы наесться тебе; если ты отпустишь меня, я научу тебя трем заповедям; если соблюдешь их, спасешься и благо тебе будет».

Он внял; и сказал [соловей]: «О недостижимом не старайся, в прошлом не раскаивайся и, какого зла не желаешь себе, не делай и другому, — и спасешься».

¹ В тексте, с которого сделан перевод, написано «12 лет», во всех других списках: «18».

² В В этих слов нет.

И он отпустил [соловья]. Соловей сел на высоких ветвях дерева, ибо хотел испытать этого человека, насколько он запомнил эти заповеди, и закричал сверху: «Человек, если бы ты знал и зарезал меня, в зобу моем находилось жемчужное зерно величиной в страусовое яйцо, и им ты приобрел бы большое сокровище».

Когда это услышал человек, он начал расканваться; хотелось ему снова поймать и зарезать соловья.

Сказал он: «Так как ты научил меня заповедям, приди ко мне домой, ибо зима суровая, а я хорошо позабочусь, и предоставлю тебе поной и отпущу, — больше у меня нет ничего, чтобы воздать тебе».

Сказал ему соловей: «Тщетно я учил тебя заповедям, ибо все три заповеди ты сейчас же забыл: во-первых, освобождение мое уже совершилось (соб. прошло), а ты теперь расканываешься; во-вторых, поймать меня невозможно, а ты стараешься; в-третьих, ты себе не желаешь смерти, а меня хочешь зарезать. Теперь я испытал тебя, как ты будешь соблюдать заповеди; и как же ты веришь, что в моем зобу находится величиной в страусовое яйцо жемчужное зерно, когда я с перьями не составляю даже части страусового яйца?»

Итак, царевич, если ты неразумных людей будешь учить, они не выучатся и преступят заповеди божьи, и будут доказывать свои измышления, ибо руками своими сотворили идолов и поклоняются [им], как божеству, и говорят: «Они избавители наши от зла»; и свое достояние тратят они на них, ибо в них [этих идолах] поселились бесы, и в них верят; и не догадываются, что один бог, отец и вседержитель, творец неба и земли, господь наш Иисус Христос и св. дух, который от отца исходит; только он творец, а другие — твари; только он вневременен и другие временны; только он могуч и все бессильны; только он высок, а все низки; все через него начало быть, и без него ничего не начало быть, что начало быть, ибо он благ, милостив, великодушен и человеколюбец, и уготовил покорным удовольствия, а непокорным мучения. Он, прославленный в трех лицах и в едином естестве, сделал тебя ищущим воли его, чтобы ты спасся силой единосущной троицы; если ты соблюдаешь заповеди его, ты познаешь заповеди его, как следует».

2127. Иодасаф сказал: «Какое дело угодно богу?»

Он ответил: «Такова заповедь божья; что пожелаешь самому себе, сделай то ближнему твоему; чего себе не пожелаешь, не причиняй того и другому. Твори молитву и мольбу и днем и ночью, и да будет тебе крест его на победу над врагами, ибо им (т. е. крестом) спас нас [господь] от смертных страданий!»

Сказал Иодасаф Балавару: «Соблюдением заповедей достигает ли человек воли божьей?»

Балавар сказал: «Воистине достигает».

Иодасаф сказал: «Если это так, то почему вы возненавидели блага, которые находятся в этом мире?»

Балавар сказал: «Два обстоятельства побуждают нас к тому: во-первых, наивысшие блага земные не сравнятся с малыми радостями небесными, а если кто потрудится, то достигнет наивысшего почета, кроме того, [на земле] зависти немало между ближними, ибо не равны между собой платящие подать и добровольно приносящие подарки; с другой стороны, чтобы мы, взявшись за данные удовольствия,

не погрузились в незаконные деяния, что будет причиной погибели. Если же вы отдалитесь от него (сего мира), большее спокойствие и мир будет среди вас. Если кто-либо приблизит свои стада к посевам, он не будет сердцем спокоен, так как если вздремнет или будет невнимателен, скотина попортит совсем [посевы], а когда отдалит [ее] от посева, он безмятежно уснет и отдохнет».

Иодасаф сказал: «Все говоришь истинно, но скажи еще, дабы мне еще больше ненавидеть [мир] и враждовать с миром».

Балавар сказал: «Да будет тебе известно то, что вражда с миром примиряет [человека] с богом; ибо непродолжительна жизнь сия, и рано иссякнут дни и ночи; теперь постараемся добровольно выйти из сего мира, так как поневоле придется нам уйти; и, если даже продолжится жизнь наша, нам все-таки предстоит смерть. Тогда все приобретенное растеряется, и высоние хоромы запустеют; и сделается неизвестным имя его (человека), исчезнет память о нем и истощится тело его, ибо нагим унесут его тело и положат в могилу, и свергнут в темную пещеру, и покинут одиноко на чужбине его в нищете, оставленного возненавидевшими [его друзьями]; оставят его на произвол судьбы, и опротивеет он всем; и супруге, и братьям, и детям».

2228. При этих [словах] Иодасаф прослезился: «Слова твои пронзили мне сердце, — теперь расскажи мне о спасении».

И сказал Балавар: «Я, царевич, очень любил сей мир и был погружен в удовольствия его; а когда присмотрелся и увидел обращение в прах (досл. в мертвого) и узнал, что никто не остается в ней (т. е. во вселенной), ни великий, ни малый, ни сильный, ни немогущий, ни мудрый, ни безумец; и когда познал, что и мне так же предстоит уйти [из мира], как и они ушли, и преставиться, как и они преставились, так как и я не величайший между великими и не могущественнейший между сильными, и то, что случилось с ними, должно случиться и со мной, ибо все мы уйдем и рассеемся, — когда я все это познал, я поискал лучшего для себя, и, хотя мне показалось трудным, но я принудил себя воздержаться от похотей и надел узду на волю свою, чтобы она не увлекла меня и не ввергла в волнения мира. И услышал я слово божье из книг вышних: «Я сотворил мир сей и всякий образ его преходящим; теперь возьмите дорожную провизию, так как пойдете в чужую страну, бойтесь, ибо несомненно уйдете отсюда, — так как я уготовил место вечное, в котором два пристанища: одно местопребывание всякого добра, и радость несказанная для тех, которые возлюбили меня и исполнили заповеди мои, и в нем они пребудут вовеки; второе местопребывание полно мучениями, печалью, стыдом, презрением и преумноженным гневом, чтобы мстить ненавидящим меня». Но я, лишь услышал глас сей, понял, что справедливы слова его; взял дорожную провизию, чтобы достигнуть местопребывания спокойствия, и бегу от страшного места и [все же] очень боюсь, ибо многочисленны грехи мои, впрочем еще более многочисленны милости у бога нашего».

Иодасаф сказал: «Как можно войти в то благое пристанище?»

Балавар сказал: «Оставив мир и все мирские заботы, ибо человеку мудрому должно воспитывать самого себя, чтобы страх божий везде и всегда был в памяти его, ибо говорит псалмопевец: «Начало мудрости страх божий, но благо [будет] всем, которые сознают это».

И знай, что один человек не удержит в памяти (досл. соберет) всех учений; или кто из людей в состоянии все кушанья и напитки, которые видел и восхотел в сердце своем, принять сразу? Но он примет [пищу] по мере возможности, понемногу.

23²⁹. Но и то знай, что дьявол отнимает разум у человека и говорит ему в том случае, если [человек] не изменяет богу: «Постись сорок дней, будь в трауре и пеплом [посыпай голову] и пребудь в рыданиях».

«На такие трудные подвиги приглашает он, чтобы или надоест человеку и поколебать [в вере], или же только внушить ему гордость и потом повергнуть на землю и причинить много страданий. Необходимо держать себя в границах и бояться бога. Это запомни и усвой; вооружись крестом, и бог мира да будет с тобой во всех делах твоих, так как нет силы и средства, которыми бы мы воспротивились [ухищрениям врага], разве господом нашим Иисусом Христом мы низвергнем его».

24³⁰. Иодасаф сказал: «Что доказывает нам познание бога?»

Балавар ответил: «Небеса и земля, все, что находится на ней, — одушевленные предметы. Ибо, если увидишь какой-либо сделанный сосуд, хотя бы ты и не видел мастера, все-таки поверишь, что у этого предмета имеется творец; так и при постройке, если даже не увидишь ты строителя, все-таки разум свидетельствует, что строитель ее существует. А я, лишь только узрел себя и познал свое строение, узнал, что у меня есть творец; он сотворил меня, как он хотел, и дал мне образ, не спросивши меня; если бы я был творцом самого себя, я одарил бы себя большей красотой и ростом. Но тот, который сотворил меня, создал меня хуже одних и лучше других; но я познал и то, что он выведет меня из жизни сей, не спросивши меня, — и когда я познал и понял обстоятельства жизни нашей, что мы несколько не можем увеличить или сократить возраста (или роста), ни обновить устарелого, ни приставить снова члена, если какой-либо отпадет, и это не смогли сделать ни цари своим царским [могуществом], ни искусный искусством своим, ни мудрецы мудростью, ни могущественные силой своей, и когда после этого вижу наступление ночи за днем, возвращение вселенной, — благодаря всему этому я познал, что у всех есть творец, но что он не подобен тварям, а если бы он был подобен им, то и его постигло бы то же, что тварей. Ибо как он скажет, так и произойдет; лишь пожелает [чего, это], тотчас исполняется, и он восстанавливает вновь материю [в том виде], как она была раньше, — так как приказание его острее обоюдоострого меча и быстрее сверкания молнии; захочет он — рассеет и вновь все возвратит, и благословенно и прославлено имя его вовеки».

25³¹. Иодасаф сказал: «Во все это ты уверовал истинно, но откуда ты узнал, что предстоит воскресение после смерти и воздаяние за добро и зло?»

Балавар ответил: «По двум делам можно [это] узнать, ибо [во-первых] жизнь покорных и непокорных в сем мире разделена, — так как мы видим многих из послушников в радости, а покорные в страдании и без чести покидают сей мир, но я из этого заключаю, что великий судья бог для того не возвел покорных, чтобы во время воскресения больший почет оказать им, ибо непокорных он осудит по делам

их; во-вторых, можно [это] познать из проповедей апостолов, которые сами были очевидцами величия божья; поэтому они возвещали воздаяние вечное покорным и предостерегали от вечных мучений; и приняли мы свидетельство их потому, что они творили чудеса и знамения в людях силой едиnorodного сына божья, который есть господь наш Иисус Христос».

26³². Иодасаф сказал: «Раз апостолы были того же человеческого естества, почему мы думаем, что они говорили истину?»

Балавар ответил: «Я усматриваю истину из того, что они, как я в начале сказал, последовали за господом нашим Иисусом Христом и отреклись от имущества и приняли на себя нищету, а нищих они обогащали словами. Сами без обуви и с непокрытой головой, в одной одежде странствовали они повсюду, подвергали опасности себя и учили тому же других; если же они были бы лжесвидетелями и обманщиками, то не такой узкой и трудной стезей вели бы людей, но, напротив, еще больше предлагали бы то, что подходит людям, указывая двери просторные и широкие, что приятно глазу, но вредно сердцу; предоставили бы [их] похотям и удовольствиям и благодаря такой жизни взяли бы в залог сердца людей, и не страшили бы сердца людей молитвой и постом, страданием и беднотой».

Сказал Иодасаф: «Если какой-либо человек встанет да будет ложно выдавать себя за пророка божьего, как узнать, что он говорит правду, или это узнать нельзя?»

Балавар сказал: «Дейния их обнаружатся из их тайн, ибо они учат терпению и сами нетерпеливы, потому что не искренни, — учат евангелию и сами полны коварства, да и чудес не могут творить, что людям не по силам».

27³³. И пока Балавар учил царевича таким образом, часы посещения им Иодасафа умножились; и сказал ему Зандан, воспитатель: «Ты знаешь, царевич, что твой отец назначил меня при тебе за мою преданность; и теперь я крайне удивлен тем обстоятельством, что этот человек во всякий час входит к тебе; боюсь, как бы он не был из тех, которых ненавидит отец твой. Теперь, если хочешь, прекрати это дело и беседы с ним, или, хочешь, сделай меня неповинным, и дам я знать твоему отцу, но если не желаешь этого, удали от себя меня и вместо меня пусть даст твой отец других служителей, а меня избавь от гнева твоего отца».

Иодасаф сказал: «Прежде сделай так: встань тайно за занавеской и немного времени послушай, что он говорит мне, а потом, что тебе угодно, сделай».

Как только вошел Балавар к Иодасафу, сзади за занавеску стал Зандан; и когда они начали между собой беседовать, Иодасаф спросил о делах мирских. Балавар начал распространяться о суетности сего мира и сказал: «Лучше было бы (досл. подобает), если бы ищущие сего мира избрали вечную, непреходящую радость; и отчего они не познают бренности (досл. скорой преходимости) величия мирского, когда они видят быстрое исчезновение драгоценностей; и сберегающие [богатства] напрасно трудятся потому, что спустя малое время другие становятся хозяевами их сокровищ; ныне какое дело в мире похвально,

¹ А и С «Учат благодети и сами полны коварства».

или какие ценности остаются нетленными? Между тем те, у которых чрезмерно [много] будет богатства здесь, там обретут стеснение и бедноту, а те, которые стяжают и возлюбят здесь почет, там обретут позор; и многому другому в том роде учил он.

2834. И как только вышел Балавар, Иодасаф хотел испытать Зандана, пошл ли ему впрок слова Балавара; и сказал он: «Ты не слышишь, что говорит мне этот лжец и чародей? Ибо он надеется согрратить меня и испортить радости сей жизни».

Сказал ему Зандан: «Царевич, тебе не подобает неискренность со мной, ибо беседа эта — светлая, и мы слышали и знаем ее великую сладость: но, когда прогнал царь благочестивых и выселил их из этой страны, с тех пор не слышали подобных речей; я знаю, что по безумию [своему] оставили мы это [учение] и возлюбили быстропроходящий мир. Ты же, царевич, если [это] нравится тебе и избрал ты ходящий мир. Ты же, царевич, если [это] нравится тебе и избрал ты это, если полюбишь и возьмешь на себя бремя его и также гнев царский, равно сопротивлению народа, то радуйся вовеки небесному почести и жизни вечной. Меня же любовь к миру и страх перед отцом твоим отвратили [от этого]; но я не отвергаю превосходства (досл. богатства) дела этого: теперь прикажи мне, какими средствами избежать гнева твоего отца, ибо до сих пор я скрываю это дело».

Иодасаф сказал: «Если ты это дело скроешь от царя, знай, что и это тоже верность пред ним, что ты не подвергнешь его большому беспокойству и печали, не отнимешь надежды на потомство и не повернется он в недовольство; а меня не бойся отныне и говори и делай, что тебе угодно, так как понял я суетность мира сего и истинно познал, что человек ничто, только червь и гной, прах и пепел, рассеиваемый в миг: потому я и не забочусь о плоти, что она ничто, ибо душа познает страдание, или все радости; теперь должно заботиться о ней, чтобы она в вечности не была предана страданиям горьким, неугасимому огню, неусыпному червю и тьме крошечной. Знай также то, что я обрел отца вседержителя, творца небес и земли, создателя всех тварей. Его боюсь, перед ним трепещу и поклоняюсь ему, ибо он — царь царей, и ему принадлежит власть над душой и плотью; царствие же его во веки веков. А ты делай, что тебе угодно».

2935. Но теперь Балавар хотел уйти и ушел от царевича; но он очень опечалился и не мог перенести разлуки с ним, и сказал: «Без тебя я не смогу быть; умоляю тебя, и я пойду с тобой, и будем в одном месте пребывать с близкими твоими».

Балавар ответил: «Царевич, это выйдет подобно следующему (досл. этот образ [действия] подобен следующему образу): был некий знатный муж. Он имел любимого сына. Для своего сына он вскормил дикого оленя; на шею оленя привесил бубенчик, и он по-прежнему выходил в поле пасть; однажды он присоединился к другим козам и последовал за ними в лес. Как только узнали, что олень пошел в глубь леса, тотчас вскормившие его пошли искать оленя и нашли среди других зверей. Оленя поймали и потащили домой, а остальных [зверей] истребили. То же самое ты сделаешь (досл. причинишь) и с нами: со мной и моими близкими. И надежда твоя не будет исполнена, да и перенести не сможешь те страдания, которые претерпеваю я со своими близкими; знай еще, что лучше терпеть [то же самое] здесь же, и

если угодно будет богу, то отыщешь другой способ, как быть угодным господу богу нашему Иисусу Христу».

3036. Иодасаф сказал: «Скажи мне, какой пищей вы питаетесь в пустыне?» Он ответил: «Мы питаемся земными злаками; а когда их недостает, мы получаем от наших верующих братьев».

Иодасаф ответил: «Умоляю тебя, возьми сколько угодно драгоценностей, чтобы вдоволь было у тебя и близких твоих».

Он ответил: «Как же ты даешь драгоценности близким моим, когда последний из них богаче тебя?»

Иодасаф сказал: «Каким образом наибеднейший твой ближний богаче меня, тогда как ты сам говоришь об их чрезвычайном убожестве?»

Балавар ответил: «Я говорю [так] потому, что у кого из вас есть [богатство], тот заботится [о приобретении] еще новых, волнуется, чтобы средства не истощились, и мечется во все стороны, чтобы как можно больше собрать. А из моих близких никто не заботится о чем-либо подобном, ни об еде, ни об одежде, потому что они милостивы: питаются сообразно с надобностью и прославляют за это бога, так как они покинули земные богатства и удовольствия мирские, то радуются они и веселятся душой, ибо ждут царствия небесного. Ищущие на земле богатства — нищие разумом и ненасытны, хотя бы они были и богаты. А ближние мои обретают великое спокойствие и живут здесь, ибо сокровищницы их на небесах полны и одна превосходит другую, и собраны там, где ни вор не крадет, ни червь не точит; и разделишь ты вместе с ними (сокровищницы) в вечной радости».

Иодасаф сказал: «Откуда вы знаете справедливость (вышеупомянутых) обстоятельств?»

Он сказал: «Вот откуда мы знаем истину: когда некоторые из близких моих отделяются от плоти, мы лицезрим обыкновенно светлых ангелов, прибывших взять душу ту, которую повелено было взять господом, и слышим мы пение сладкое, исходящее из уст ангельских. Когда же уносит ту душу, тогда снимается с очей наших завеса и мы видим, как душа покоится на руках ангелов и поднимается на небо; и провожаем мы его глазами до тех пор, пока они не пройдут темноты и дьявола (досл. страж воздуха). Драгоценности же, которые ты предлагаешь дать моим близким, раздай нищим и немощным. Но я не буду посланником для близких моих, чтобы доставить им яд, который волнуется человеческий разум; и как я приведу им того врага, которого они умертвили и попрали ногами? А раз они богаты, как обратиться им к нищете и начать волноваться?»

Иодасаф сказал: «Откуда ваше одеяние?» Он ответил: «Одеяние наше — старье и лохмотья, подобранные в сору».

Иодасаф сказал: «Прими одежду для близких твоих».

Балавар сказал: «Никто из нас не хранит одежды, ибо на нем

¹ А и С «От полей».

² Д и В «Ваши одежды не годны для употребления. Наше старое одеяние, в сору подобранные лохмотья — лучше дорогих тканей, расшитых золотом, ибо старая наша одежда ждет обновления, чтобы не стать вовеки, а быть одеянием светлым; а ваши изнашиваются и обращаются в пыль». Сказал Иодасаф: «Сколько одежд на вас?» Сказал:

Встал он и пошел, отягченный [горем], в свой дворец и сказал Ракису: «Какое средство нам теперь применить?»

А тот сказал: «Знаю я человека, с которым вместе я учился, и никто его в этой стране не знает, а веры он нашей, весьма учен в мудрости, и имя его Накор¹. Приведем его, ибо он очень похож на Балавара цветом лица и ростом, и оденем его в облачения, в каких ревича известим об этом: хотя нам невозможно найти его, все-таки скажем твоему сыну, что идем искать твоего наставника и, если найдем, приведем к тебе. А мы пойдём и вместо Балавара приведем к нему Накора, и пусть скажет он ему: «Все я сказал ложно, потому что я был врагом твоего отца». И таким средством обратим твоего сына в нашу веру».

Как услышал царь это, понравились слова Ракиса ему. Вышли искать Балавара.

37³³. Идя, в одном месте нашли мужей-пустынников (досл. *rabulatores*), служителей бога, у которых на шее висели кости. И когда их привели к царю, он их спросил: «Кто вы такие и что означают эти кости, которые висят у вас на шее?»²

А они сказали: «Мы служители бога, и кости висят у нас для того, чтобы постоянно они напоминали бы нам о смерти».

Царь сказал: «И почему эти кости больше, чем совесть или сам разум, напоминают вам о смерти, ведь все [люди] знают [то], что они смертны».

И сказал тот человек: «Если бы вы знали, что вы смертны, то не преследовали бы благочестивых, ибо мы знаем и осведомлены, что вы ищете Балавара».

И сказал им Ракис: «Где этот чародей, который совратил царевича?»

А тот сказал: «Ты сам дьявол и чародей, а он наш ближний, украшенный всякой добродетелью и вооруженный страхом божьим».

И сказал вновь Ракис: «Где же он теперь находится?» А они сказали: «Мы не знаем, где он, и он если бы желал, сам бы открылся. А вы напрасно утруждаете себя и ищете его, ибо бог оберегает его, и вы не сможете найти его. И почему вы ищете брата нашего, который оставил вам минутное величие и больше не будет делить его с вами, а тех не преследуете, которые соперничают с вами и стремятся участвовать в ваших земных радостях?»

Царь сказал: «Потому, что он сам в заблуждении и других со-вращает и удерживает от благ и удовольствий, которые сотворены для людей; и потому я гневаюсь на него, что они *(sic!)* не полюбили благ земных».

Сказал тот человек: «Если это так и ты хочешь, чтобы все люди жили в удовольствии, то почему ты не делаешь всех людей соучастниками твоих удовольствий? Ибо ты доставляешь себе всяческие удовольствия, а бедняки считаются голодные и голые».

Царь сказал: «Потому, что царь и рабы, князья и народ не

равны, и [для того], чтобы каждый соразмерно получал удовольствие и почет».

Тот человек ответил: «Ты своим же словом теперь опровергаешь той сказанное, ибо ты ищешь [удовольствия] для себя, а не для людей; а если хочешь, теперь я тебе сообщу, по какой причине ты пылаешь завистью и готов причинить зло тем, которые оставили удовольствие сего мира, — ибо ты думаешь, что верующие умножатся, и когда они умножатся, не будут сносить ярма рабства твоего, и потому ненавидишь ты их и преследуешь».

И сказал царь: «Есть ли кто-либо из твоих ближних выше тебя?»

А тот человек сказал: «Нет никого ни выше меня, ни ниже, ибо все мы равны во Иисусе Христе, госпде нашем, а у меня такая же известность в этом мире, какал у тебя и у твоих ближних».

Тогда царь приказал изрубить их на куски и бросить на дорогу и приказал Ракису привести Накора.

38³⁴. И вышел Ракис ночью один, и позвал Накора, и сказал о всех замыслах царя, и сообщил, чтобы он вышел на дорогу. Когда рассвело, он отправился к тем местам, где находился Накор. И он шел по дороге; и сказал царь рабам своим, чтобы они спросили, кто такой тот человек? На их вопрос он им сказал: «Я Балавар».

А они схватили его и с радостью привели к царю; а царь так обрадовался, как если бы нашел предмет своих исканий; и отправил он одного из рабов своих известить Иодасафа о поимке Балавара. Но тот, услышав, вздохнул и начал горевать, и говорил про себя: «Как бы от страха перед мучениями, которым подвергнет его отец мой, он не сделался малодушен, не испугался и не начал противостоять мне, чтобы подчиниться приказаниям моего отца».

Плакал он об этом и говорил: «Господи, зачем ты предал раба твоего Балавара в руки беззаконного царя и отчего не скрыл его от глаз их?»

А раб тот [посланный к нему] тайно был христоролюбом, и сказал: «Царевич, не беспокойся, потому что это не Балавар, а Накор, похожий на него».

И обрадовался этому Иодасаф и величал господа. И когда пришел раб тот к царю, царь его спросил: «Это ты Балавар, который совратил сына моего?»

А он сказал: «Хоть бы я был им, немало добра делал я тебе».

Царь сказал: «Какими благодеяниями ты попрекаешь меня?»

А он сказал: «Такими, что ты хочешь отучить сына своего, а я трудился над ним, уча его истине, пока не довел его до спасения души, и научил тому, что возвестили нам святые пророки и апостолы [тому], что уготовил бог любящим его, ибо он был врагом и я примирил его с богом; и он принял и отступился от вашего безбожия».

Но царь сказал: «Я не хочу тебя убивать, пока вполне не расследую твоего дела»: посадил его верхом на лошадь и пошел в свой дворец.

39³⁵. И распространилось известие, что царь захватил Балавара: на другой день встал царь и пошел к своему сыну и сказал: «Сын мой, ни на чью долю не выпадала такая радость, какая выпала на

¹ В настоящем издании в именах «Накор» и «Ракис» к передает груз. ж. — (Ред.).

² С «На груди вашей».

«...долю о тебе; а теперь ты всю ту радость обратил мне в горе и неспокойство, и помрачил свет очей моих, и навлек на себя то, чего я опасался. А я то думал, что ты будешь по смерти моей наследником моих имуществ и царства моего, а ты расстроил намерение мое, ибо ты попал в те сети, которых именно я боялся, так как я оберегал тебя от земных страданий; но ты по незнанию и молодости подверг себя всем тем опасностям и воспротивился воле моей, и оставил веру мою, и положил локоны свои в руки лживых и лукавых, которые довели тебя до горы и которые ввергнут тебя в ад».

Ответил Иодасаф отцу своему: «Я хотел, царь, не открывать служения моего богу до разлуки с плотью, чтобы я не навлек горя на тебя, ибо говорил я про себя: «Если я раньше отца моего отделюсь от плоти в служении своему богу,—благо, а если отец мой отойдет [в тот мир] раньше меня, то все-таки пусть он не отойдет огорченный тем, что я восстал против него. А если угодно будет господу моему, Иисусу Христу, по смерти отца моего я выйду в пустыню, чтобы там быть угодным господу. А теперь я не повинен перед тобой, ибо ты обнаружил дело мое».

Но как только царь услышал эти слова, он побранил его и начал поносить истинного бога Христа. Иодасаф сказал: «Я не знаю, царь, из-за чего ты огорчаешься? Из-за блага, которое я обрел, или из-за сопротивления твоей воле? Если вы гневаетесь на меня за то, что я обрел благо, мне следует бежать от тебя, ибо вы не желаете блага для меня. Если же ты обвиняешь меня в сопротивлении тебе и хочешь погубить меня за то, что противлюсь воле твоей, тогда и мне следует быть огорченным тем, что ты лишен тех благ, которые я приобрел, и не можешь приобщиться к тем [благам], которые во сто крат выше земных, подобно тому как светила небесные, как ты видишь [выше земли]. Но если ты исполнишь свою угрозу, я буду блажен, ибо скоро достигну тех благ, о которых говорили пророки и свидетельствовали апостолы».

Ракис сказал: «Кто знает, что пророки и апостолы говорили правду?»

Сказал он: «Я знаю из того, что они творили знаменья и чудеса, каких другие не могут совершать; а все они творили это именем божьим, чтобы сделать верующим весь мир».

И продолжал Ракис допрашивать Иодасафа по [этому] вопросу в присутствии его отца, пока Ракис не познал бога и не сказал: «Он обо всем говорит истинно, и мы исполняли бесполезный труд по отношению к идолам». И исповедал перед всем народом и сказал громко: «Нет в мире бога, кроме бога единого, который сотворил небеса и землю», и всякое установление веры признал сам и начал [после того] молиться и поститься.

Огорчился царь Абенес от этих слов Ракиса и сказал: «Справедливо я низвергнул и выселил тех соблазнительей и чародеев из моей страны. Сыну своему я желал блага, и они благодаря молодости его и недостаточным познаниям соблазнили его; теперь через него и сей Ракис, глава мудрецов, сбился с пути».

Иодасаф в ответ сказал: «Ты называешь меня младенцем, а я достиг совершеннолетия и не могу оправдываться перед богом малолетством; и ты упрекаешь меня за благодеяния мне и принуждаешь

меня покинуть вечные блага ради преходящих и тленных, но знай, что нельзя равнять нетленные [блага] с тленными. А эти твои блага или ты отнимешь вследствие незначительного какого-либо гнева, или и у тебя и у меня отнимет времен течение. А о радости вечной господь говорит так: «Радости той никто не отнимет у тебя». И занятие, и образ жизни, которые ты избрал для меня, прекрасны и милы, если бы они не были скоропреходящими. Но если у тебя есть уверенность в том, что ты удержишь его (т. е. такой образ жизни), то он благ и желанен; а если ты не уверен, то отчего ты не прощаешь мне его оставления, дабы я получил наименее желанную жизнь? И как удивляет тебя, царь, мое стремление ко благам непреходящим, а упоение твоим преходящими удовольствиями не удивляет тебя? Несчастье мое здесь,—благо, ибо оно будет для меня причиной жизни вечной. И как мне не надоеет этот мир, когда он сам надоедает любящим его? И как мне не отворотиться, когда он сам обращается различно с людьми? Или как же довольствоваться благами его, когда благо его — зло, так как сегодня [человеку] он [их] дает, а на другой день отнимает. А ты не уразумел этого и противишься закону божьему и не хочешь принять благодеяний его, ибо он милосерден и желает обращения всех: он потому воздал тебе [за зло], которое ты причинил рабам его и слугителям».

Тогда смягчился царь и догадался, что вразумление еще более возбуждает разум его к любви бога; встал он и пошел во дворец.

40⁴⁶. На другой день он вновь пришел и сладко [прижал] его к груди своей, обнял за шею и сказал: «Нет, дитя мое и плод чрева моего, и не подозревай, что я хотел зла тебе; затем ты знаешь справедливый суд мой, как я сужу вдов, сирот, бедняков и беспомощных, и не упускаю [случая], чтобы исполнить их просьбы; как же можешь ты, сын мой, хулить мою веру и осуждать мой закон? И как ты не веришь, что дьявол усмотрел безрассудство и слабость твою и возвысил тебя в твоём знании, как бы сравнял тебя с богом, и этим расставил [сети] соблазна при помощи языка по наущению Балавара. И как это ты рассудил, что у тебя истина, а у меня ложь? Я и сам знаю, сын мой, что сердце твое стремится (досл. говорит) к лучшему и это—величайшая милость, дарованная богом тебе, а от тебя и мне, ибо корень отцов твоих привлек тебя». И все это [отец] говорил [Иодасафу] с радостью.

Но когда Иодасаф услышал эти слова, укрепилось сердце его, и он сказал: «О царь, раз наши отцы были благочестивыми, почему ты оставил веру отцов твоих; теперь ты хорошо научил меня, хотя сам на деле-то соблазняешь меня; но болезнь разума твоего злая, и мне не следует торопливо трудиться над ее излечением; теперь мне нужно искать лекарство, а подходить к тебе со строгостью мне не подобает, ибо ты отец мой, и почтение детей к родителям должно быть велико, потому кто будет говорить с тобой коварно, тот не предан тебе. Теперь умерь волнение в сердце твоем и посмотри, что лучше для тебя; помни то, что тебе скоро надлежит умереть и что все величие свое ты оставишь другим; вы же видите, что лишь смерть похищает человека¹, другие овладевают его имуществом. А после некоторого времени всем нам надлежит воскреснуть, и тогда воздастся каждому по делам его. Послушай меня и выбери в сердце своем лучшее, му по делам его. Послушай меня и выбери в сердце своем лучшее».

¹ С прибавляет: «Он не возвращается вновь туда же (т. е. на землю)».

нет никого в этом мире, кто бы научил тебя лучшему [чем это]. Но в пустынях остались некоторые благочестивые люди, которые по-прежнему в господя нашего Иисуса Христа; они знают о воздаянии и награде, и, если хочешь, приведи кого-либо из их числа и знатоков твоей религии; устроим прения, и тогда обнаружится, кто говорит истину и кто ложь».

Когда царь услышал ту речь своего сына, он в удивлении замолк; и лишь пришел в себя, стал он бороться со своим позывом; позыв его и подстрекал и напоминал ему удовольствия и утехы, в которых он прожил без своих привычек; что и победа над позывом порождает (досл. есть) горечь и недовольство.

Тогда сказал он ему: «Сын мой, слово твое соблазнило меня и обратило к тебе, и теперь не буду откладывать выяснения [правдивости] твоих слов и спокойного расследования; если они истинны, они еще более просветятся при исследовании. Теперь мне хочется собрать народ и сказать слово по правде; больше не буду распоряжаться си-нароу и чтобы разнесся слух о спокойствии и чтобы все, которые твоей веры, пришли на это собрание, дабы совершилось справедливое решение перед лицом всего народа, дабы ты не сказал, что я прибегаю и насильно в чем-либо. Пусть наше дело решится по справедливости».

4147. Тогда царь приказал собрать народ, и вышли идолопоклонники, а Накор, который представлял собой Балавара, стал с царевичем, но никто из верующих, не присутствовал на собрании, за исключением одного, который тайно держался христианской веры, — имя его Бараккия; и приготовился он помочь Балавару; и воссел царь на трон, а Иодасаф на землю, так как он не хотел сидеть на троне. Первым начал говорить царь идолослужителям: «Так как вы учителя (досл. головы) этой религии, вот сегодня подвизайтесь непоколебимо, и если вы одолеете, благое вам будет воздаяние; а если будете побеждены, знайте, что вдребезги разобью корону, и опрокину трон мой, и отпущу волоса на голову, и присоединюсь к числу кающихся, и сожгу богов ваших, и истреблю вас, служителей их; будут разрушены дома ваши, и будут полонены ваши дети и жены».

А сыну своему он сказал, указав на Накора: «Вот твой наставник, устроим теперь прения в присутствии нашем».

И сказал Иодасаф: «Царь, ты постановил справедливое решение, как [это] подобает царям», а Накору он сказал: «Ты знаешь, Балавар, нашел ты меня в неге и удовольствии и предложил ты мне принять веру твою, и ты сказал, что непоколебим ты в ней; я пренебрег стыдом перед царем, и послушался приказания его, и решился на жизнь в стеснении от страха перед наказаниями, о которых ты мне проповедовал; и вот теперь собралось множество идолопоклонников, противников, нет никого среди них помощника мне, и ты слышишь суд царя. Если ты расставил мне соблазн какой-либо и отторг меня от удовольствия, и если теперь ты будешь побежден, знай хорошо, — вмиг отомщу языку и сердцу твоему, своими руками вырву их и брошу псам, и это сделаю потому, что ты надругался над царевичем. Такой обет даю перед богом и всем этим собранием».

Когда Накор это слово услышал, он ужаснулся и заметил, что он попал в ту яму, которую он сам рыл; и сказал он [про себя], что он ни-

чем не избавится, как только исповеданием Христа и с помощью веры Балавара; про царя же он думал, что тот оставил заговор свой, который он прежде замыслил. И открыл уста свои Накор и начал хулить идолов и хвалить Христа и творящих законы его. И текла его речь настолько хорошо, что и Балавар не сравнялся бы с ним в своих возражениях идолослужителям.

Иодасаф радовался в душе, и просияло лицо его, и благодарил он бога, который усилил религию свою устами противников своих; и продолжались между ними прения, и разгневался царь на Накора за успешность его речей, но от стыда ни в чем его не упрекал, ибо сказал царь про себя: «Как это я навлек сам беду на себя». И начал царь сам отвечать и состязаться с Накором.

Но Накор дал ему резкий ответ: им стыдил он и царя, и не испугался гнева царского. Наступила ночь; победа ни на чьей стороне не оказалась, ибо Накор ослабил ответ, стыдись царя.

Но Иодасаф сказал царю: «Ни на какой стороне не оказалась победа, ни [на чьей стороне] правда, и моего наставника оставь при мне, а своих при себе».

Но царь хотел тайно внушить Накору, чтобы он не возражал на ответы, и царь оставил Накора вследствие благоволения к своему сыну, а также надеялся, что Накор вследствие заговора их ослабит свои ответы. Но царевич сказал тайно Накору: «Я знаю о тебе, что ты Накор; радуйся, ибо ты сегодня хорошо подвизался ради благочестия; но я потому взял тебя, чтобы защитить тебя от злого обращения царя, ибо сегодня ты очень осрамил его, и он желает тебе зла; мы теперь не примем помощи от твоих уст, против твоей воли; но если ты познал то, что с тобой произошло, — помощь тебе была с неба; в противном случае, как ты воспротивился такому множеству народа? Теперь внимай призыву божьему и вере его, возьми крест и иди за Христом».

Сказал ему Накор: «Я принял, царевич, то, к чему ты меня призываешь, и верую во единого бога, и познал, что все — через него; а теперь повергнусь [ниц] перед ним в молитвах о грехах моих, ибо он сам милостив и ожидает обращения грешников. Но ты, царевич, радуйся, если пойдешь по воле его, и я советую тебе почитать отца своего и вести с ним жизнь по справедливости, покауда бог даст тебе дорогу».

А мне стыдно лица твоего отца, так как он, да будет тебе известно, привел меня себе в помощники, а я нарушил заговор против вас, ибо я очень испугался тебя; и теперь мне следует бежать от лица отца твоего; ты отпусти меня, и я пойду в пустыню, и, если богу будет угодно, снова приду когда-либо к тебе. А я верую в отца и сына и святого духа и исповедую его».

И позволил [ему] царевич уйти, и простился Накор с ним, и пошел он, исполненный веры. Но когда царь узнал [об этом], он отчаялся и в Накоре и повременил спорить со своим сыном. Он начал поносить идолов и лишил идолослужителей почета.

4248. И приблизился потом праздник идолов, и боялись те идолопоклонники, что уж не придет царь принести жертву идолам.

Тогда они отправились к Тедамису¹, он был идолослужитель и

¹ В настоящем издании в Тедамисе т передает груз. თ — (Ред).

находился в пустыне; очень уповал на него царь и весь народ его, но думали, что дождь и солнце через его молитвы даруются этому миру. И привели этого мужа к царю, чтобы он помог им; когда он входил во дворец к царю, он ничем не был прикрыт, только старой тряпкой он обвязал чресла свои. И когда царь заметил, что он входит к нему, он встал, встретил и с удовольствием приветствовал его; а как они уселись, Тедамис сказал: «Царь, живи во идолах, ибо я слышал, что ты очень подвизался ради богов, и я возрадовался, что тебе была дарована победа».

Но царь сказал: «Мы победы ниоткуда не получали, а теперь ты посылно помоги нам».

Тедамис¹ сказал: «Прежде всего следует исполнить праздник идолов², а потом встретиться с врагами, ибо они помощники в борьбе с врагами».

И сказал царь: «Наше положение подобно [положению] того³, который имел красивую жену и боялся, что она не будет в состоянии терпеть и сотворит блуд с юношей; поэтому он предупредил свою жену и сказал: «Если ты почувствуешь страсть и не сможешь противостоять своей плоти⁴, распусти свои волосы; как увижу их, я исполню желание твое, и ты не вступишь в грех».

Однажды приступили враги, и позвали его; и вооружился юноша, чтоб выйти сражаться; но когда жена увидела его разодетым, она вспылала к нему страстью и в один миг распустила свои волосы; а юноша лишь заметил знак, который ему был дан, воротился и исполнил желание своей жены. Но когда он вышел, преследовавшие обратили уже врагов в бегство и возвращались, а юношу упрекали за поздний выход. Но он сказал: «Со мной сражался мой собственный враг⁵, его я прогнал, и это задержало меня!»

Тедамис, ты теперь исцелился от того, что больше мучает, и потом, если меня успокоит от волнений, тогда исполним служение богам».

Тедамис сказал: «Ничто так не полезно и никто так не действует (досл. режет), как соблюдение праздников богов».

Сказал царь: «Я думаю так, не тот ли наиболее истинный [бог], против которого мы восстали, а если ты хочешь, поди и блюди праздник. Я же останусь в своем сомнении, пока не выяснится для меня, что лучше».

Тогда разгневался Тедамис и бросил посох, который имел в руках, сорвал тряпье, которыми были обложены чресла его; и стал он голый пред царем и гневно проговорил: «Я легко оставлю сей посох и тряпье и не боюсь пути монахов, ибо нет жизни тяжелее моей, ибо ничего у меня нет в этом мире, кроме земли, по которой я ползу, и зелени, которою я питаюсь».

¹ В рукописях это имя дальше пишется Тедам.

² С «Принести жертву идолам», Д «Исполнить праздник «корона» (ср. *keronisa*): быть может, *keronisa* — корона есть описка вм. *kerodasa* — идолов.

³ С «Юноши...»

⁴ С «Природе».

⁵ А и В «Прежде я с ним разделался (досл. дал ответ), и теперь я сюда пришел».

Но когда царь слышал эти слова, он отчаялся и познал бессилие их веры, и задумал исповедать бога единого; когда он об этом подумал, изо рта его вышло зловоние, и припомнился ему вкус сего мира, и осилила его привычка.

4349. И сказал он Тедамису: «Каким средством возможно обращение моего сына?»

А он сказал: «Слышал я про одного царя, который имел сына, и сказали врачи: «Если до десяти лет этот ребенок увидит солнце, он ослепнет (досл. лишится света очей)». Царь вырыл ему пещеру и посадил этого ребенка туда; а спустя десять лет он приказал вывести ребенка оттуда; и приказал царь поставить его пред собой, чтобы он знал все, что увидит. А ребенок спрашивал название каждого [предмета]. Он увидел и женщин, воспламенился любовью и спросил: «Что это такое?»

А ему сказали: «Дьяволы, которые губят людей».

Но ребенок сказал: «Я ничего не видел прекраснее и милее тех дьяволов».

Итак, царь, ты тоже отыщи женщин, дабы они возбуждали его и дабы он обратился, потому что с ними он забудет вечность и будет принадлежать миру».

А у царя была прекрасно сложенная девица, царица, взятая в плен, и другие девы, поющие и играющие на арфе (досл. на чанге); и он призвал всех и сказал им: «Знайте поистине, кто из вас возбудит похоть в сыне моем и доведет [его] до плотских желаний, большими подарками одарю я ее и сделаю женой сына моего, и ей будет дарован сан царицы».

И приказал он, чтобы всех служащих юношей, которые были у его сына, сместили бы и на их место назначили тех красивых женщин. Когда это устроили, каждая из них старалась соблазнить Нодасафа, и плясали перед ним и воспевали его на свирели и на арфе¹.

Но когда в нем возбуждалась похоть, он зажигал свечу и подносил [к ней] палец; когда палец становился горячим, он отнимал и говорил: «О несчастный Нодасаф, если ты не можешь выдержать теперь огня, тобой же возженного, который можно вновь потушить, как же ты выдержишь в той жизни огонь неугасимый и как ты вынесешь тьму кромешную. Итак, воздержись от зла и греха».

Так он боролся с похотями; а царевну, взятую в плен, он очень любил за ее мудрость и благоразумие; и учил он ее вере христовой. Но она сказала: «Царевич, если ты хочешь обратить меня в свою веру, исполняй в продолжение одного года мою волю».

А он сказал: «Если я не переживу и меня постигнет смерть, что будет тогда мне в утешение?» Женщина сказала: «То, что ты меня сделаешь благочестивой, и за это тебе будет награда».

Нодасаф сказал: «Это так, но я не приму благодати терпения,

¹ В и Д добавляют: «Иногда они начинали ласкаться к нему и помню его воли возбуждали сердце его к похотям, и сами они совершали много неприличных [действий], дабы он видел, научился и сам так же поступил. А он, полный ума, чувствовал стыд и инстинктом видел, что это дело нехорошее; и потому мучался он от страсти и ни на чем не мог утвердиться; затем он нашел такое средство».

подобно тому, как святые вытерпели и заглушили огонь плотский, и также боюсь, как бы привычка к похоти не увлекла меня и на другое дело и страсть не овладела мной и не повергла в погибель, и не оказался бы я врагом бога моего и другом дьявола».

И сказала та женщина: «Соединяйся со мной в продолжение одного месяца или одной ночи, и я исполню всякую волю твою; а столь малая страсть не повредит тебе, потому что ты меня, заблудшую, обратишь»¹.

И Иодасаф склонился на желание девицы по той причине, чтобы спасти ее, а также [потому, что] похоти душили его. И когда он был в похоти², он заснул и молился богу, чтобы он сообщил ему, что в похоти; и увидел он во сне множество удовольствий райских, позолоченные церкви, так что в этом мире не было подобных; и сказали ангелы, которые сопровождали его: «Это — место упокоения святых». И повели также его в ад; и увидел он страшные мучения в нем, и Иодасаф сказал: «Это воздаяние грешным». Когда он проснулся, он рассматривал в уме ту прелесть рая и горечь ада, и дивился величию бога, и прославлял его милости, который не допустил повергнуть его в греховную пропасть, и изгнал всех тех женщин из своего двorca.

Когда его отец узнал об этом, он пришел к нему и спросил, что он видел. А он рассказал, что он видел, и со слезами умолял отпустить его в пустыню.

4450. И когда царь услышал эти слова, он исполнился гнева и беспокойства и сказал: «Вольшее зло не может постичь меня, ибо, если бы какой-нибудь великий царь или враг собирался отнять у меня сына, я не допустил бы этого, пока жив, а теперь я боюсь, как бы этот юноша не бежал в пустыню и не начал ходить к пустынным; как бы кто-нибудь из моих врагов не убил прелестного плода чрева моего и я не был бы посмешищем врагов; и кто утешит тогда меня в том деле, которым я обеспокоен и которое сильно мучает меня?»

Тогда сказали именитые: «Не следует такой плод отпускать из

¹ В и Д добавляют: «При этих словах она приблизилась к нему и сказала: «Царевич, в этом нет ничего трудного и так лучше [поступить], да и я буду христианкой». Сказал Иодасаф: «Возлюбленная, ты знаешь, что я очень люблю и желаю [исполнить] волю твою, но лучше раньше исповедать тебе Иисуса Христа и уверовать, а затем да будет по воле твоей». Ответила девица: «Я задыхаюсь от страстей и спораю от огня желаний и мне недосуг, но только исполни волю мою, соединишь со мной и потуши огонь, и когда успокоится разум мой, тогда исповедаю».

² В и Д «...Заснул он в мучениях и увидел во сне страшное видение: прекрасные золоченые дома и блестящие церкви, подобных которым видеть человеческому глазу невозможно; и говорили ангелы, которые сопровождали: «Это упокоение святых». И повели его также в другое отвратительное место, полное огня и серы и всякой вони; и увидел он себя, и что девицы связывали его и тащили туда, и ангелы помогали ему и пускали; и когда он имел это видение, он вострепнулся и пришел в себя; и славил милости бога, который не дал ему упасть в греховную пропасть, и схватил он руку девицы и сказал: «Я не дам тебе себя вытащить; но я первый вытащу [тебя] из дома моего»; и изгнал и удалил всех женщин из двorca своего».

твоего царства; если ты дашь часть твоего царства, мы опасаемся, как бы не было распада царства твоего».

Они продолжали еще рассуждать об этом предмете, и порешили царь и все эриставы дать полцарства Иодасафу, — и сказали царю: «Если он возьмется за мирское дело, тогда и похоть приманит его». Но Иодасаф захотел царствовать с умыслом, именно для того, чтобы он мог оживить веру, которую убил отец его; и сказал царь Иодасафу: «Сын мой, не таково было упование мое на тебя, а ты разбил мою надежду и высказал сопротивление мне; но меня влечет к тебе родительское чувство радости о сыне, а ты не беспокоись обо мне так, как я о тебе, и я знаю, что я сам навлек на себя этот позор. Вот я исполню волю твою, ибо всеми родителями руководит любовь к детям, так как они подчиняются воле детей. Итак, я ставлю тебя царем над половиною моего царства; сам управляй, как угодно тебе, чтобы не радовались враги мои моему [несчастью], чтобы я не лишился вовсе через тебя потомства и чтобы разлука с тобой не послала мне смерть раньше, чем смерть сама постигла бы меня. Но если ты со своим царством хорошо сживешься, душа моя не будет вполне лишена тебя, и да будет мир с тобой».

45⁵¹. Иодасаф сказал: «Я приму во внимание твои слова, но бог да успокоит, и я тебя доведу до лучшего, но сердце вовсе не тает к мирскому величию, и мне кажется наилучшим, если ты отпустишь меня; если ты будешь огорчен разлукой со мной, то я послушаюсь твоего приказания, дабы не погибла моя душа; а я и за то беспокоюсь, что воспротивился повелению твоему; и не то, чтобы я желал послушаться тебя, но я видел гибель души моей; теперь я приемлю приписание твое не из любви к царствию, но ради повиновения тебе приемлю приписание твое».

46⁵². И царь очень обрадовался, когда услышал эти слова от своего сына; и приказал он послать глашатая и позвал всех своих эриставов; и когда они собрались, он приказал поставить трон для своего сына и обратился к народу и сказал: «Мы все будем пребывать в нашей вере и законе, которого мы держимся и который мы избрали; этот сын мой хочет быть в законе веры отцов наших; не родовое ли [чувство] привлекло его? Вы все знаете поступок этого юноши, как он воспротивился нашему приказанию, да и сказать в ответ ничего не могу, ибо и мы восстали против веры наших отцов; итак, теперь повелевается мной: да дам я ему половину царства нашего и сокровищницы; да владеет он [исповедуя] какую ему угодно веру».

Все похвалили решение царя и повиновались приказанию его, и прославляли намерение его; и собрание разошлось.

Иодасаф пришел в свой дворец, величавый, восхваляемый и с большим почетом; но были некоторые из христиан, которые таили веру [свою]; все они приходили к нему, кланялись и благословляли его победу, сообщили ему о своей вере и приготовились уйти вместе с ним в его царство; когда Иодасаф уходил в свое царство, он пришел к отцу своему для прощания и чтобы он отпустил всех, которые им были заключены в темнице. Он послушался и приказал освободить всех заключенных; и царь взял царскую корону и возложил на

¹ С «Ты сам».

голове его; и дал ему многочисленные драгоценности, и пожелал ему победы; он отправил его в царство его, которое назначил ему, и когда он достиг [царства своего], многочисленные драгоценности разделил он между нищими и немощными.

47⁸³. Затем он обратился к народу и сказал: «Никому так не должно идти по пути справедливости, как царю, ибо должно спокойно и милостиво управлять своим царством; и если будет угодно богу, я тоже буду править царством судом правым».

48⁸⁴. Золотые и серебряные сосуды, которые дал ему отец для употребления, он приказал распродать в чужой стране и деньги разделить между бедными своей страны. И приказал он эристамам делить между вдовами и сиротами и поступали справедливо со всеми; он воздвиг и построил разрушенные церкви и поставил священников и диаконов, приставил к ним в качестве пастырей епископов.

49⁸⁵. И обогатились все бедняки, и ни одного бедняка нельзя было найти в его стране, который просил бы подаяния (досл. благотворительности). И приходили идолослужители и крестились; умножилось благо и христианство в стране Иодасафа; и все единогласно величали бога, подателя всякого блага, и радовались все.

Но когда увидел отец его, что царство его уменьшается и богатеет царство сына его, то ему стало тяжело, и был он в большом беспокойстве: а молва о нем (т. е. о сыне) разнеслась по всем странам; и со всех сторон собралось множество верующих; и приказал он (Иодасаф) касательно всех священников, чтобы никто не имел власти над ними, кроме бога, и держал он всех в большом почете и церкви все в божеском почете.

50⁸⁹. Но однажды царь Абенес отправил мужей-идолопоклонников к сыну своему, чтобы они узнали о деле и поступках сына его; и когда они пришли во дворец, вышел он им навстречу, как к возлюбленным братьям, и с большим уважением осведомился и принял их милостиво в гости, преподнес большие подарки и призвал их к благочестию.

Но они сказали: «Царевич, что же ты думаешь о нас — о прежних делах наших, которые мы совершили по приказанию отца твоего, и о том, что много крови мы пролили?»

Сказал Иодасаф: «Как оставите вы вашу веру, тем же самым вы покинете сомнение, которое у вас об этом предмете; и как вступите в веру божию, вы войдете в спокойствие и радость вечную, так как бог наш — бог мира и любви и нет у него мести, ибо он ласков, человеколюбец и милосерд; и грешным не смерти он желает, но обращения и раскаяния».

И возвратились те мужи к царю и сообщили все, что слышали и видели. А царь и весь народ решили следовать вере Иодасафовой и принять закон его.

51⁹⁰. И написал письмо¹ относительно этого; и как только прибыл вестник, и он прочел [письмо], он весьма возрадовался

¹ В В и Д приведено письмо [сбоку, на поле, в Д замечка: «Абенес пишет сыну своему: «Абенес царь, тебе, возлюбленному сыну моему и царю, собрату: радуйся, Иодасаф. Пришли мужи, которых я отправил узнать вести о тебе, как ты живешь; и слух о благовоспитанности

и большой помет послал вестникам; и отослал их, дал им большие подарки¹ и написал отцу своему так: «Великому и верующему царю и во благо извинившему покорность богу. Царь, я, раб, и убогий, Иодасаф, приветствую тебя во Христе. Но благодарю бога нашего, который не лишил меня моего желания и удостоил меня видеть истинное царствование твое, ибо теперь ты ты сделался царем, а до этого ты был рабом дьяволов, о возлюбленный отец; теперь велики благодать и щедроты твои ко мне, а благодарения чрезмерны, но ты больше и сильнее возрадовал душу мою, ибо все то, что ты дал мне было ничто в глазах моих, ибо душа моя сгорала от погибели твоей; а теперь, благодаря исповеданию тобой бога, просветились душа моя и разум, ибо я теперь стал сыном верующего царя; и благословен бог наш, который просветил твои духовные очи. Умолю тебя разрушить храмы идолов и сжечь всех истуканов, чтобы ты, сжегши их, примирился с богом, точно так, как впервые сжиганием людей благочестивых ты разгневал бога. Когда ты это сделаешь, тогда ты разрушишь стену и ограду вражескую и получишь истинное утешение от бога, и бог мира да будет с вами вовеки, аминь».

Когда письмо это дошло, царь встал и весь народ с ним; и разрушили они все каллища и сожгли огнем. И пошел царь и весь народ с ним в царство сына его. Когда Иодасаф услышал об их приходе, он вышел навстречу с великой радостью; и пал он ниц перед отцом своим, и приветствовали они друг друга; пошли во дворец и устроили большой пир.

52. Иодасаф поднес большие дары царю, эристам его и всему народу. Спустя три дня он приказал священникам и пастырям, чтобы они крестили царя Абенеса, весь народ и эриставов. И отправляясь в царство его (Абенеса), он (Иодасаф) взял с собой епископов, священников и диаконов.

А Абенес царь приказал всему царству своему построить церковь; и крестился весь народ, и было большое спокойствие и мир в их царствах, и все прославляли бога, которому подобает слава.

твоей, что принял их ты с большим почетом (досл. подарком), обрадовал меня; и подвизаешься ты ради веры христовой и весь свой труд употребляешь на это. Когда все это мы узрели, гордость (досл. величие) наша, мы [Д «и вельможи наши»] восхотели последовать за тобой, если ты примиришь нас, таких ескорбителей религии; ибо родительская любовь к тебе не покидает меня, но, напротив, всегда влечет меня под ярмо воли твоей. Теперь пишу об этом, чтобы ты по правде возвестил мне, каким образом совершить, дабы не расторглось любовное единение наше, о ты, корона отца твоего; ибо, как мы думаем, идолам не следует поклоняться, как богу, ибо ни в чем они не могут помочь человеку, раз сами они изваяны рукой человеческой, и я решил с легким [сердцем] сжечь их, когда твое письмо ко мне получится. Писано это в первую луну, дабы ты скоро возвестил мне об этом. Царю Иодасафу, великому венценосцу и благочестивому, мир тебе, радуйся». — Текст письма Такайшвили издал по Д.

¹ В и Д «Так что каждому из них дал сто весов серебра и золота от радости, которая постигла его».

² С «Во-первых».

338². Спусти некоторое время царь Абенес заболел и призывал сына своего, и передал ему все свое царство в руки; благословил и изъяснял ему благодарение за то, что он удостоил [его] света Христа бога, и говорил: «Сын возлюбленный и желанный, и готовый уйти из этого мира и сильно страдаю и мучаюсь».

И Иодасаф сказал: «Не сокрушайся благодатью его; и теперь ты познал господа Христа и крестился благодатью его; и теперь тебе следует радоваться, ибо ты идешь к богу в место вечного покоя».

Абенес ответил: «Не вини, сын, за то, что я сокрушаюсь, ибо естественно всякой душе страдать о разлуке с плотью, об оставлении воздуха и света¹, об отправлении на чужбину, где не знаем, каким стеснениям подвергнемся: я еще потому боюсь, что очень прогневал бога, творца моего, ибо я перебил многих святых, которые теперь будут мстить мне; а также потому, что во все дни жизни моей я худил истинного бога и величал и славословил идолов; и нет никакой заслуги у меня перед богом, так что и время раскаяния моего сокращается».

Иодасаф в ответ сказал: «Не беспокойся, царь, но радуйся, ибо идешь ко господу благому и многомилостивому, который [рабочему] одиннадцатого часа дает плату равную с [платой рабочего] первого часа, так как нестоимы милости божьи и судит он не подобно людям, ибо милости его — превыше (милостей) сего мира, полного грехов; затем свет и воздух сего мира не равен свету и воздуху его славы, которой удостоится верующие; и так как никто не может [облачиться] в одежду нетленную, пока он не подвергнется грешениям; и знай, что малое раскаяние одолеет множество прегрешений, ибо распространит бог милости на боящихся его».

Тогда ободрился царь, и обрел он утешение от этих слов, и избавилась душа его от этого беспокойства, и сказал он: «Да одарит тебя бог, сын мой, высшими благами воздаяниями своими превыше упования твоего, ибо я был погибшим и ты обрел меня, был пленником и ты освободил меня, был врагом и ты примирил меня с богом. Теперь заповедую тебе: во благе шествуй перед богом и сродником его окончи дни свои, и да не отвратит тебя величие царствования от любви к богу, так как все это призрачно и преходяще. Где теперь страшный ужас моего царствования, множество народа и крепость молодцеватых моих всадников или неисчислимые мои богатства, которые я скопил для себя, чтобы они явились и избавили меня от похищающих меня? Теперь, сын мой, я и сам наставляю тебя, как ты наставлял меня, и вразумляю, как и ты вразумлял меня, чтобы ты презрел мир и все, что в мире; обрети только бога и в молитвах своих поминай меня, сын мой!» И когда он сказал это, он узрел блестящих ангелов, перекрестился и испустил дух.

546³. Но царевич Иодасаф похоронил тело его, как тело простолюдина; и простер он руки свои к небу, поднял глаза и сказал: «Благодарю тебя, господи боже мой, царь славы, который обратил раба своего заблудшего и не погубил его в мучениях адских и удостоил света лица своего; прими, господи, и обласкай сего, как ненасытно

го (?) того сына и упокой душу его среди праведников и святых, и не вспоминай вреда (досл. вины), который он причинил святым твоим, ибо ты милостив и всемогущ».

Сорок дней стоял он на могиле и подобные [молитвы] возносил со слезами к богу. После этого он призвал всех архиереев, переев и диаконов и большие драгоценности разделил между ними, и заповедал жертвоприношения и молитвы по Абенесе царю: таким же образом роздал он нищим, вдовам и сиротам.

554⁴. И воссел на трон свой и приказал вельможам воссесть вместе с ним и сказал: «Вот почил отец наш, царь Абенес, как один из убогих, и никто не мог помочь ему и избавить его от рук смерти; и день этот каждому из нас предстоит; вы знаете, каково было мое желание, но я не мог воспротивиться отцу своему, и теперь нет у меня причины, [мешающей исполнению] моего обета богу, дабы присоединиться к числу монахов и взяться усердно за их образ жизни. А вы для себя выберите царя, который руководил бы вами по воле божьей; и вот силой Христа нет [у нас] никакого врага и противника, и в мире успокоено царство наше».

Когда те услышали эти слова, они встали и все в один голос сказали: «Да не будет, царь, этого и не совершится это до тех пор, пока все не умрем».

Тогда стали они возвышать голоса так, что даже начиналось смятение. Но Иодасаф, когда увидел, что они не позволяют ему, призвал Баракни¹, о котором мы упоминали прежде, что он был помощником Накора в тот день, когда царь давал ответ (т. е. во время прений); и был он родственником Иодасафа, и сказал [ему Иодасаф]: «Родственник необходим в дни несчастий человеку; прими письмо мое к народу и правителям моим о воцарении твоём; а я хочу выйти к братьям и вместе с ними быть рабом Христа».

Баракни ответил: «Не по справедливости решил ты, царь, ибо писано есть: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; между тем ты избираешь для себя лучшее, а мне желаешь погибели. Но если покидать мир и искать вечности лучшей, иди, выйдем оба вместе».

564⁵. Когда он услышал эти слова от Баракни, справедливость [сказанного] стала ясна для него и он не возражал.

В одну ночь написал он собственноручно письмо² к начальни-

¹ В настоящем издании в написании имени «Баракни» к передает груз. ж. — (Ред.).

² В В и Д вместо нижеследующей краткой передачи содержания письма приведен самый текст: «Всем вельможам, эристам, дворянам и народу, царь и брат младший ваш, убогий Иодасаф, — во госпде радуйтесь. Все ведайте, что ничего я в сердце не сознал, как то, чтобы я себя представил госпду моему; и так как я подвизался и для вас, как надлежало, и милостью божьей вы избавлены от яра дьявола, и я, сын бога [ἰσὺ θεοῦ], может быть, надо прочесть *ἰσὺ θεοῦ*, тогда будем иметь: клянусь сыном бога, пишу вам, чтобы поминали меня, недостойного, и во благе подвизались ради самих себя и церкви, почитали бы священников, монахов любили бы, к чужеземцам и беднякам относились бы милостиво и церквам давали должное; и, как уйду я, не уви-

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аббасиды — династия арабских халифов (750—1258 гг.). Ее родоначальником был Абул-Фадл-эль-Хашими.

Абул-Фарадж-и-Надим — арабский писатель X века.

Агиография — вид церковной литературы.

Адышский четвероглав — рукописное евангелие, найденное в местности с. Адыши (Зап. Грузия в Верхней Сванетии), переписанное в 897 году.

Архетип — первотип.

Аскетизм — религиозно-мистическое учение о необходимости борьбы с чувственными влечениями плоти, что якобы нужно человеку для достижения нравственного совершенства и общения с божеством. Аскетическое житие — жизнь в крайнем воздержании, отречение от жизненных благ.

Блэйк Роберт — американский ученый — ориенталист и грузиновед (ум. в 1950 г.).

Будда-Карита — вместе с Лалита-Вистара (см.) одна из многочисленных легендарных биографий Будды.

Визирь (везир) — титул советника царей и министров на Востоке.
Вольф Роберт Лий — профессор Гарвардского (США) университета, ориенталист.

Гарит Жерар — бельгийский ученый, ориенталист.

Гелати — местность в Западной Грузии (около Кутаиси), где царем Давидом Строителем в XII веке был построен монастырь и основана академия, представлявшая долгое время крупнейший в стране научно-литературный центр.

Георгий Мтацмидели (Святогорец) — грузинский писатель XI века, деятель грузинского монастыря на Афоне. Автор биографии Евфимия Грузина (Ивер) (см.).

Дамаскин Иоани — церковный писатель VII—VIII вв., которого долгое время по недоразумению считали автором греческой версии романа «О Варлааме и Иоасафе».

Дёлгер Фр. — немецкий ученый, византист.

Джавахишвили И. А. (1876—1939) — академик, грузинский

историк; ему принадлежит первый перевод на русский язык грузинской краткой редакции романа «Мудрость Балавара» (см. приложение).

Диакритические знаки — в отличие от других шрифтов, арабский шрифт имеет свои знаки (точки, черточки), которые служат для обозначения разных звуков, изображаемых одной основной буквой.

Евфимий Грузин (Ивер, Афонский) — грузинский писатель X—XI вв., автор греческого метафраста «Балавариана».

Зотенберг Г. — французский ученый, ориенталист.

Иберия — древнее название восточной и южной частей Грузии в отличие от Колхиды — названия Западной Грузии.

Католикосат — страна, управляемая в церковном отношении католикосом-патриархом.

Кекелидзе К. С. (1879—1962) — академик Академии наук Грузинской ССР, филолог, историк грузинской литературы.

Кодрант — мелкая разменная монета.

Лалита-Вистара — одна из многочисленных легендарных биографий Будды, вместе с тем самая интересная, сложившаяся на севере Индии.

Ланг Давид Маршал — профессор Лондонского университета.

«Лимонарь» — книга новелл, касающихся жизни подвижников; автором ее является Иоани Мосх (см.).

Манихейство — религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III веке в период кризиса рабовладельческого строя и зарождения феодальных форм эксплуатации. По преданию, его основоположник — Мани (216—276). Манихейство зародилось среди последователей зороастризма и восприняло от последнего учение о добром и злом началах, лежащих якобы в основе мира; жестоко преследовалось церковью.

Марр Н. Я. (1864—1934) — академик — лингвист, филолог, ориенталист; ему принадлежит ряд интересных исследований о романе «Балавариани».

Митрополия — область, управляемая в духовном отношении митрополитом (высшим духовным саном).

Мосх Иоани — церковный писатель VI—VII вв., автор книги новелл «Лимонарь».

Мтацмидели — см. Георгий Мтацмидели.

Несторианство — течение в христианстве, возникшее в V веке в Сирии, являвшейся провинцией Византии. Основатель его — константинопольский патриарх Несторий (ум. около 450 г.). Основным религиозным догматом несториан являлось положение о «самостоятельно существующей» человеческой природе Христа в отличие от «ортодоксального» христианства, считавшего Христа «богочеловеком». Последнее признало несториан «еретиками» и усилило их преследование. Несториане укрепи-

лись в Иране и Ираке, где создали самостоятельную церковную организацию.

Ономастика — раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен.

Орбелиани Сулхан-Саба — грузинский писатель, дипломат и мыслитель (1658—1725).

Палеография — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая видоизменяемость букв по эпохам и странам; палеография занимается изучением рукописей, преимущественно с внешней их стороны (способ нанесения, очертания букв, особенности материала, на котором писали, и т. д.).

Патристика — религиозная философия «отцов церкви», разработавшая христианские догматы.

Патериковая литература — вид церковной литературы, в которой изложены в форме повестей-новелл эпизоды из жизни подвижников церкви.

Пеетерс Пауль — бельгийский ученый, ориенталист (ум. в 1950 г.).
Пехлевийский язык — среднеперсидский литературный язык, представляющий промежуточную стадию развития между древним и новоперсидским языками.

Розен В. Р. (1849—1908) — академик, русский ориенталист; перевел на русский язык арабскую «Книгу о Билаухаре и Иоасафе».

Сарнадиб (Сарандиб) — Цейлон, остров.
Селевкия — доставшаяся Селевку I после раздела часть монархии Александра Македонского; она занимала территорию от Таврии до Инда, включая Сирию и Финикию. Селевкийскому католикосату подчинялась индийская и персидская христианские церкви, которые в VII веке подняли борьбу за независимость.

Симеон Логофет — церковный писатель Греции, прозванный Метафрастом.

Софроний Палестинский — церковный деятель VII в.

Спаспет (груз.) — главнокомандующий сухопутными войсками.

Стадий (греч.) — продолговатая площадь у древних греков, предназначенная для состязания в беге. Этим словом у греков обозначалась также мера длины, равная 240 шагам, или приблизительно 600 футам.

Такайшвили Е. С. — академик Академии наук Грузинской ССР, археолог (ум. в 1949 г.).

Тархнишвили М. — грузинский филолог (ум. в 1961 г.).

Хосрой Ануширван (531—579) — шах Ирана из династии Сасанидов. Его правление стало эпохой расцвета литературы Ирана и оживленного духовного обмена с соседними народами и странами.

Шолайт (Шавнлабат) — страна (Индия).

Экзегетика — толкование библейских текстов.

Эристав (груз.) — военачальник, полководец.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	V
Илья Абуладзе. Происхождение и история романа «Балаварияни» и его место в сокровищнице мировой литературы	IX
Краткая библиография	XXXI

БАЛАВАРИАНИ

Часть первая

1. Абенес, царь индийский	3
2. Умножение христиан и монахов в стране Шолайт и преследование их царем Абенесом. Возвеличение служителей идолов	4
3. Вызов к царю одного из вельмож, преуспевающего в служении идолам, но ставшего затем христианином; разговор с ним; удаление его из царства. Усиление преследования христиан	4
4. Рождение Иодасафа — сына царя — и предсказание звездочетов. Воспитание наследника в обособленном городе	9
5. Приказание царя об изгнании всех христиан из царства. Встреча на дороге с зашивателем слов	9
6. Выезд царя за город и встреча его с двумя христианами, покидающими царство с опозданием. Разговор царя с ними, сожжение их на костре. Усиление идолопоклонства	12
7. Воспитание царевича, юность его и первые подозрения о заточении своем. Беседа Иодасафа с наставником	13
8. Царь Абенес разрешает сыну выйти из города на прогулку. Встреча царевича с изувеченным и слепым. Встреча с дряхлым и сгорбленным старцем. Раздумья царевича о том, как встретиться с служителем бога	15
9. Прибытие Балавара в столицу царства Шолайт; встреча его с наставником Иодасафа; приказание царевича о допуске к нему Балавара	19

10. Беседа Иодасафа с Балаваром	21
11. Притча о глашатае смерти	21
12. Притча о четырех сундуках	22
13. Притча о святеле	23
14. Притча о слоне, преследующем человека	24
15. Притча о трех друзьях	25
16. Притча о царе, возводимом на престол на один год	27
17. Беседа между Иодасафом и Балаваром о делах мира сего	28
18. Притча о собаках, падали и путнике	29
19. Диалог Иодасафа с Балаваром о полезном для души.	30
Притча о лекаре	30
20. Рассказ Балавара о том, как вступил он в монашество	30
21. Речь Балавара о мудрости. Притча о солнце и источниках	31
22. Речь Балавара об отрешении от мира сего и о познании	32
вм истинны	32
23. Притча о мудром царе и добром советнике и о двух	33
наших, веселящихся в пещере на мусорной свалке	33
24. Раздумья Иодасафа о вечной жизни. Притча о богатом	36
юноше, женившемся на дочери бедняка	36
25. Назидание Балавара о страхе божьем. Диалог об истин-	38
ном возрасте Балавара	38
26. Рассуждение Балавара о тех, кто уповает на идолов.	39
Притча о некоем человеке и соловье. Речь о божественном	41
27. Диалог Балавара и Иодасафа о заповедях бога	41
28. Диалог Балавара и Иодасафа о жизни, уходе людей из	42
нее и о достижении блага	42
29. Диалог Балавара и Иодасафа о выявлении истинной веры.	45
Слово Балавара о возвеличении бога	45
30. Рассуждение Балавара о том, как познать бога	47
31. Рассуждение Балавара о воскресении после смерти	49
32. Рассуждение Балавара об апостолах истинных и ложных,	49
о человеке, познавшем первые книги и выдававшем себя за апо-	49
стола, и о том, как отличить апостола от лжеапостола	49
33. Беседа Балавара и Иодасафа в присутствии наставника	51
царевича	51
34. Диалог Иодасафа с наставником Заданом	52
35. Решение Балавара о возвращении к себе в пустыню	53
36. Диалог Балавара и Иодасафа о пище, драгоценностях и	54
одежде отшельников	54
37. Притча о замене одежды для спасения пленника	56
38. Балавар и Иодасаф обмениваются одежаниями	57
39. Заветы пустытника, высказанные им перед своим уходом	57
40. Прощание Балавара с Иодасафом	59
Часть вторая	
41. Минная болезнь Задана — наставника царевича	60
42. Совет царедворца Ракиса	61
43. Поиски Балавара; встреча царя Абенеса с пустынниками	62
и разговор с ними. Притча об охоте	62
44. Поиски Накора — мнимого Балавара — и приглашение его	62

во дворен. Царевич узнает от Баракии о том, что замыслили	
царь и Ракис	65
45. Спор между царем Абенесом и царевичем Иодасафом	67
46. Увещания царя Абенеса и ответ Иодасафа	71
47. Словопрения между мнимым Балаваром — Накором — и	74
жрецами	74
48. Праздник идолов. Притча о военачальнике и о возже-	78
дениях его жены	78
49. Совет Тедмы окружить царевича красивыми девушками-	
прислужницами. Притча о царевиче, пробывшем в темноте десять	
лет. Смена слуг Иодасафа. Диалог царевича с прислужницей —	
плененной царевной. Решение Иодасафа об уходе в пустыню к	
отшельникам	80
50. Жалоба опечаленного царя Абенеса на сына, произне-	
сенная перед народом. Сановники дают совет о разделении	
царства; Абенес сообщает об этом сыну	83
51. Ответ Иодасафа на решение царя выделить ему полови-	
ну царства. Мольба Иодасафа разрешить удалиться в пустыню.	
Согласие Иодасафа взять на себя управление половиной цар-	
ства	86
52. Возведение на престол Иодасафа и прощание его с отцом	88
53. Прибытие Иодасафа в свои владения и обоснование на	
новом месте	89
54. Деяния царя Иодасафа — утешение нищих, перепись бед-	
ного и неимущего населения страны, управление царством	90
55. Успехи в распространении христианства в царстве Иодаса-	
фа. Обращение в новую веру и крещение населения, поклонявше-	
гося ранее вместе с царем Абенесом идолам	91
56. Устремление подданных царя Абенеса во владения Иодаса-	
фа и печаль отца по этому поводу. Послание Абенеса к сыну и	
ответ Иодасафа	92
57. Чтение письма Иодасафа перед народом. Народ и са-	
новники напоминают царю о его обете и дают совет	93
58. Послание царя Абенеса к сыну о передаче ему всего цар-	
ства; ответ Иодасафа	94
59. Словопрения служителей идолов — послов царя Абенеса — с	
монахами перед Иодасафом. Превосходство верования	
Иодасафа над идолопоклонством. Признание этого посланниками,	
а затем и всеми подданными Абенеса. Тедма остается верным идолам	95
60. Послание царя Абенеса и всего народа к Иодасафу о при-	
знании и исповедании ими новой веры. Радость Иодасафа по	
этому поводу и его ответ. Царь Абенес вместе со всем народом	
отправляется к сыну	97
61. Диалог Иодасафа и Тедмы о вере. Признание Тедмой	
своего поражения. Крещение Тедмы	98
62. Болезнь царя Абенеса и последний разговор его с сыном.	
Смерть Абенеса	101
63. Погребение тела царя Абенеса и моление Иодасафа о нем	103
64. Царь Иодасаф объявляет сановникам и народу о своем	
намерении отрешиться от царствования. Он убеждает Баракию	
стать царем страны. Отказ Баракии	104
65. Иодасаф, оставив письменное завещание, тайно покидает	

свое царство. Его ищут и находят в пути. Иодасаф, вняв, мольбе, возвращается в свой дворец. Он убеждает подданных в предренности своего ухода к пустынным и дает клятву. Возведение Баракии на престол. Иодасаф наставляет нового царя и прощается с ним	105
66. Иодасаф отправляется в Сарнадиб на поиски Балавара и находит своего учителя	110
67. Последняя беседа Иодасафа с Балаваром перед его кончиной. Сон Иодасафа	111
68. Смерть Иодасафа	112

ПРИЛОЖЕНИЯ

Мудрость Балавара. Краткая грузинская редакция романа в переводе И. А. Джавахишвили	115
Пояснительный словарь	154

БАЛАВАРИАНИ (Мудрость Балавара)

Технический редактор А. Якимова
Корректор М. Бирюкова

Подписано к печати 25 ноября 1962 г. Формат бумаги
60 × 84¹/₁₆. 12,5 печ. листа = 11,66 усл. печ. листа.

Учетно-издательский 11,92 листа + 8 иллюстраций.

Заказ № 2159 Тираж 100.000 УЭ 05079

Цена 1 р. 03 к.

Издательство Союза писателей Грузии
„Заря Востока“, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Полиграфкомбинат „Коммунист“ Издательства ЦК КП
Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, № 14.

ბ ა ლ ა ვ ა რ ი ა ნ ი
(სიბრძნე ბალავარისა)
(რუსულ ენაზე)